

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Российский государственный гуманитарный университет»
(ФГАОУ ВО «РГГУ»)

На правах рукописи

Данилочкина Ксения Сергеевна

**Северные границы Римской Британии II в. н.э.: роль и назначение
Вала Адриана и Вала Антонина**

Специальность 5.6.2 – Всеобщая история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор, член-корр. РАН
А.И. Иванчик

Москва 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Провинциальные границы: устройство и организация.....	32
1.1. Северные границы провинции Британия.....	32
1.2. Гаск Ридж	38
1.3. Стейнгейт	42
1.4. Вал Адриана	45
1.4.1. Устройство Вала Адриана: общие замечания.....	47
1.4.2. Форты Адрианова вала.....	49
1.4.3. Стена и ров	52
1.4.4. Милевые кастели.....	54
1.4.5. Башни	56
1.4.6. Мосты.....	57
1.4.7. Военная дорога	58
1.4.8. Вал.....	59
1.4.9. Процесс строительства	61
1.4.10. Строители Вала Адриана.....	62
1.5. Вал Антонина.....	66
1.5.1. Устройство Вала.....	67
1.5.2. Форты	68
1.5.3. Строители Вала Антонина.....	71
Глава 2. Адрианов и антонинов валы: имперская практика и идеология.....	75
2.1. Границы Британии как часть границ империи	75
2.2. Исторический контекст создания границ в Британии	80
2.3. Военный контингент в Британии.....	87
2.4. Создание укрепленных границ в Британии: цели и причины.....	89
2.5. Провинциальные границы римской Британии: общее и частное	105
2.6. Между стенами: особенности смены границ	111
2.6.1. Проектирование и строительство новой границы.....	113
2.6.2. Переход на новый рубеж	118
2.6.3. Восстановление прежней границы	126
Глава 3. Провинциальные границы и взаимодействие культур	132
3.1. Жизнь на границах	132
3.2. Центр и границы провинции	144

3.3. Особенности образа Британии.....	149
3.4. Британия как край мира	156
Заключение	168
Список источников и литературы	175
Приложения	204
Приложение 1. Карты	204
Приложение 2. Иконография	209
Приложение 3. Таблицы	210

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность

Вал Адриана и Вал Антонина – две укрепленные границы на территории британского острова, построенные от моря до моря, были возведены по приказам римских императоров, в честь которых мы их сейчас называем. В современной историографии идет активная дискуссия, связанная с изучением вопроса об их функциях и контексте, в котором они существовали. Их строительство датируется 120-ми и 140-ми годами соответственно¹, и именно стены, как особый и необычный объект (в сравнении с привычными пограничными территориями), стали со временем символом римского владычества в Британии. Как именно и с какой целью они были использованы, остается под вопросом даже сейчас, особенно учитывая, что они сменяли друг друга: сначала Вал Адриана выполнял функцию основной границы, затем в 140-х годах граница сместилась на линию Вала Антонина, и, наконец, в 160-х годах, в качестве основной границы римляне вновь стали использовать Вал Адриана, и это оставалось так уже до окончания римской власти на острове. Несмотря на то, что эти перемены происходили достаточно быстро, роль обеих стен в истории Британии велика. Они продолжали оказывать влияние на историю острова в последующее время, и более того, продолжают делать это сейчас. Римские стены, происхождению и изучению которых было посвящено немало исследований, сыграли важную роль в истории и культуре, причем в разные периоды эта роль изменялась.

Образ пограничной стены стал частью литературного наследия. Например, Джонатан Свифт использовал его, описывая не просто стену, но разрушенную стену между Шотландией и Англией. Стала она таковой из-за сомнительных отношений и договоренностей между ними, в отличие от

¹ О датировках см.: *Hill P. R.* The construction of Hadrian's Wall: дис. Durham University, 2003. P. 36-37; *Hingley R.* Hadrian's Wall: A Life. Oxford, 2012. P. 16-18; *Graafstal E.* What Happened in the Summer of AD 122? Hadrian on the British Frontier—Archaeology, Epigraphy and Historical Agency // *Britannia*. 2018. Т. 49. P. 79–111; *Robertson A.S.* The Antonine Wall. Glasgow Archaeological Society, 1960. P. 7 и др.

гордой и непокорной католической Ирландии, отделенной морем². С возрождением интереса к великому имперскому прошлому Британии образы стен используются в политических памфлетах про отношения Англии и Шотландии в контексте сложившегося убеждения в том, что территории, которые находились в пределах стены, считались цивилизованными, или как выражались тогда *романизированными*³, а все, что находилось за пределами, было непременно диким⁴. Такие же мотивы можно найти у Редьярда Киплинга, использовавшего стену как метафорическое изображение имперской власти Британии, что в дальнейшем продолжилось в литературной традиции.⁵

Сложно переоценить влияние римской культуры на развитие европейской цивилизации в целом. И несмотря на всестороннюю изученность, каждый частный случай добавляет новые важные детали к обширной картине. Новые находки, методы и подходы к изучению позволяют по-новому взглянуть на происходившие события и дают возможность переосмыслить уже, казалось бы, утвердившиеся теории о том, какова была Римская Британия.

² *Swift J.* The Works of the Rev. Jonathan Swift, DD, Dean of St. Patrick's, Dublin. / Ed. by J. Johnson, J. Nichols, R. Baldwin, Otridge and Son, J. Sewell, F. and C. Rivington, T. Payne, R. Faulder, G. and J. Robinson, R. Lea, J. Nunn, W. Cuthell, T. Egerton. [and 12 others], 1801. T. 9. P. 307–316.

³ В настоящий момент в современных исследованиях термин «романизация» подвергся критике. Если раньше считалось, что это процессы, происходившие в рамках подчинения местных культур, которые оказывались под влиянием римской, в чем слышатся отголоски эпохи колониализма, теперь это воспринимается иначе. Наиболее подробно спор о романизации, терминологии, истории происхождения термина, а также его дальнейшем существовании см. в историографическом разделе и в: *Барышников А. Е.* Римская Британия и проблема романизации: кризис традиционной концепции и дискуссия о новых подходах в современном английском антиковедении // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. №. 6–3. С. 200–211; *Барышников А. Е.* Империя наносит ответный удар? «Археологические диалоги» и очередной виток дискуссии о романизации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. №. 1. С. 17–24.

⁴ *Hingley R.* The most ancient boundary between England and Scotland': genealogies of the Roman Walls // *Classical Reception Journal*. 2010. T. 2. №. 1. P. 28.

⁵ *Kipling R.* Puck of Pook's Hill. London: Macmillan and co. 1906. 277 p.; *Hingley R.* Hadrian's Wall: A Life. Oxford, 2012. P. 56–7.

Наконец, нельзя не сказать о том, что тема существования границ и восприятия пространства была и остается важной для любого исторического периода⁶. Ведь споры и противоречия по поводу распределения территорий приводят к военным конфликтам, что ведет за собой пересмотр формата линий, разделяющих государства. И именно поэтому взгляд на эту проблему, отдаленную от нас по времени почти на две тысячи лет, может не только раскрыть детали древней истории, но и пролить свет на современность, став частью исследований, посвященных вопросам географии власти.

Объект исследования – римская Британия во II в. н.э. **Предмет исследования** – северные границы Римской Британии (Вал Адриана и Антонина) во II в. н.э. история их сооружения, роль и назначение.

Хронологические рамки исследования определяются II в. н.э., поскольку в это время были созданы границы, происходила их смена, что в свою очередь повлияло на то, что деятельность римской армии в указанных местах была наиболее активной. Именно во II веке линия границы в провинции была закреплена, а все последующие изменения, касающиеся как истории Римской империи, так и последующей жизни острова, были связаны непосредственно с двумя укрепленными комплексами, созданными в этот период. Последующая судьба обоих валов и границы империи в III в.н.э, включая кратковременное возвращение римских войск на вал Антонина при

⁶ Следует отметить журнал *Journal of Frontier Studies*, URL: <https://jfs.today/index.php/>, в котором публикуются статьи по теме изучения различных фронтиров. А среди недавних работ следует выделить, например, *van der Vleuten, E., & Feys, T. Borders and Frontiers in Global and Transnational History Introduction // Journal of Modern European History / Zeitschrift Für Moderne Europäische Geschichte / Revue d'histoire Européenne Contemporaine*. 2016. Vol.14 (1). P. 29–34 или исследования более современных тем в книге *Bacas J.L., Kavanagh W. Border Encounters: Asymmetry and Proximity at Europe's Frontiers*. New York, Oxford: Berghahn Books, 2013. 302 p. или работу Дайсона о римских фронтирах: *Dyson S.L. The Creation of the Roman Frontier*. Princeton University press, 2014. 338 p.

Септимии Севере, составляет особую проблему; ее рассмотрение не входит в задачи данной работы.

Территориальные рамки данного исследования включают территории острова, расположенные между самой дальней точкой, куда смогли дойти римляне на севере – Шотландского нагорья – и дорогой Стейнгейт, проходившей по линии, сформированной долинами реки Тайн в Нортумберленде и Иртинг в Камбрии; эта линия была одной из первых границ провинции. Такой выбор обусловлен тем, что именно здесь во II веке римляне создавали рубежи и проводили границы, которые менялись в зависимости от политической и военной ситуации.

В качестве **источников** диссертации выступают произведения античных авторов различных периодов, надписи I–IV вв., а также археологические материалы.

Среди литературных источников трудно найти произведение, темой которого была бы исключительно Британия. Однако это вовсе не означает, что история острова никак не отразилась в произведениях античных авторов. В нашем распоряжении имеются тексты, которые рассказывают о географии, нравах и обычаях местного населения, а также о римских военных кампаниях, проходивших на разных этапах завоевания и становления провинции. Часть из них была создана до завоевания острова (в частности, сочинения Цезаря, Страбона), другие — во время существования провинции и сразу после оставления Альбиона римлянами. Они представляют различные стороны жизни провинции и позволяют рассмотреть интересующую нас проблематику в динамике. На некоторые из них следует обратить особое внимание, поскольку в них содержатся подробности, непосредственно относящиеся к теме представленного исследования.

Так, для нас важны труды Публия Корнелия Тацита несмотря на то, что его творчество выходит за пределы хронологических рамок исследования. Наибольшую ценность среди них представляют «Жизнеописание Юлия Агриколы» и «Анналы». В первом историк описывает жизнь своего тестя,

который в течение нескольких лет был наместником Британии, а до того вел завоевательные походы, будучи легатом XX легиона. В «Жизнеописании» Тацит затрагивает тему культурной, социальной и военной политики Рима в Британии, а также коротко описывает быт и нравы местного населения острова. Это позволяет нам составить представление о том, как Британия выглядела с точки зрения римлян конца I — начала II вв.

Эту картину можно дополнить более ранними свидетельствами из «Географии» Страбона, «Записок о Галльской войне» Цезаря и «Географии» Птолемея. В этих трудах содержатся представления об острове, его географии и населении на различных этапах взаимодействия между Римом и Британией. Таким образом, эти произведения оказываются важными для исследования с точки зрения изучения предпосылок, приведших к созданию укрепленных границ на территории острова.

Для реконструкции античного образа Римской Британии важны также поэтические источники. Они представлены трудами знаменитейших римских поэтов: Горация, Вергилия, Марциала, которые сформировали отношение к Британии на ранних этапах становления ее в качестве римской провинции. Это не означает, что более поздних авторов можно обойти вниманием. Например, для нашей работы важно описание различий между уже римскими бриттами и северными непокорными общинами, оставленное поэтом Клавдием Клавдианом⁷ из IV в.

Сведения о позднеримской Британии содержатся также в сообщениях средневековых авторов, Беды Достопочтенного и Гильды Премудрого. Столь разные во времени свидетельства, относящиеся как к началу, так и к концу римского владычества на острове, помогают проанализировать античные представления в динамике, обратить внимание, на то, как с течением времени описываемые объекты были сначала символом римских завоеваний, а затем сами влияли на восприятие событий и явлений на острове.

⁷ О роли поэта в традиции: *Christiansen P. G., Christiansen D. Claudian: The Last Great Pagan Poet // L'Antiquité Classique. 2009. № 78. P. 133–44.*

Один из основных литературных источников по истории Адрианова и Антонинова валов известен как «Жизнеописания Августов» (*Scriptores Historiae Augustae* – SHA)⁸. Это сборник биографий римских императоров, который — при внимательном анализе и с поправкой на время и цели создания — позволяет узнать о подробностях политики, проводимой императорами в отношении провинции. В историографии обсуждается вопрос о времени создания и об авторстве и происхождении данных текстов. Следует отметить, что дискуссия касательно дат создания интересующих нас Жизнеописаний также продолжается.⁹ Но несмотря на не затухающие споры по поводу авторства и происхождения, а также на то, что сообщения «Жизнеописаний» отражают реалии создания стен ретроспективно, именно в этих текстах сохранились ключевые нарративные свидетельства о создании укрепленных границ в Британии. Они помогают атрибутировать их создание именно временем правления императоров Адриана и Антонина, что подтверждается эпиграфикой. Безусловно, сам жанр этого источника предопределяет его сосредоточенность на жизни императоров и их окружения. На основе «Жизнеописаний» невозможно делать выводы о контактах римлян и бриттов на разных уровнях. Тем не менее, именно свидетельства этого источника позволяют увидеть общее направление и содержание политики имперского центра в регионе. Кроме того, «Жизнеописания» являются единственным литературным свидетельством создания провинциальных границ, описывающим контекст их появления и указывающим, по чьему повелению были созданы эти сооружения.

⁸ Об авторстве источника см. *Stover J. A., Kestemont M. The authorship of the historia augusta: two new computational studies // Bulletin of the Institute of Classical Studies. 2016. Vol. 59. №. 2. P. 140–157; Stover J. New light on the Historia Augusta // The Journal of Roman Studies. 2020. Vol. 110. P. 167–198.*

⁹ Более подробно об этом см.: *Syme R. Emperors and Biography: studies in the Historia Augusta. Oxford: The Clarendon Press, 1971. 280 p.; Syme R. Historia Augusta papers. Oxford, Clarendon, Oxford University Press, 1983. 244 p.; Barnes T.D. The Sources of the Historia Augusta. Brussels: Latomus, 1978. 450 p.; Stover J. A., Kestemont M. The authorship of the historia augusta: two new computational studies // Bulletin of the Institute of Classical Studies. 2016. Т. 59. №. 2. P. 140–157.*

Ценные сведения о топографии и географии провинции содержатся в «Итинерарии Антонина»¹⁰, источнике, представляющем собой систематизированные в виде путеводителя сведения о городах и маршрутах Империи в целом и в Британии в частности. Создание текста и дополнений к нему относят ко II-III вв. н.э. Не вся содержащаяся в «Итинерарии» информация подтверждается археологией, однако та часть, которая имеет под собой реальную основу, позволяет судить о географических подробностях устройства провинции, известных римлянам и дошедших до нас. В частности, источник указывает местоположение лагерей и крупных торговых центров, которые появились в провинции в эпоху римского завоевания. Также он помогает восстановить схему сети дорог, созданных римлянами, что, в свою очередь, упрощает отслеживание маршрутов перемещения легионов в провинции и весьма полезно для исследования связи между появлением укрепленных границ и торгово-логистических путей, существовавших на острове.

Поскольку Адрианов и Антонинов валы представляют собой систему пограничных фортификационных сооружений, для их изучения полезны античные сочинения, связанные с военным делом. Среди них особое внимание следует на трактат Флавия Вегеция Рената «Краткое изложение военного дела». Его труд хоть и написан позже создания границ, позволяет понять те идеи и представления о военном деле и фортификации, которые могли лежать в основе решений о сооружении объектов романо-британского пограничья. При этом следует помнить, что в его тексте присутствуют скорее теоретические изыскания, описывающие идеализированные примеры, к которым нужно было стремиться. В отсутствии текстов, непосредственно связанных с устройством границ, описание устройства укреплений вокруг лагеря кажется наиболее близким по тематике и смыслу.

¹⁰ Об интерпретации и использовании «Итинерария Антонина» для провинции Британия см.: Rivet A. L. F., Jackson K. The British section of the Antonine Itinerary // *Britannia*. 1970. Vol. 1. P. 34–82.

Эпиграфический материал по изучаемой проблеме, в основном, представлен в Roman inscriptions of Britain (RIB)¹¹. Это недавно оцифрованный корпус надписей, созданный на основе нескольких томов под редакцией Р.Дж. Коллингвуда и Р.П. Райта. По мере пополнения корпуса находок в RIB постепенно добавляют новые материалы, многие из которых связаны с пограничными областями провинции. Кроме того, надписи, касающиеся Британии, можно найти в бюллетене *Année épigraphique* (AE) и своде *Corpus Inscriptionum Latinarum* (CIL)¹².

Среди эпиграфических памятников выделяются различные группы надписей на камне (часто лапидарных по содержанию) и надписей на прочих материалах: дереве, коже, керамике. Данные источники можно разделить на несколько категорий по их содержанию и по той информации, которую они дают для нашего исследования. Особенно важны строительные надписи или записи о ремонте различных сооружений: они позволяют уточнять датировку строительства и упоминают тех, кто был занят непосредственным, материальным созданием границ. Ценную информацию дают эпитафии, в которых иногда указаны подробности жизни тех, кому они были посвящены. Они относятся к категории частных надписей и представляют сведения об индивидуальных достижениях, но их анализ позволяет сделать выводы, касающиеся и общества в целом, в том числе об отношениях между римской

¹¹ *Collingwood R.G.C., Wright R.P.* The Roman inscriptions of Britain. Vol.I: Inscriptions on stone. Oxford, 1965; *Tomlin R.S.O., Wright R.P., Hassall M.W.C.* The Roman inscriptions of Britain. Vol.III: Inscriptions on stone found or notified between 1st January 1955 and 31st December 2006. Oxford, 2006. 1-й том RIB доступен также онлайн: The Roman inscriptions of Britain online [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://romaninscriptionsofbritain.org/> ; *Corpus Inscriptionum Latinarum* / Ed. By H. Wilhelm, G.B. de Rossi, E. Bormann. Berlin: G. Reimer, 1876; *Tomlin R.S.O. Tabellae Sulis: Roman inscribed tablets of tin and lead from the sacred spring of Bath* / R.S.O. Tomlin // The temple of Sulis Minerva at Bath, Volume II: finds from the sacred spring. Part 4 / Ed. By B. Cunliffe. Oxford: Oxford University Committee for Archaeology, 1988.

¹² Эти надписи, однако, имеют ограниченную информативность, в связи с чем мы приняли решения отказать от полного цитирования всех надписей, поскольку по большей части они типовые и находятся в открытом доступе, а также, чтобы содержание работы не стало по большей части простым перечислением.

армией и местным населением, о карьерах служивших в Британии военных и связанных с провинциальным гарнизоном лиц.

Культовые надписи, часть из которых представляют собой посвящения богам, как частные, так и сделанные от имени воинских подразделений, оказываются необходимы для изучения культовых практик и религиозных представлений, культурной жизни населения изучаемого региона и отражающей взаимодействие местных и римских традиций. Особое место в этом контексте занимает культ императора, который проливает свет на политику и особенности административной деятельности на местах.

Особняком в этой части источников стоят деревянные таблички, найденные в Виндоланде, одном из римских фортов близ Вала Адриана. Таблички были обнаружены в 1970-хх гг. Робинот Бирли¹³. Они представляли собой небольшие дощечки с чернильными надписями, похожие на современные открытки, содержащие первые для Британии письменные свидетельства подобного рода. Большая их часть была создана в период до сооружения стены Адриана, и информация, которая в них содержится, относится в основном к началу II в. Среди табличек имеются как официальные записи, так и частная переписка, которая позволяет раскрыть детали повседневной жизни римских легионеров и членов их семей. И именно такие частные письма будут представлять для нас наибольший интерес. Детали, которые мы в них находим, являются более специфическими и менее стандартизированными, в них больше языковых конструкций, использовавшихся в повседневной речи, а значит, они точнее отражают детали именно повседневной жизни пограничья, которая менялась в соответствии с изменением положения дел в провинции.

Кроме того, в исследовании были использованы военные дипломы¹⁴. Они представляют собой бронзовые таблички с надписями с двух сторон, на

¹³ Bowman A. K., Thomas J. D. The Vindolanda writing tablets and their significance: an interim report // *Historia: zeitschrift für alte geschichte*. 1975. №. H. 3. S. 463.

¹⁴ RMD IV: *Roxan M.M., Holder P. Roman Military Diplomas 4*. Institute of Classical Studies, London, 2003. 315 p.; RMD V: *Holder P. Roman military diplomas V* // *Bulletin of the Institute*

которых содержались две копии одной надписи, содержащей общую и индивидуальную информацию. Первая включает копию указа императора (конституции) об увольнении в отставку воина (дипломы выдавались служившим во вспомогательных подразделениях, на флоте и в преторианских когортах, но не легионерам). Вторая содержала имя получателя диплома, его происхождение и название подразделения, в котором он служил.

Надписи разных жанровых групп, естественно, следует использовать комплексно. В исследованиях жизни на границе нам важно проследить датировку создания строений и памятников, проанализировать сведения о легионах и вспомогательных частях, которые там располагались, рассмотреть посвящения императорам, связанные с их культом и политическими решениями, сведения о локальных традициях и культах, также иногда встречающихся в источниках подобного типа. Эти источники позволяют восстановить полноценную картину взаимоотношений разных культур, их взаимодействия, рецепции и обсудить проблемы, связанные с идеологическим контекстом.

Кроме данных, обнаруженных непосредственно на территории провинции, следует использовать информацию, которую дают археологические и эпиграфические источники, происходящие из других частей империи. В частности, при изучении границ отдельного внимания заслуживают другие схожие комплексы приграничных укреплений, расположенные на территории империи (в Германии, Африке и др. провинциях). Сопоставляя и анализируя информацию о таких сооружениях, мы сможем лучше понять назначение Валов в Британии. Наличие укрепленных границ в империи напрямую говорит о характере взаимоотношений с местным населением на приграничных территориях.

of Classical Studies. Supplement. 2006. 326 p. Найденные в Британии дипломы изданы как один из выпусков второго тома RIB.

Нумизматические данные, собранные, в частности, в RIC (Roman imperial coins), позволяют выяснить, каковы были тенденции развития экономического взаимодействия, подкрепить датировки событий и дают иную информацию о социальной и политической ситуации в регионе. В период становления провинции мы встречаем монеты не только римской чеканки, но и выпущенные местными вождями, что указывает на определенную самостоятельность племенных общин¹⁵.

Важность археологических данных для изучения истории римской Британии сложно переоценить, особенно в условиях скудости письменных источников, посвященных истории острова¹⁶. С одной стороны, они расширяют корпус доступных источников, с другой, благодаря работе с памятниками материальной культуры происходит процесс интерпретации и концептуализации истории¹⁷. Ежегодно выходят дайджесты¹⁸ наиболее важных археологических открытий и полевых проектов, в которых концентрируется информация о последних достижениях и новых находках ученых. Эти сводки являются ценным рабочим инструментом, позволяющим

¹⁵ Cottam E., De Jersey P., Rudd C., Sills J. Ancient British Coins. Aylsham: Chris Rudd, 2010. 252 p.

¹⁶ Последний подробный обзор истории археологических исследований стены Адриана выходил в 2014 г. за авторством Дэвида Бриза: Breeze D. J. Hadrian's wall: A history of archaeological thought. Kendal: Cumberland and Westmorland Antiquarian and Archaeological Society, 2014. 194 p.

¹⁷ В случае с исследованиями римской Британии и Адрианова вала именно с деятельностью археологов связаны как совершенствование методов исследования (в частности, активное применение новейших достижений естественно-научных дисциплин - из недавних публикаций см.: Buck, T., Greene, E. M., Meyer, A., Barlow, V., Graham, E. The Body in the Ditch: Alternative Funerary Practices on the Northern Frontier of the Roman Empire? // *Britannia*, 2019. Т. 50. P. 1–22; Eckardt, H., Müldner, G., Speed, G. The Late Roman Field Army in Northern Britain? Mobility, Material Culture and Multi-Isotope Analysis at Scorton (N Yorks.) // *Britannia*, 2015. Т. 46. P. 191–223; Fieber, K. D., Mills, J. P., Peppas, M. V., Haynes, I., Turner, S., Turner, A., Douglas, M., Bryan, P. G. Cultural Heritage Through Time: A Case Study at Hadrian's Wall, United Kingdom // *International Archives of Photogrammetry, Remote Sensing and Spatial Information Sciences*, 2017. XLII-2/W3. P. 297–302 и внедрение новых теоретических моделей для объяснения прошлого провинции и её границ (среди наиболее значимых здесь можно указать концепты идентичности и глобализации - см., в том числе: Gardner A. An archaeology of identity: soldiers and society in late Roman Britain. Routledge, 2016. 312 p.; Pitts, M., Versluys, M.J. Globalisation and the Roman World: world history, connectivity, and material culture. Cambridge University press, 2015. 296 p.

¹⁸ *Britannia* 1970-2024 (Vol. 1 - Vol. 55) (1) Sites Explored.

лучше ориентироваться в многочисленных и порой разрозненных публикациях археологических материалов. Разумеется, они не заменяют обращения к самим публикациям. Важная часть археологических находок в Британии становится доступной исследователям и широкой публике благодаря проекту The Portable Antiquities Scheme (PAS)¹⁹, созданному правительством для учета и регистрации мелких находок, представляющих археологический интерес. Кроме того, большинство исследователей-археологов публикуют статьи на основе обнаруженных артефактов, что позволяет нам содавать интерпретировать или реконструировать события, происходившие при создании и смене границ, что и определяют основной фокус данного исследования²⁰.

Все вышеуказанные источники позволяют проследить процессы, проходившие на территории провинции в I-III вв. Они дают информацию о взаимодействии культур, а их комплексный анализ позволяет восстановить картину исторических событий и эволюцию их восприятия в дальнейшей литературной традиции, разобраться в идеологических предпосылках создания укрепленных границ и пограничной зоны. Однако этот анализ источников невозможен без полноценного изучения историографии, посвященной истории острова.

Степень изученности темы

Научная литература по Римской Британии, с одной стороны, обширна, но специфический характер источниковой базы предопределяет возникновение множества вопросов, не имеющих удовлетворительного ответа. Несмотря на большой и давний интерес к изучению провинции, в нашем распоряжении почти нет работ, комплексно рассматривавших системы римских укреплений на острове. Это во многом связано с различающимся фокусом и

¹⁹ The Portable Antiquities Scheme (PAS) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://finds.org.uk>

²⁰ Примеры того, как мелкие находки могут повлиять на выводы исследователей см.: *Crummy N. Bears and Coins: The Iconography of Protection in Late Roman Infant Burials // Britannia. 2010. R. 41. P. 37– 93; Allason-Jones L. The small finds // Scottish Archaeological Internet Reports. 2022. T. 98. P. 89-109.*

дисциплинарной спецификой работы историков и археологов, преследующих разные цели в своих исследованиях. Столь же немногочисленны работы, которые бы смогли с достаточной точностью реконструировать жизнь Британии в доримское время, что ведет к сложностям с изучением вопросов взаимодействия Рима и местного населения, если пытаться перевести диалог в наглядную зону: почти полностью отсутствуют, например, исследования, которые бы смогли дать точное географическое описание распределения местных общин²¹.

В связи с этим полезно посмотреть на то, как римская Британия и история её пограничья изучались в исторической науке, начав с описания трудов отечественных исследователей.

Первой книгой, посвящённой римской Британии, стала монография Н.С. Широковой²². В ней она описала стадии развития Британии под Римским управлением и провела анализ исторических работ, уделив особое внимание кельтскому и римскому искусству, а также вопросам религии и культов, что было особенно важно в контексте нашей работы. Стоит также отметить работы А.Е. Барышникова: научно-популярную книгу «Римская Британия»²³, в которой тем не менее затрагиваются наиболее актуальные вопросы изучения провинции, а также ряд статей, раскрывающих различные отдельные вопросы истории Римской Британии, связанных с урбанизацией, рецепцией и историографическими дискуссиями²⁴.

²¹ Однако следует учитывать, что для разных регионов Британии доримское время было различным ввиду специфики того, как происходило завоевание (одним из первых под римской влияние попадает Кантий и лишь затем римляне доходят до более дальних территорий).

²² Широкова Н.С. Римская Британия. Очерки истории и культуры. СПб, 2016.

²³ Барышников А. Е. Римская Британия. Rosebud Publishing, 2023. 516 с.

²⁴ Барышников А.Е. Camulodunum Colonia Victricensis: рождение и гибель провинциального центра // Античный мир и археология. 2011. Вып. 15. С. 148–159; Барышников А. Е. Империя и "трения": Поиски новых подходов к осмыслению римского империализма // Новый исторический вестник. 2023. № 4(78). С. 6–19; Барышников А.Е. Изучение городов римской Британии в новейшей британской историографии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. №2. С. 128–144.

Не утратили свою значимость работы М.С. Садовской, которая в своих статьях²⁵ затрагивала различные аспекты истории провинции, от культов до истории с исчезновением IX Испанского легиона. Особенную важность для нашей работы имеют публикации исследовательницы, посвящённые гарнизону Адрианова вала и форту Виндоланда. Стоит также отметить работы Т.Б. Перфиловой, занимавшейся вопросами религиозных контактов между Римом и местным населением²⁶, и исследования А.В. Клеймёновой, обратившей своё внимание на некоторые историографические сюжеты и логику на острове²⁷. Кроме того, следует упомянуть О.И. Малюгина и его статью «Административное деление позднеимперской Британии и проблема провинции Valentia в англо-американской историографии»²⁸, где автор проясняет некоторые проблемные места, связанные с употреблением в историографии названий для разделенной провинции и выдвигает предположения касательно ее управления, опираясь на данные в том числе и более раннего периода истории провинции.

²⁵ Садовская М.С. Восточные культы Римской Британии. // Из истории античного общества. Горький, 1983. С. 72–83; Садовская М.С. Дислокация и этнический состав римских войск на территории вала Адриана в Британии (по данным эпиграфики) // Из истории античного общества. Горький, 1975. С. 98–115; Садовская М.С. Романизация провинции Британия (I–II вв. н.э.). // Московский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина. Ученые записки: из истории Древнего Рима. М., 1960. С. 61–79; Садовская М.С. Тиберий Клавдий Когидубн (К вопросу о романизации Британии в I в. н.э.). // Из истории античного общества. Горький, 1986. С. 71–83; Садовская М.С. IX Испанский легион в Британии. // Из истории античного общества. Горький, 1979. С. 65–85.

²⁶ Перфилова Т.Б. К вопросу о контактах местного населения римской Британии с народами римской Империи в области религии // Проблемы истории, государства и идеологии античности и раннего средневековья. Барнаул: Издательство Алтайского университета, 1988. С. 55–65.

²⁷ Клеймёнова А.В. Некоторые аспекты отечественной историографии римской Британии // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. Вып. 6 (1). С. 238–242; Клеймёнова А.В. Проблема эффективности функционирования римских транспортных коммуникаций в Британии I–II вв. н.э. // Научные ведомости Белгородского университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2014. Вып. 15 (186). С. 31–35.

²⁸ Малюгин О.И. Административное деление позднеимперской Британии и проблема провинции Valentia в англо-американской историографии. Ярославль, 2012. С. 210–221.

Также отечественные ученые уделили много внимания вопросам идеологической политики императоров²⁹, вопросу изучения границ и приграничных систем³⁰ и истории Римских провинций в целом³¹.

Естественно, важнейшую роль в развитии исследований провинции играют британские учёные, хотя последние десятилетия отмечены заметной интернационализацией романо-британистики. Ещё одна заметная тенденция — расширение круга изучаемых вопросов, часто происходящее благодаря «взгляду извне», работам исследователей, выросших и получивших образование за пределами Соединённого королевства. Наиболее важную для нас научную литературу можно разделить на три крупных группы: 1) исследования общего характера, которые стремятся к комплексному описанию истории римского периода на острове, 2) исследования, которые касаются непосредственно провинциальных границ, а также 3) работы, посвященные идеологии, проблемам идентичности и культурной истории Британии.

Среди общих исследований необходимо в первую очередь отметить труд П. Сэлуэя по истории «Римская Британия (ок. 55 до н.э. – ок. 440 г. н.э.)»³². Эта книга не только содержит описание важнейших событий римского периода британского прошлого, но и авторские трактовки их причин и последствий. Еще одной обобщающей работой, активно использовавшейся в нашем исследовании, является книга Патриции Саузерн «Римская Британия»³³. В ней автор предлагает собственную интерпретацию событий, происходивших на острове в римское время. Данная монография посвящена всему периоду взаимоотношений Рима и Британии. Большое преимущество этой работы

²⁹ Щетинин М. Н. Провинциальная политика раннего принципата: дис. ... канд. ист. наук.: 07.00.03. Великий Новгород., 2001. 316 с.; Трухина. Н.Н. Политика и политики «золотого века» римской Республики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. 183 с.

³⁰ Савин Н.А. Германо-Ретийский лимес и Рейнская армия Рима. СПб: Алетейя, 2019. 770 с.

³¹ Межеричкий Я.Ю. Colonia Claudia Ara Agrippinensis/Кёльн — центр римской провинции Нижняя Германия // Античный мир и археология. 2011. Вып. 15. С. 100–147.

³² Salway P. A History of Roman Britain. Oxford University Press, 2001. 608 p.

³³ Southern P. Roman Britain. Amberley Publishing, Stroud, Gloucestershire, 2013. 432 p.

заключается в том, что она была издана с учетом новых данных на настоящий момент (в частности, археологических).

При изучении особенностей провинциального управления и истории отдельных лиц нельзя обойти вниманием монографию Энтони Бёрли «Roman Government of Britain»³⁴. Она представляет собой результаты огромной работы по сопоставлению имен собственных, патронимов и прочих записей, включая эпиграфические данные со всех уголков империи. Бёрли удалось составить список высоких римских чинов, служивших в Британии в разное время, разыскав и собрав по фрагментам их биографии и достижения. Для нашей работы важны некоторые особенно значимые для истории провинции магистраты и военные, которые вносили свой вклад в развитие всесторонних контактов с местным населением, а также были связующим звеном между столицей и провинцией.

Тема культурного взаимодействия поднимается в работе Дэвида Шоттера «Римляне и Бритты на Северо-Востоке Англии»³⁵, в которой автор, описывая отношения между местными общинами и Римом, делает большой упор на данные с археологических раскопок и приводит множество фотографий аэросъемки в подтверждение своих предположений.

Среди исследований границ, их практического и исторического значения выделяются две группы работ: первая, более многочисленная, включает труды, посвященные стенам по-отдельности, работы второй группы рассматривают их в совокупности. К большому сожалению, последних меньше, что делает задачу сравнения и обобщения материала Адрианова и Антонинова валов ещё более актуальной.

Для Вала Адриана, первого из двух провинциальных границ и по значимости, и по времени создания, наиболее важной является работа Дэвида Бриза и Брайана Добсона³⁶, в которой авторы подробно описывают

³⁴ Birley A.R. The Roman Government of Britain. Oxford university press, 2005.

³⁵ Shotton D. Romans and Britons in North-West England. University of Lancaster, 2004. 216 p.

³⁶ Breeze D. J., Dobson B. Hadrian's Wall. Penguin UK, 2000. 357 p.

составляющие элементы лимеса и анализируют как материальную культуру гарнизонов и гражданских поселений, расположенных близ комплекса вала и фортификационных сооружений.

Особого упоминания заслуживает монография Ричарда Хингли³⁷, который провёл анализ истории изучения и упоминаний в различных источниках стены Адриана с момента ее создания. Книга интересна как в историографическом смысле (в ней систематизируется имеющаяся информация о создании Вала), так и в культурно-историческом (Хингли приводит развёрнутые описания антикварных разысканий Адрианова вала и множество курьёзных историй, связанных с памятью и восприятием монумента). Кроме того, в монографии содержится важные и достаточно редкие фотоматериалы с раскопок, что делает её ценным дополнением к имеющейся в нашем распоряжении литературе.

Среди работ, посвященных непосредственному устройству и процессу сооружения стены Адриана, выделяется диссертация Питера Хилла, написанная в начале XXI века³⁸. Она представляет собой одно из наиболее подробных исследований технологической истории британской системы пограничных укреплений, содержащее детальное описание этапов строительства и анализ материально-технических аспектов с ним связанных. контактов между различными общинами на территории стены. Работа Хилла, однако, не ставит точку в исследованиях Адрианова вала, но служит фундаментом, который может регулярно дополняться благодаря открытию нового материала.

Истории Вала Антонина посвящены работы Д. Бриза, Л. Киппи и пр.³⁹. Кроме того, следует упомянуть сборники трудов конференций, среди которых

³⁷ *Hingley R. Hadrian's Wall: A Life*, Oxford, 2012. 394 p.

³⁸ *Hill P. R. The construction of Hadrian's Wall*: дис. Durham University, 2003. В 2006 году на основе диссертации была издана монография (*Hill P.R. The construction of Hadrian's Wall*. Stroud, 2006. 176 p.) представляющая собой сокращённый вариант исходного исследования.

³⁹ *Breeze D. J. The Antonine Wall*. Edinburgh: John Donald, 2006. 224 p.; *Keppie L. F. J. The building of the Antonine Wall: archaeological and epigraphic evidence* // *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland*. 1975. Т. 105. P. 151–165; *Hanson W. S. The design of the*

выделяются материалы проектов Limes Congress, посвященного изучению границ Римской империи, и TRAC (Theoretical Roman Archaeology Conference)⁴⁰, в центре внимания которой — теоретические вопросы римской археологии. Важной вехой в изучении Антонинова вала стало издание коллективной монографии, посвящённой Л. Киппи, под редакцией Д. Бриза и У. Хэнсона⁴¹. В этой книге оказались собраны новейшие исследования, связанные с Валом Антонина, благодаря чему она в полной мере отражает современное состояние исследований Антонинова вала и позволяет увидеть тенденции в изучении этого памятника и северных регионов провинции Британия⁴².

Возвращаясь к вопросу о взаимодействии культур и идеологии, нельзя не упомянуть дискуссии о романизации, которая оказалась важной как для историографии Римской Британии, так и для исследований провинций в целом.

Ключевыми работами в этом теоретическом споре были, с одной стороны, классические труды Ф. Хаверфилда⁴³, Р. Коллингвуда⁴⁴ и Ш. Фрера⁴⁵,

Antonine Wall // *Britannia*. 2020. Т. 51. Р. 203–223; *Mann J. C.* The construction of the Antonine Wall // *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland*. 1987. Vol. 116. Р. 191–193.

⁴⁰ Например, наиболее значимыми для нашего исследования являются статьи: *Johns C.* Romano-British precious-metal hoards: some comments on Martin Millett's paper // TRAC 94: *Proceedings of the Fourth Annual Theoretical Roman Archaeology Conference*, held at the Department of Archaeology, University of Durham, 19th and 20th March. Oxford: Oxbow, 1994. Р. 107–117; *Millett M.* Treasure: interpreting Roman hoards / M. Millett // *Theoretical Roman Archaeology Journal*. 1995. Р. 99–106; *Hingley R.* Britannia, origin myths and the British Empire // *Theoretical Roman Archaeology Journal*. 1995. №. 1994 и др.

⁴¹ *Breeze D. J., Hanson W. S.* The Antonine Wall: the current state of knowledge // *The Antonine Wall: Papers in Honour of Professor Lawrence Keppie* / Ed. by D.J. Breeze, W.S. Hanson. Archaeopress. Oxford, 2020. Р. 9–36; *Breeze D. J.* The Antonine Wall. Edinburgh: John Donald, 2006. 224 p.

⁴² Подробно освещено в рецензии: *Данилочкина К. С.* Breeze, D. J. and Hanson, W. S. (Eds.) 2020: *The Antonine Wall: Papers in Honour of Professor Lawrence Keppie*. Series: Archaeopress Roman archaeology. Archaeopress, Oxford. // *Вестник древней истории*. 2022. Том 82. Выпуск 1. С. 195–204.

⁴³ *Haverfield F.* The Romanization of Roman Britain. Oxford: Oxford University Press, 1915. 112 p.

⁴⁴ *Collingwood R.G.C.* Roman Britain. 3d ed. Oxford: Clarendon Press. 1949. 104 p.

⁴⁵ *Frere Sh.S.* Britannia: a History of Roman Britain. 3d ed. L.–N.Y.: Routledge & Kegan Paul, 1987. 487 p.

с другой — публикации М. Миллета⁴⁶, Ф. Фримена⁴⁷, Д. Мэттингли⁴⁸, которые содержали критический пересмотр устоявшихся взглядов на романизацию и процессы культурного взаимодействия в провинциях Империи⁴⁹. Традиционные колониальные взгляды на романизацию как стремление цивилизованного общества научить «диких» варваров всему, что они знают, постепенно и не без сопротивления сменяются более сложным комплексом представлений, в котором важную роль играют поиски идентичности, самоопределения древних сообществ и не о поглощении одной культуры другой, а об их взаимодействии.

Исследованию идентичностей и сообществ севера провинции, а также юридического устройства приграничных территорий в последние два десятилетия посвящено множество книг и статей — прежде всего, Д. Мэттингли, Э. Гарднера, Т. Ивлевой, Р. Коллинса и Ф. Макинтоша⁵⁰. Особенное место среди них занимают труды Д. Мэттингли, в которых он рассуждает о том, как распространялась римская власть на острове, как она была устроена с административной точки зрения. Также исследователь пересматривает ранее сложившуюся концепцию, связанную с империалистической картиной мира, где Римская Империя выступала как

⁴⁶ Millett M. The Romanization of Britain. An Essay in Archaeological Interpretation. 8th ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 272 p.

⁴⁷ Freeman P.W.M. «Romanisation» and Roman Material Culture // Journal of Roman Archaeology. 1993. Vol. 6. P. 438–445.

⁴⁸ Mattingly D. Vulgar and weak Romanization, or time for a paradigm shift? // Journal of Roman Archaeology. 2002. Vol. 15. P. 536–541; Mattingly D. An imperial possession: Britain in the Roman Empire, 54 BC-AD 409. Penguin UK, 2007. 640 p.

⁴⁹ Обзор дискуссии см.: Барышников А. Е. Римская Британия и проблема романизации: кризис традиционной концепции и дискуссия о новых подходах в современном английском антиковедении // Вестник Нижегородского университета им. Лобачевского, 2012. №6 (3). С. 200–211.

⁵⁰ Mattingly D. An imperial possession: Britain in the Roman Empire, 54 BC-AD 409. Penguin UK, 2007. 640 p.; Mattingly D. Imperialism, Power, and Identity: Experiencing the Roman Empire. Princeton: Princeton University Press, 2014. 366 p.; Gardner A. An archaeology of identity: soldiers and society in late Roman Britain. Routledge, 2016. 312 p.; Ivleva T. Peasants into soldiers: recruitment and military mobility in the early Roman Empire // Migration and mobility in the early Roman Empire. Brill, 2016. P. 158-175; Ivleva T.A Britons abroad: the mobility of Britons and the circulation of British-made objects in the Roman Empire / Dissertation, Leiden University 2012. 454 p.; Collins R., McIntosh F. Life in the Limes: Studies of the people and objects of the Roman frontiers. Oxbow Books, 2014. 264 p.

символ цивилизации, несущий мир и просвещение, предлагая в качестве альтернативы более сложный взгляд на отношения имперского центра и северной периферии. Проблемы идентичности рассматриваются в работе Йэна Хейнса «Идентичность и военное сообщество в римской Британии», где автор обстоятельно реконструирует различные варианты воинских идентичностей и сложную реальность, стоящую за ними⁵¹.

Поскольку Валы Адриана и Антонина представляют собой конкретный случай приграничных укреплений Империи, следует также обратить внимание на изучение феномена *лимесов*, то есть укрепленных границ Римской империи. Общие принципы устройства различных лимесов описаны в труде Я. Ле Бозека⁵²; эта книга остаётся одной из наиболее важных для развивающейся *лимесологии*, во многом самостоятельного научного направления, сочетающего усилия археологов, историков и эпиграфистов, изучающих границы и пограничья римского мира. Среди работ, которые можно отнести к этому направлению большой интерес представляют ставшие классическими статьи Эрика Бирли, который попытался систематизировать информацию о пограничьях и на основе проделанной работы выделил открытые лимесы (Верхняя Германия, Нумидия и Дакия) — границы, где располагалось меньше укреплений и войск, и закрытые (Британия, Нижняя Германия, Паннония, Мезия), которые, соответственно, имели большее количество и тех, и других⁵³. В отечественной историографии лимессология пока не получила большого развития, но есть ряд интересных и полезных для нашего исследования работ,

⁵¹ Haynes I. Identity and Military Community in Roman Britain // The Oxford Handbook of Roman Britain / Ed. By M. Millett, L. Revell, A. Moore. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 448–465.

⁵² Там же.

⁵³ Birley E. The Roman Army. Papers 1929–1986. Amsterdam, 1988. P. 13–20.

в частности, статьи А.В. Колобова о далматийском лимесе⁵⁴ и Е.С. Данилова о военной логистике римского приграничья⁵⁵.

Все вышеуказанные работы, включая статьи, монографии и комплексные исследования, хоть и позволяют изучить различные аспекты романо-британской истории, но не ставят своей задачей рассмотреть северные границы провинции комплексно для изучения процессов культурного взаимодействия на границах империи с пониманием исторического процесса и рецепции, а также для концептуализации истории провинции в вопросе существования границ. Данная работа призвана заполнить эту лакуну.

Цель и задачи исследования

Цель данного исследования – выявить различные аспекты контекста существования укрепленных границ в провинции во II веке, их роль в жизни Римской Британии этого времени. В рамках исследования предпринимается попытка определить роль как на практической, так и идеологической стороны вопроса. Подобный подход оказывается необходимым, поскольку это напрямую связано с тем, какие причины могли стоять за решениями о возведении стен на острове, причем в незначительном отдалении друг от друга и в столь короткий временной период, а также каково было их назначение и впоследствии влияние.

Для этого нам необходимо выделить несколько **задач**. Во-первых, следует описать устройство северных границ по мере их возникновения, а также указать их сходства и различия. При этом важно учесть не только особенности памятников при сравнении их друг с другом, но также сопоставить их с другими границами Римской империи соответствующего периода. Во-вторых, проследить, как они вписывались в контекст

⁵⁴ Колобов А. В. Далматийский лимес как один из прототипов военно-стратегических систем римской империи // Проблемы истории, филологии, культуры. 2006. №. 16–1. С. 35–40.

⁵⁵ Данилов Е. С. Римский limes: приграничное наблюдение // Вестник Ярославского государственного университета им. ПГ Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2009. №. 2. С. 5–9.

взаимодействия между Римом и местным населением, как со стороны Рима, так и в восприятии жителей острова. В-третьих, интерпретировать и обозначить идеологический контекст создания границ подобного рода, поскольку в каждом отдельном случае создание приграничных укреплений имело отношение не только к ситуации непосредственно на месте, но к тому, что в тот момент происходило в столице.

Наконец, важным кажется представить то, как изменялось значение стен с течением времени, как обеспечивалось их функционирование и как была обустроена повседневная жизнь на прилегающих территориях, а также как они повлияли на жизнь на острове.

Методологическую основу исследования составляют *сравнительно-исторический* и *проблемно-хронологический* методы, поскольку для решения поставленных задачи необходимо поместить изучаемые предметы в контекст: существование границ с учетом *принципа историзма* позволяет учитывать связь как с предшествующими и последующими событиями истории империи и провинций, так и между границами Британии и типологически схожими объектами. Кроме того, в исследовании применяется *синтез* и *анализ* данных (археологических, эпиграфических, филологических и др.). *Историко-системный метод* позволил рассмотреть изучаемые объекты как часть общего, т.е. границ в целом, так и для конкретной ситуации на острове. Наконец, исследование было бы невозможно без *историко-критического метода* при работе с литературной традицией, которая, несмотря на относительно малый объем, дает данные для изучения интересующих нас феноменов.

Немаловажно отметить также **терминологические особенности** при изучении темы. В связи с тем, что тема работы касается двух укрепленных границ, следует сказать о том, как они именуются. Наиболее распространенные названия – Вал Адриана и Вал Антонина соответственно. Однако существует особенность, которая касается устройства этих границ и усложняет описание. Она также проявляется в другом термине,

употребляемом по отношению к границе: Стена Адриана (или Стена Антонина). При разных названиях можно представить и разные сооружения, в то время, как и вал, и стена на деле являются разными частями приграничного комплекса, который в основном и имеется в виду. Однако для упрощения восприятия используют лишь наиболее понятные его составляющие: каменную *стену*, сохранившуюся не по всей своей протяженности, вероятно, с частоколом на ней и рвом перед ней, а также *вал*, сформированный земляной насыпью.

Подобная двойственность возникла еще в античности, поскольку основные письменные источники литературного характера используют латинское слово *murus* (SHA, Hadr. XI.2; Ant. P. V.4), в то время как официальные документы дают наименование *vallum* (Not. Occ, XL, 32-48). Такое словоупотребление позволяет предположить, что эти названия были тесно связаны между собой, и различие между названиями в подобных случаях не имело большого значения в официальных документах, поскольку сложно представить, что в Риме не знали о том, как устроена граница и где именно располагались легионы. Однако точные выводы на основе столь малого числа текстов делать сложно, а рассмотрение истории того, как называли, а в целом и как относились к этим двух сооружениям, заслуживает отдельного рассмотрения.

В связи с этим в данной работе не будет сделано специального различия двух терминов, связанных с границами, и называть их мы будем как «Вал», так и «Стена», следуя употреблению письменных источников. При этом между ними не будет особой разницы в тех случаях, когда речь идет о комплексе в целом, особенно при описании различных составляющих комплексов, а также их названий и функций. При рассмотрении более частных ситуаций, в тех случаях, где важно выделить указание на вал как составную часть комплекса, представляется рациональным использовать латинский термин *vallum* в его латинской версии написания, чтобы отличать его от русского «Вал».

Одна из плохо изученных проблем – вопрос сходства и различия двух исследуемых памятников. Часто исследователи склонны к тому, чтобы обобщить историю похожих на их взгляд сооружений и связанных с ними событий. Это приводит к тому, что в трудах общего характера возведение стен представляется как череда событий, имеющих много одинаковых черт, чуть ли не дублирующих друг друга полностью. Однако стоит подчеркнуть, что несмотря на схожесть этих двух памятников, они не идентичны. Нельзя не заметить разницу в параметрах, материалах и устройстве системы укреплений вдоль линий границ. Тем не менее, ключевые отличия памятников определяются теми идеологическими и политическими решениями, которые стояли за их созданием. И в этом контексте следует оговорить, какой смысл мы вкладываем в понятие «идеология» в данной работе. Мы понимаем идеологию как концептуально оформленные идеи и представления, связанные с мировоззрением и восприятием картины мира, причем в основном политической. Говоря об идеологии в контексте римской истории, мы будем реконструировать ее на основании имеющихся, безусловно, фрагментарных и не полных, данных, опираясь на отдельные примеры, которые наиболее ярко представлены деяниями императоров или событиями, которые непосредственно связаны с их решениями. Именно в этом ключе кажется правильным рассматривать вопрос о причинах создания необычных сооружений.

Еще одной деталью, которую необходимо учесть в нашем исследовании, становится сама тема границы, и той роли, которую она играла в жизни Рима. Значимость границ подтверждается, например, наличием большого количества лиминальных богов, которых связывают с границами и переходами (Янус, Термин, Форкул, Кардеа, Лима или Лиментин). Их разнообразие говорит нам о важности этой темы в восприятии римлян. Граница была для них сакральным местом, которое при этом влияло на повседневную жизнь, будь то пределы земельного участка, провинции или целой империи. Именно граница будет связана с описанием обстоятельств,

сопутствующих основанию Рима. В античной традиции она всегда имела важное сакральное значение, отделяя священное пространство от внешнего мира, например, с этим связан и запрет хоронить внутри стен во избежание осквернения города. Об этом напоминает, в частности, «стена Ромула», первая и, пожалуй, самая важная граница в римской истории. Ее можно также считать первым примером, хоть и мифологическим, не просто разграничительной линии, но линии, воплощенной в виде физической преграды, нарушение которой приведет Ромула к убийству Рема. *Померий*⁵⁶, священная граница, обозначавшая пределы Рима, созданный изначально вокруг первой стены, будет меняться с течением времени и с расширением территории города. Однако стоит отметить, что он будет неизменным в течение почти всего существования республики, в то время как во период правления императоров он подвергнется неоднократному увеличению. («...et quod pomerium Romulus posuerit, noscere haud absurdum reor. <...> forumque et Capitolium non a Romulo, sed a Tito Tatius additum urbi credidere. mox pro fortuna pomerium auctum. et quos tum Claudius terminos posuerit, facile cognitu et publicis actis perscriptum.» – «... и я считаю небесным узнать, каким Ромул установил померий. <...> и Форум и Капитолий, как считается, были добавлены в границы города не Ромулом, а Титом Тацием. Затем померий увеличивался по велению судьбы. И сейчас, какие границы установил Клавдий, легко узнать из записей в государственных документах» – Тас. *Ann.* XII, 24; «...Aventinum antea, sicuti diximus, extra pomerium exclusum, post auctore divo Claudio receptum et intra pomerii fines observatum» – «...ранее Авентин, как мы уже говорили, был исключен из померия, но после властью божественного Клавдия был возвращен и уже оставался в его пределах» Gell. XIII, 14, 7)⁵⁷. Границы города и государства не были одинаковыми по своему назначению и тому, какую роль они играли в жизни людей – и те, и другие

⁵⁶ По поводу померия и его сакральной и символической роли, в том числе в связи с легендой о Ромуле и Реме, см.: Bremmer J. N., Horsfall N. M. Roman myth and mythography // Bulletin Supplement (University of London. Institute of Classical Studies). 1987. P. iii-120.

⁵⁷ Здесь и далее перевод автора.

чаще всего играли защитную функцию, но в то же время они имели символическое значение.

Научная новизна работы заключается в рассмотрении северных границ провинции Британия комплексно впервые на русском языке. Безусловно за долгое время существования исследований по Римской Британии в целом немалое количество работ было посвящено изучению границ провинции. Однако чаще всего они затрагивают отдельные темы или объекты, что с одной стороны позволяет представить наиболее детальное исследование, но с другой стороны теряется контекст. Кроме того, можно отметить отсутствие теоретических и историко-культурных исследований, которые позволили бы посмотреть на проблему назначения и функционирования границ не только с практической стороны. Данное исследование позволит расширить представления о том, как Римская империя взаимодействовала с захваченными территориями на примере Британии, оно углубит наши знания о том, какой характер имело распространение римского влияния в целом, а также представит тему изучения границ с учетом объединения военно-политической, а также культурно-идеологической стороны вопроса.

Структура работы Диссертационное исследование состоит из введения, включающего в себя обзор источников и основной историографии, трех глав основной части, соответствующих целям и задачам работы, а также библиографического списка и приложения, включающего в себя таблицы, карты и имагологический материал (монеты).

Первая глава поднимает вопросы возникновения и существования границ. В ней последовательно описано, как и где возникали границы в северных областях острова, когда это происходило, как они были устроены, и почему они были созданы именно в таком формате, что позволяет увидеть, что изучаемые границы представляли собой практически. Во второй главе мы рассматриваем контекст создания двух основных границ, Вала Адриана и

Антонина, рассматриваем границы Британии как часть всех приграничных укреплений империи и сравниваем их функциональные и символические отличия. И, наконец, третья глава понимает вопрос того, как образное восприятие Британии оказалось связано с созданием крепленных границ, а также, какое место Британия и ее отдельные (приграничные) части занимали в историко-литературном контексте.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Решение о строительстве Вала Адриана и последующее смещение границ на линию Вала Антонина было в большой степени обусловлено идеологическими причинами. Стены должны были показать, что римляне надёжно обосновались на этой земле и не собираются с неё уходить.
2. Вал Адриана и Вал Антонина обладали рядом отличий от других *лимесов* (укрепленных границ)⁵⁸ империи, но выполняли те же функции по контролю и защите империи.
3. В идеологическом смысле возведение Вала Адриана является новацией: это появление нового формата границ, который появилась вопреки известной идее *imperium sine fine*.
4. Создание Вала Антонина было обусловлено и продолжением политики предшественников по укреплению границ империи, и стремлением укрепить собственный авторитет.
5. Вал Адриана и Вал Антонина стали не столько местом разъединения и разделения, сколько местом соприкосновения культур, поскольку обеспечение жизни на границе находилось не только в руках римской армии, но также местного гражданского населения, будь то торговцы, ремесленники, жены и дети воинов.
6. Создание видимых границ оказывало влияние на самовосприятие общин, проживавших на севере острова, поскольку стены отделили «своих» бриттов от «чужих». Это влияние не

⁵⁸ Подробнее о том, что такое лимес, см. гл. 1 и далее.

ограничивалось римским периодом, но также легло в основу более поздней традиции.

Апробация результатов исследования. Диссертация была обсуждена на кафедре всеобщей истории Историко-филологического факультета Института общественных наук РАНХиГС. Основные положения и выводы диссертационной работы прошли апробацию в виде докладов на различных международных и всероссийских конференциях: XXI Сергеевские чтения (Москва, МГУ им. Ломоносова 2019), Жебелевские чтения XXII (СПб, 2020), Историк и текст — 2021 (Москва, ИВИ РАН 2021), Theoretical Roman Archaeology Conference (TRAC) (Сплит, Хорватия 2022), Текст и контекст в изучении античной культуры (Москва, РГГУ 2023), Цивилизации древнего Ближнего Востока и античности: историческая динамика общего и особенного (Москва, ИВИ РАН 2024).

ГЛАВА 1. ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ: УСТРОЙСТВО И ОРГАНИЗАЦИЯ

1.1. Северные границы провинции Британия

При разговоре об укрепленных границах провинции Британия следует иметь в виду, что на территории острова было обнаружено несколько объектов I–II вв., подходящих под это определение. Наиболее масштабные и известные из них — Валы Адриана и Антонина, однако они были ни первыми, ни единственными в своём роде пограничными укреплениями римлян на острове. К приграничным объектам мы также можем отнести такие объекты как Гаск Ридж (Gask Ridge, самая северная система укреплений на территории острова) и Стейнгейт (Stanegate, дорожно-логистический комплекс, фрагменты которого станут основой для создания стены Адриана)⁵⁹. Поэтому границы римской провинции в Британии — это динамический феномен, не один комплекс сооружений, а несколько рубежей, оборудованных в разное время и на разном удалении как от центра, так и друг от друга.

При изучении валов Адриана и Антонина, важнейших пограничных комплексов II в., нельзя обойтись без рассмотрения более ранних римских укреплений в Британии. Это позволит рассмотреть эти сооружения в более широком контексте и даст почву для более адекватной их интерпретации.

Границы провинции в начале римского правления менялись в соответствии с расширением территорий, попадавших под влияние Рима (сначала) и под имперскую власть (позже). Это напрямую зависело от военных кампаний, проводившихся в течение почти ста лет с момента первых походов Цезаря на остров. Сначала часть территорий приобрела статус клиентских царств, что косвенно подтверждают Цезарь (Caes. BG V, 21; VIII, 47–48), Страбон (Strabo IV, 5, 3) и нумизматические данные⁶⁰. Во время правления

⁵⁹ Приложение 1

⁶⁰ На территории Британии после походов Цезаря появляются монеты с латинским словом REX, что означало, что часть бриттов стали постепенно встраиваться в римский мир.

Августа и нескольких следующих императоров вторжение в Британию так и не случилось, и ситуация оставалась неизменной вплоть до времен императора Клавдия. Тот отправил на остров войска под предводительством Авла Плавтия, и к 43 г. часть Британии стала одной из провинций (Dio Cass. LX, 19-22). Веспасиан продолжал завоевания в западной части острова (Suet. Vesp. IV, 1-2). Однако повседневное сопротивление и восстания местных жителей мешали Риму пользоваться плодами побед и заставляли тратить силы на их подавление. Наиболее яркие свидетельства об этом сохранились у Диона Кассия и Тацита в описаниях кампании против Боудикки и иценов (вместе с присоединившимися к ним триновантами) в 60-х гг. (Tac. Ann. XIV, 31; Dio Cass. LXII, 1-3; 7-9; 12)⁶¹.

Следующим важным событием в истории установления границ стали походы на северную часть острова под предводительством Гнея Юлия Агриколы в 78-84 гг. Однако эту линию удержать не удалось, и в дальнейшем на период около 40 лет границы сместились южнее, на линию Солуэй-Тайн. Следствием этого закрепления стало решение императора Адриана создать укрепленную границу в 120-х гг., за чем последовало похожее решение императора Антонина о второй линии и скорое возвращение на Вал Адриана. Несмотря на более поздние попытки продвинуть границы далее на север, существенных изменений больше не происходило. Все эти перемены повлияли на характер и темпы трансформации материальной культуры по сравнению с доримскими временами в разных частях острова⁶².

Обустройство укрепленных границ на севере было следствием военной ситуации в регионе, поскольку именно в этой части острова римляне

Подробнее см.: *Allen D. I. The Belgic Dynasties of Britain and their Coins // Archaeologia. 1944. T. 90. Pp. 7-19.*

⁶¹ Историография этого вопроса обширна, см., напр.: *Webster G. The Roman Invasion of Britain. L.-N.Y.: Routledge, 1993. 244 p.*; *Hingley R. Conquering the Ocean. The Roman Invasion of Britain. Oxford: Oxford University Press, 2022. 312 p.*; *Hoffmann B. The Roman Invasion of Britain: Archaeology versus History. Barnsley: Pen and Sword, 2013. 232 p.*; *Grainge G. The Roman Invasions of Britain. Stroud: Tempus, 2005. 212 p.*

⁶² Подробнее см.: *Creighton J. et al. The Iron Age-Roman transition // Britons and Romans / Ed. by James and Millett. York: Council for British Archaeology, 2001. Vol. 118. P. 4-11.*

столкнулись с наибольшими проблемами во время завоевания: местные племена оказывали особенно сильное сопротивление, и именно эта часть острова в течение долгого времени была для римлян местом, которое не удавалось сделать подконтрольным. Если изначальное завоевание касалось в большей степени современного графства Кент (туда впервые прибыли Цезарь и затем Авл Плавтий), то в дальнейшем граница, которая сейчас отделяет Англию от Уэльса, и которая некоторое время существовала между римскими и бриттскими территориями, перестала быть рубежом римских завоеваний. Продвижение римлян вглубь острова привело к тому, что во всех остальных местах, за исключением северной части острова, границы провинции стали морскими.

Сложившиеся в результате основного этапа римского завоевания территориальные очертания провинции и внешние её границы нашли своё отражение в историографическом образе провинциального пространства. Деление на север и юг было характерно для историографии римской Британии вплоть до 2010-х гг.: в рамках концепции *романизации* провинция делилась на более мирную (гражданскую) часть и военизированную северную, стоявшую на рубеже цивилизации и варварства⁶³. Однако к настоящему моменту данная точка зрения меняется на иной, комплексный подход, где основное внимание сконцентрировано на разнообразии и неоднородности процессов развития данных территорий.

Следует подчеркнуть, что пограничные укрепления были построены именно римлянами. В предшествующий период на острове проживали различные общины, которые не пользовались сложными

⁶³ См., например, *Haverfield F.* The Romanization of Roman Britain. Oxford: Oxford University Press, 1915. 112 p., и более поздние интерпретации *Millett M.* The Romanization of Britain. An Essay in Archaeological Interpretation. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 272 p.; *Frere Sh.S.* Britannia: a History of Roman Britain. 3d ed. N.Y.: Routledge & Kegan Paul, 1987. Pp. 105–153., *Барышников А. Е.* Римская Британия и проблема романизации: кризис традиционной концепции и дискуссия о новых подходах в современном английском антиковедении // Вестник Нижегородского университета им. НИ Лобачевского. 2012. №. 6-3. С. 200–211.

фортификационными сооружениями наподобие римских⁶⁴. Римляне, имевшие опыт присоединения новых провинций и удержания рубежей, применяют этот опыт и в Британии. Системы укреплений в Британии, на Рейне и Дунае, в Африке и Далмации, появившиеся в I-II вв. н.э. и называемые *лимесами*, можно считать одним из направлений военной стратегии Рима, возникшей при существенном расширении подвластных территорий. Процесс создания укрепленных границ в империи растянулся не на один десяток лет, однако в разное время он обладал разной спецификой. Несмотря на существование у всех провинциальных лимесов таких общих черт, как наличие линии укреплений из башен и/или фортов, используемых для защиты, контроля и своевременного оповещения, приграничное расположение, строительство или использование уже имеющихся дорог для военных целей, позволявших улучшить маневренность войск, каждый из них обладает своими особенностями, поэтому сложно выявить, можно ли какой-то один считать прототипом для всех остальных.

Само по себе слово *limes* обозначает «рубеж» и «предел», и в эти пределы заключали частную территорию или даже целое государство. Первоначальное значение слова было связано с межеванием: оно обозначало дорогу, проходившую по границе земельного участка⁶⁵. При устройстве *лимеса* имелось в виду разделение и, как следствие, контроль определённой территории, но слово не было напрямую связано с военной сферой. Среди первых литературных источников, которые связывали лимесы с войной, следует отметить Веллея Патеркула, описывавший действия Тиберия катастрофы в Тевтобургском лесу. Среди прочего, как указывает Веллей, римский полководец «*aperit limites*» («открыл *лимесы* [т.е. границы – прим.

⁶⁴ Исследования доримского быта на территории острова указывают на наличие у местных народов собственной системы устройства поселений и организации общинного образа жизни. Подробнее см.: *Davies M. H. Dominated by unenclosed settlements? The Later Iron Age in eastern Scotland north of the Forth // The Later Iron Age in Britain and Beyond / Ed. by Haselgrove & Moore Oxbow Books, 2006. P. 266–85.*

⁶⁵ *Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. 4e édition. Paris, 2001. P. 359.*

автора]» Vell. Pat. 2.120.2), что чаще всего связывают с устройством дорог (для нужд армии). В схожем пассаже Фронтин (Frontin. Str. I.3.10), указывая на действия Домициана «limitibus per centum viginti milia passuum actis...» («проведя лимесы (разграничив земли) на 120 миль...» -), связывал это действие с тем, что было необходимо для войск. Наконец, употребление с более близким по смыслу к современному пониманию термина встречается у Тацита при описании границ империи (de «...limite imperii» – «...границей империи» Tac. Agr. 41.2; и «...limite acto» – «...сделавшись границей» Tac. Germ. 29.4). Это указывает на то, что к моменту создания Британских границ само понятие для описания идеи укрепления границы в римском мире существовало⁶⁶. И в целом все границы-лимесы создавались как комплексы оборонительных сооружений, призванных защитить территорию империи⁶⁷.

Римские военные укрепления весьма хорошо изучены с археологической точки зрения. Благодаря этому можно выделить основные составляющие лимесов. Комплексы обычно представляют собой линию вдоль границы с расположенными вдоль нее укреплениями различных типов: во-первых, сама линия могла представлять собой дорогу, а могла иметь укрепление в виде вала или стены. Также это могли быть природные границы в виде рек, горных гряд и пр. На протяжении этой линии располагались форты различного размера, а также сторожевые башни. За стеной проходила уже упомянутая выше дорога, предназначенная для военных нужд. Некоторые объекты могли располагаться не только непосредственно на линии границы или внутри нее, но также и за пределами основного рубежа, что было особенно удобно для проведения разведывательных экспедиций. Важно, что все лимесы, будучи схожими по структуре, все же имеют большое количество различий (удаленность укреплений друг от друга, наличие или отсутствия рвов, валов и пр.). Это обусловлено тем, что устройство каждого проводилось с учетом

⁶⁶ Kemkes M. The Limes / The Oxford Handbook of the Archaeology of Roman Germany // Ed. by James S., Krmnicek S. Oxford University Press, 2020. P. 171-2.

⁶⁷ Подробнее про лимес как систему см. Ле Бозк Я. Римская армия эпохи Ранней Империи. / Пер. с франц. П. Челинцева. М.: РОССПЭН, 2001. С. 222-225.

обстоятельств, которые важно было учитывать в каждой конкретной ситуации. Британские границы не были исключением.

Функции лимесов как защитных сооружений подтверждаются их формой. Так, в одном пассаже Вегетий (Veget., I, 21-24) пишет о выборе места и устройстве сооружения, которое должно служить защитным целям, при наличии достаточного количества времени: «*Nam si nimia necessitas non premit, caespites circumciduntur e terra et ex his uelut murus instruitur, altus tribus pedibus supra terram, ita ut in ante sit fossa, de qua leuati sunt caespites; deinde tumultuaria fossa fit lata pedes nouem et alta pedes VII*». – «Ведь, если нет острой необходимости [т.е. время позволяет], дерн и землю обрезают вокруг и из них создают подобие стены высотой в три фута от земли так, что перед ней создавался бы ров, откуда изымают дерн, затем наспех созданный ров становится в ширину 9 футов, а в глубину – 7». Несмотря на то, что речь идет об укреплении лагеря, можно предположить, что по схожему образцу создавались и прочие укрепления с похожим назначением, естественно, с учетом разницы в масштабах. Конечно, границы лагеря и границы государства сильно отличаются друг от друга, однако граница фактически представляла собой комплекс оборонительных сооружений, поэтому подобное сравнение допустимо. Границы, видимо, создавались с использованием подобных технологий, что было отчасти применено в Британии (см. подробнее в части о технических характеристиках границ).

Островное расположение Британии предопределяло специфику её границ: на западе, юге и востоке ими служили моря. И хотя островное положение не является чем-то необычным, а античная средиземноморская культура славится высоким уровнем развития мореплавания, остров такого размера и со столь разнообразным населением оказывается более сложной целью для завоевания, чем другие земли. Более того, например Аппиан, описывая величину острова, сравнивал его с материком (ἐς τὴν Βρεττανίδα νῆσον περάσαντες, ἡπεύρου μεγάλης μείζονα, «отправившиеся на Британский остров, который больше большого континента» — App. Pr. V). Помимо

размера остров был труднодоступен для крупных флотов, особенно в зимнее время года, когда правила мореплавания не допускали спуск судов. Всё это, видимо, оказало существенное влияние на хронологию и итоговые результаты римских кампаний. Несмотря на планы завоевания всего острова (на что указывает наличие более северных, чем вал, укреплений, например, Гаск Ридж), Британию так и не получилось полностью подчинить римской власти. Рим отказался от захвата Шотландского нагорья: его рельеф, климатические условия, сопротивление местных племен, сложность навигации и морской логистики, а также недостаток ресурсов и необходимость контроля других границ империи, вынудили римлян отступить и приступить к созданию на острове искусственных рубежей, в том числе разделяющих разные контролируемые территории. Из этих частей сложилось территориальное деление провинции в последующие времена, которое сохранится и после ухода римлян.

1.2. Гаск Ридж

«Жизнеописание Гнея Юлия Агриколы» — наиболее яркое свидетельство о том, как проходила экспансия Рима на севере в последней четверти I в. н.э.⁶⁸. По тексту Тацита, дополненному десятилетиями археологических исследований, мы видим, что сфера римского влияния с 60-х гг. расширилась на новые территории⁶⁹. В рамках этого стремления продвинуться дальше на север римляне построили линию укреплений на месте перехода плоскогорья в шотландское нагорье. Её римское название (если таковое существовало) неизвестно, в настоящее время она известна как Гаск Ридж.

Этот рубеж представляет собой линию римских фортов с сигнальными башнями, построенную в 70-80 гг. н.э., причем исследователи считают ее

⁶⁸ Подробнее см., напр.: *Широкова Н. С.* "Жизнеописание Гнея Юлия Агриколы" Тацита как исторический и биографический источник // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 2013. № 12. С. 436–447; *Г.С. Корнелий Корнелий Тацит.* Время. Жизнь. Книги. М.: Наука, 1981. 208 с.

⁶⁹ *Hanson W.S.* Agricola and the Conquest of the North. Batsford Studies in Archaeology and Ancient History. Batsford, London, 1987. 210 p.

первой оформленной римской границей провинции⁷⁰. Ранее границы были в основном естественными, например, проходили по рекам, а не были созданы людьми.

Как уже было сказано, оригинальное название первой римской границы, до нас не дошло, поэтому сейчас мы используем современное наименование, которое, вероятно, произошло от гэльского *gasg*, означающего полосу земли или выступающую часть, что сразу указывает на отличительную особенность местности её сооружения — выступающая в море часть суши⁷¹.

Завоевания в этой части острова, хоть и не оказались успешными в долгосрочной перспективе, все же сыграли немаловажную роль в истории провинции. Успехи с точки зрения количества захваченных территорий в новых землях связаны именно с этим временем и правлением императоров династии Флавиев. Строительство укреплений может служить подтверждением того, что римляне решили прочно закрепиться на завоеванных территориях, и позволяет сделать вывод о серьезности их намерений. Большим подспорьем в изучении этой части границ служат археологические находки на перешейке, где располагалась граница, прежде всего следы римской фортификации.

О первой границе редко вспоминают в исследовательской литературе, причем речь идёт не только о трудах по истории империи, но и о специализированных работах по римской Британии. Однако в последнее время ситуация начала меняться: появился целый ряд публикаций, посвященных изучению этих территорий. Важнейшую роль в этом сыграли два исследователя — Дэвида Вуллискрофта и Биргитты Хоффман.⁷² В ходе

⁷⁰ Ср. например название книги «Первая граница: Рим в северной Шотландии»: *Woolliscroft D.J. Hoffmann B. The First Frontier. Rome in the North of Scotland. Stroud, U.K.: Tempus, 2006. P. 254*

⁷¹ *Watson W. J. The history of the Celtic place-names of Scotland. Irish University Press. 1926. P. 362.* См. карту в прил. 3.

⁷² Подробнее о роли и устройстве Гаск Ридж см.: *Woolliscroft D.J. Hoffmann B. The First Frontier. Rome in the North of Scotland. Stroud, U.K.: Tempus, 2006. 272 p.*; *Breeze D.J., Hodgson N. Pre Hadrianic forts and frontiers in Britain // Limes XX: XX Congreso internacional de estudios sobre la frontera romana. – Consejo Superior de Investigaciones Científicas, Instituto*

археологических раскопок и анализа отчетов было выявлено множество деталей и подробностей, связанных с функциями и устройством защитной линии, на которых следует остановиться подробнее.

Граница расположена на переходе равнинной местности в гористую, и рельеф оказал влияние на ее расположение — она идет не с запада на восток, но в большей степени с северо-востока на юго-запад, поскольку именно так устроено нагорье. Скалистая местность также стала одной из причин, почему именно там появилась граница. Хотя ландшафт сам по себе предполагал естественную границу, Риму этого было недостаточно. Решение обустроить рубежи в этом месте представляется естественным в том числе и потому, что образ жизни местных общин, живших в горах и в низинах, сильно различался. Римляне при этом создали линию, которую можно было использовать как для защиты, так и для нападения (в качестве подспорья и базы, откуда было бы удобно снаряжать экспедиции). Таким образом, фортификационные сооружения возводились с учетом того, что они должны были служить не только в качестве официальной границы, но и опорных пунктов, откуда могло произойти дальнейшее продвижение на север.

К комплексу Гаск Ридж относятся форты и постоянные лагеря, построенные римлянами. Среди них выделяются крупные укрепленные пункты (с юга на север): Камелон (Camelon), Драмквассл (Drumquhassle), Мэллинг (Malling), Дун (Doune), Гленбэнк (Glenbank), Бокасл (Bochastle), Ардок (Ardoch), Кэймс Касл (Kaimes Castle), Стрэгит (Strageath), Дэлджинросс (Dalginross), Берта (Bertha), Финдок (Fendoch), Кэргил (Cargill), Инчтатхил (Inchtuthil), Кэрдин (Cardean), Инверкварити (Inverquharity), Стрэкатро (Stracathro)⁷³.

Histórico Hoffmeyer, Instituto de Arqueología de Merida, 2009. T. 13. P. 85–90; *Woolliscroft D. J.* Signalling and the design of the Gask Ridge system // *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland*. 1994. T. 123. P. 291–313; *Dobat E.* The Gask 'system' in Perthshire: the first artificial frontier line in the Roman empire? // *First Contact: Rome and Northern Britain* / Ed. by Breeze D.J., Thoas L., Hall D. Tayside and Fife Archaeological Committee, 2009. P. 39–48; *Lewis J.* Visibility of the Gask Ridge road from simulated Watchtowers: A Monte Carlo testing approach // *Journal of Archaeological Science: Reports*. – 2020. – Vol. 33. – P. 102482 (17 p.).

⁷³ *Woolliscroft D. J.* Signalling and the ... P. 293.

Кроме крупных фортов и постоянных лагерей, в которых располагались римские войска, в число пограничных сооружений входили сигнальные башни и небольшие форты. Сигнальные башни, естественно, использовали для своевременного оповещения о возможных рейдах врагов, что подтверждают анализ их устройства и особенностей местности⁷⁴. В одном из своих исследований Д. Бриз⁷⁵ описывал местность в округе Гаск Ридж как лесистую, поэтому только с башен было возможно вести обзор. Это позволяет предположить, что башни служили не только сигнальными пунктами, но и были важными пунктами наблюдения за территориями близ границы, поскольку они предоставляли лучший обзор. Существует также гипотеза, что при таком ландшафте существовала необходимость передачи перекрестных сигналов, то есть сигналов, которые легко передавать из одного форта в один из других ближайших. Это представляется возможным, поскольку подобная система использовалась римлянами, например, в немецком Веттерау (Wetterau)⁷⁶. Линия укрепленной границы шла вдоль военной дороги, которая до прихода римлян также, видимо, служила для местных племен основным путем, соединявшим жившие порознь общины. Небольшие форты, устроенные по привычным римлянам планам и принципам, в свою очередь, были необходимы для поддержания контроля вдоль всей занятой линии.

Этот участок границы и близлежащие территории использовались очень недолго. Отход Флавиев с северных территорий повлек за собой запустение новосозданных приграничных укреплений, хотя позднее некоторые из

⁷⁴ Robertson A.S. The Romans in North Britain: The Coin Evidence / A.S. Robertson// Temporini I. (ed.) Aufstieg und Niedergang der römischen Welt; Teil 2. Principat; 3: Teil 2. Principat: [Politische Geschichte (Provinzen und Randvölker: Allgemeines; Britannien, Hispanien, Gallien)]. Walter De Gruyter, 1975. P. 364-426; Woolliscroft D. J. Signalling and the ...; Woolliscroft D. J. Roman Military Signalling. Tempus, 2001. 128 p.

⁷⁵ Woolliscroft D.J. Op. cit., P. 299; Breeze D. J. The Northern Frontiers of Roman Britain. London, 1982. P. 66.

⁷⁶ Woolliscroft D. J., Hoffmann B. Zum Signalsystem und Aufbau des Wetterau-Limes // Fundberichte aus Baden-Württemberg. 1991. Vol. 16. S. 536-536; подробнее о том, как устроена сигнальная система римского лимеса см.: Linck R., Fassbinder J. W. E. Proving a Roman technical masterstroke: GIS-based viewshed and intervisibility analysis of the Bavarian part of the Rhaetian Limes // Archaeological and Anthropological Sciences. – 2022. – Vol. 14. – №. 1. P. 25.

уцелевших строений использовались во времена также недолгого функционирования стены Антонина. С отступлением римлян на юг во второй половине II в. укрепления Гаск Ридж были заброшены навсегда. Можно сказать, что этот вариант границы играл свою роль в жизни провинции лишь в период попыток продвижения на север.

Таким образом, на материалах укреплений Гаск Риджа мы видим, что изначальные стремления римлян касались завоевания всех северных территорий. Более того, сооружения на линии границы говорят о том, что армия стремилась закрепиться там с самого начала, создавая схожие с другими лимесами фортификационные сооружения. Однако активное сопротивление общин, проживавших на этих территориях, а также нежелание центра дополнительно вкладываться в это направление внешней политики (о чем свидетельствует прекращение кампании Агриколы («*tradiderat interim Agricola successori suo provinciam quietam tutamque*» – «тем временем Агрикола передал провинцию, где было мирно и спокойно, своему преемнику» Тас. Agr. 40) и отсутствие подкреплений), привели к тому, что северные рубежи Империи переместились на линию, которую, видимо, проще было удерживать.

1.3. Стейнгейт

Важной точкой опоры при создании новых границ в провинции стала линия, расположенная на перешейке Тайн-Солвей. Она приобрела особую значимость после отхода с более северных территорий, в том числе оставления фортов Гаск Риджа. Стоит отметить, что по своей сути это скорее не граница, а дорога, дополненная россыпью укрепленных пунктов. Однако само существование Стейнгейт не только в качестве дороги, но и укрепленной границы сейчас не вызывает сомнений, в том числе благодаря данным археологии, включая анализ аэрофотосъемок⁷⁷. Несмотря на продолжающиеся

⁷⁷ URL: <http://www.romanroads.org/gazetteer/cumbria/M85.htm> Подробнее об этом см.: Sieteski S. Recontextualizing Military Structures along the Stanegate and Hadrian's Wall Utilizing Aerial Photography and GIS Mapping: Thesis (Ph.D.) Bryn Mawr College, 2017. 177 p.; Hodgson N. The Stanegate: a frontier rehabilitated // *Britannia*. 2000. T. 31. P. 11–22.

споры, исследователи обычно не относят её к «настоящим» лимесам, указывая на отсутствие полноценной системы укреплений⁷⁸. Тем не менее, у Стейнгейта были и некоторые особенности, присущие лимесам.

Дорога проходила вдоль реки и соединяла некоторые опорные пункты римлян, которые можно разделить на две группы: большие и малые форты⁷⁹. Главной ролью, которую выполняла дорога, было соединение фортов Лугувалий (Luguvalium, современный Карлайл) и Корстопит (Corstopitum, также известный как Coria (Tab.Vindol. 175, 266 и др.), современный Корбридж). Этими точками, однако, её пределы не ограничивались, и она уходила дальше на запад и восток в стороны побережья. Кроме того, дорога проходила через важный форт Виндоланду⁸⁰. Стейнгейт могла выступать в роли границы в период до строительства стены Адриана благодаря двум факторам. Во-первых, это удачное расположение: она соединяла устья рек Тайн (о римском названии нет консенсуса⁸¹) и Иден (Ituna). Во-вторых, она, видимо, проходила на стыке территорий разных племен (бригантов, новантов, сельговов и вотадинов, в основном располагаясь в зоне проживания первых) и повторяла существовавшие до римляне границы⁸².

В самом устройстве дороги нет ничего необычного. Она была типичной для римских дорог, которые были построены во всей империи: ширина составляет 6,7 м, она была снабжена гравиевым покрытием, по краям которого были обустроены сточные канавы, сложенные из 15-сантиметровых булыжников⁸³. Римляне использовали Стейнгейт в качестве стратегически важного пути, по которому могли передвигаться войска и совершаться

⁷⁸ Подробнее о дискуссии см.: *Hodgson N.* Op.cit. P. 19–20.

⁷⁹ Приложение 1.

⁸⁰ Важность Виндоланды следует отметить в том числе из-за обнаружения здесь деревянных табличек с надписями, из которых можно почерпнуть информацию о том, как была устроена жизнь и служба в этих местах.

⁸¹ *Watson W. J.* The history ... p. 51.

⁸² Оговоримся, что точные границы между землями местных племен не могут быть достоверно реконструированы. Подробнее о границах между кельтскими племенами Британии см. далее (гл.2)

⁸³ См. *Graham F.* The Roman Wall: Comprehensive History and Guide. F. Graham, 1979. P. 185–193.

поставки. Его вполне можно считать наиболее важной дорогой в северной части римских владений на острове наряду с еще одной дорогой Диэ Стрит (Dere или Deere Street)⁸⁴; строительство этих коммуникационных линий имело ключевое значение для организации военных действий. Само их создание, несмотря на сложности, связанные с географическими, климатическими и прочими особенностями региона по сравнению с центральной частью острова, свидетельствует о том, что им придавалось большое значение, поскольку они соединяли наиболее важные римские форты, обеспечивавшие порядок в провинции, а также со временем стали использоваться для нужд торговли⁸⁵.

От других путей провинции Стейнгейт отличает наличие фортов и защитных сооружений. Такая система укреплений в приграничной зоне развивается в связи с отходом римлян из Шотландии после завершения кампании Агриколы; фактически именно в этот момент Стейнгейт превращается в границу провинции Британия. При этом некоторые форты, хотя и относятся к оборонительной системе Стейнгейта⁸⁶, находятся на достаточном удалении — так, на расстоянии около 5 км отстоит от дороги форт Халтуисл Берн (Haltwhistle Burn)⁸⁷. Впрочем, такое расположение оказывается скорее исключением, нежели правилом. Также вдоль центральной части дороги были сооружены пять смотровых башен, что также свойственно для лимесов. Однако этих элементов недостаточно для того, чтобы считать Стейнгейт полноценным лимесом, рассчитанным на долгосрочный контроль приграничья и защиту провинциальных территорий. Несмотря на наличие оборонительной системы, Стейнгейт оставалась в первую очередь связующей линией, а не полноценно укрепленной границей, которой в будущем станут сначала Адрианов, а затем Антонинов валы.

⁸⁴ См. далее.

⁸⁵ См.: Клейменова А. В. Проблема эффективности функционирования римских транспортных коммуникаций в Британии i II вв. Н. Э // *Via in tempore. История. Политология*. 2014. Т. 31. №. 15 (186). С. 31–32.

⁸⁶ Подробнее см.: Breeze D. J., Dobson B. *Hadrian's Wall*. Penguin UK, 2000. P. 16–24.

⁸⁷ Symonds M. *Protecting the Roman Empire: fortlets, frontiers, and the quest for post-conquest security*. Cambridge University Press, 2017. P.100–102.

Недалеко от форта Кория Стейнгейт соединялась с другой важной дорогой, известной под названием Диэ Стрит⁸⁸. Эта дорога вела в Каледонию и открывала основной путь к более северным территориям, предположительно завершаясь близ Солуэй-Ферт. Также существует мнение о том, что Стейнгейт могла на востоке доходить и до моста Адриана (близ Нью-Касла), но подобные предположения пока не получили подтверждения⁸⁹. Наличие разветвленной сети дорог на севере Британии связано с пребыванием там римских легионов, и Стейнгейт со своими военными сооружениями — хорошее тому подтверждение.

Таким образом, и Гаск Ридж, и Стейнгейт, представляли собой первые попытки римлян обустроить пограничные территории провинции; попытки, как уже было упомянуто, не ставшие долгосрочным решением, поскольку обе линии были оставлены из-за решения о создании новых границ. Несмотря на различия, они обеспечивали необходимые условия для контроля со стороны завоевателей и существования территории провинции в заданных рамках. Подобные примеры можно обнаружить в разных частях империи⁹⁰, и возникновение таких пограничных линий не было чем-то необычным в отличие от строительства стен во II в.

1.4. Вал Адриана

Чтобы более подробно и четко определить причины иного оформления границ, то есть их большего укрепления и добавления новых элементов, а также выяснить степень их влияния на жизнь провинции, необходимо выяснить, что они собой представляли, т.е., из чего состояли, как были устроены с технической и логистической точек зрения. Эти подробности важны для нас, поскольку именно так мы сможем попробовать восстановить и

⁸⁸ Изучение Диэ Стрит важно в контексте исследования развития территорий, находившихся под римской властью или влиянием в течение их пребывания на острове. В античности Dere Street была известна как *via Agricola*, *McCloy A.*, *Midgley A.* *Discovering Roman Britain*. New Holland Publishers, 2008. P. 30.

⁸⁹ *Breeze D. J., Dobson B.* *Hadrian's Wall*. Penguin UK, 2000, p.16–24

⁹⁰ *Breeze D. J.* *The Frontiers of Imperial Rome*. Barnsley, UK: Pen & Sword, 2011. 272 p.

описать прагматические цели возведения стен. Мы рассмотрим появление непосредственно самих стен и далее комплексов вокруг них в хронологическом порядке.

Адрианов вал был первым и по времени создания, и по масштабу среди крупных пограничных проектов II в. Несмотря на недавнюю дискуссию по поводу реальной даты его строительства⁹¹, большинство исследователей все еще склонно считать датой начала строительства 122 г. В этот момент император Адриан лично посещал провинцию⁹², после чего, как считается, и появилась идея создания не просто усиленного кордона, но физического разделителя в виде стены. Основная масса исследователей принимает 122 г. за начало строительства, и предположение о принятии императором решения о создании лимеса сразу после непосредственного знакомства с ситуацией на границе кажется вполне убедительным⁹³. Вторая гипотеза предполагает, что император приехал на границу для инспектирования уже идущих в течении одного или двух лет работ, т.е. начало сооружения Адрианова вала стоит датировать 120-121 гг.⁹⁴ Вопрос о хронологии возведения границы остается открытым, поскольку две основные версии сложно подтвердить или опровергнуть ввиду скудости источниковой базы по истории провинции.

Для вопросов, которые ставит данная работа, подобное расхождение можно считать несущественным, поскольку разница в сезон или даже несколько не влияла ни на практическое назначение стены, ни на ее символическую роль.

⁹¹В своем недавнем исследовании голландский ученый Эрик Графсталь (*Graafstal E. What Happened in the Summer of AD 122? Hadrian on the British Frontier—Archaeology, Epigraphy and Historical Agency // Britannia. 2018. Т. 49. Р. 79–111*) указывает на то, что саму стену могли начать строить ранее, в то время как 122 год в историографии считается годом создания, поскольку мы имеем свидетельство непосредственного присутствия императора в провинции в этот момент.

⁹² SHA, Hadr. XI.; упоминание об этом также встречается на монетах. Cohen, II 2 p. 109, No. 28.

⁹³ Hooley J., Breeze D. J. The building of Hadrian's Wall: a reconsideration // *Archaeologia Aeliana Series 4. Vol 46. 1968. P. 110-111.*

⁹⁴ Graafstal E. Op. cit.

Сложности в вопросах датировки, впрочем, демонстрируют нам разницу между практическими и историко-теоретическими исследованиями британского лимеса. В этой ситуации мы видим, что обращение к археологии оказывается не просто полезным, но необходимым. Поскольку один из фактово, позволяющих ответить на вопросы нашего исследования – устройство комплекса.

1.4.1. Устройство Вала Адриана: общие замечания

Протяженность установленной Вала Адриана составляла 80 римских миль или около 117,5 километров. К продолжению этой линии также относят ряд укреплений на побережье Камбрии, растянувшийся почти на 40 римских миль⁹⁵. Оценки протяжённости стены разнятся в зависимости от того, что именно исследователи принимают за начало и конец границы; точные данные на этот счет отсутствуют, и все расчёт в значительной степени являются авторскими интерпретациями. Для нас подобные различия не столь важны в силу того, что небольшая разница в измерениях вряд ли что-то говорит о функциональном назначении или о том, как была спроектирована пограничная линия. Тем не менее, полный обзор того, что она собой представляла, кажется необходимым для понимания того, как Адрианов вал мог действовать, как изменялся и как в дальнейшем влиял на историю провинции.

Существуют многочисленные исследования, научно-популярные труды и учебные пособия, в которых скрупулёзно перечислены основные детали устройства стен. Среди них наиболее широкое распространение получили книги Д. Дж. Бриза и Б. Добсона, представивших наиболее полную картину, существовавшую в 1970-х и до 2000-х гг.⁹⁶ Однако не меньшего внимания заслуживают также труды Н. Ходжсона⁹⁷ и Р. Хингли⁹⁸ и ставшее

⁹⁵ *Kendal R. Transport Logistics Associated with the Building of Hadrian's Wall // Britannia. 1996. Vol. 27. P. 129–152*

⁹⁶ *Breeze D. J., Dobson B. Hadrian's Wall. Penguin UK, 2000.*

⁹⁷ *Hodgson N. Hadrian's Wall: Archaeology and history at the limit of Rome's empire // The Crowood Press, 2017. 224 p.*

⁹⁸ *Hingley R. Hadrian's Wall: A Life. Oxford, 2012. 394 p.*

классическим пособие Э. Бирли⁹⁹. Все эти работы описывают составные части стены, а также рассматривают некоторые вопросы ее назначения. Также не следует оставлять без внимания основательное исследование П. Хилла, упоминавшееся ранее¹⁰⁰. Хилл рассматривает все части стены и дает их подробное описание, созданное с опорой на материалы раскопок. Благодаря этому ему удаётся определить особенности и характерные черты каждого элемента конструкции. Наконец, следует особенно отметить наиболее полный план Адрианова вала, изданный под редакцией М. Саймондса и Д. Мейсона¹⁰¹.

Благодаря проведенным исследованиями, становится ясно, что собой представлял Вал Адриана. Основными элементами этого лимеса, кроме самой стены, были так называемые милевые или милевые кастели различных размеров (фортификационные сооружения прямоугольной формы, значительно меньше обычных фортов по размеру), сигнальные башни, ворота в стене для пересечения границы, мосты, вал, форты, расположенные в разной степени удаленности и от самой стены (большинство из них прилегали к линии границы), и друг от друга, а также военная дорога, проходившая вдоль охраняемой линии. Все перечисленные элементы говорят о том, что перед нами комплекс, который можно отнести к лимесам.

К настоящему моменту в полной сохранности до нас не дошел ни один из крупных элементов Вала. Видимые части представляют собой набор из 14 «каменных» и 3 «дерновых» башен, 7 милевых кастелей, а также 7 фортов, исключая Виндоланду, которая находится на отдельном счету как один из наиболее ранних и главных фортов в провинции, основанный до решения о сооружении Адрианова вала. Кроме того, Виндоланда, хотя она и входила в комплекс приграничных укреплений, все же располагалась в некотором отдалении от самой линии границы.

⁹⁹ *Birley A. R. Hadrian's wall: An illustrated guide. London, 1963. 58 p.*

¹⁰⁰ *Hill P. R. The construction of Hadrian's Wall : дис. – Durham University, 2003.*

¹⁰¹ *Symonds M., Mason D. Frontiers of knowledge: a research framework for Hadrian's Wall. Durham: Durham County Council. 2009. 311 p.*

Даже такой процент видимых остатков позволяет получить представления о масштабе, несмотря на то что их сохранность оставляет желать лучшего. В большинстве своем уцелели фундаменты и нижние части построек, в то время как верхние части были уничтожены временем, стихией или людьми, начиная со средних веков и заканчивая современностью. В любом случае, положение дел с Валом Адриана в плане сохранности и степени изученности выгодно выделяется на фоне остальных памятников римского времени в северной части острова. Именно это во многом позволяет выявить основные элементы комплекса и выдвинуть предположения о том, для чего укрепленные границы создавались в пределах относительно небольшой территории, о чем мы скажем во второй части нашего исследования.

Для начала следует рассмотреть те части, которые можно назвать наиболее масштабными и важными с точки зрения функций границы в целом, а именно форты. Их можно назвать основными частями Вала, поскольку именно они, будучи местами расположения войск, служили для обеспечения контроля за территориями с помощью воинов, расквартированных в них. Кроме того, поскольку зачастую вокруг них образовывались и гражданские поселения, они же становились со временем центрами экономического развития и социальных взаимодействия гарнизона, жителей провинции и обитателей северной окраины острова.

1.4.2. Форты Адрианова вала

К комплексу границы Адриана относят разное количество фортов, так как некоторые из них, например, Виндоланда (Vindolanda), Лугувалий (Luguvalium) или Кория (Coria)¹⁰², существовали до того, как появилось решение о создании границы в этом месте. Их существование отражает то, как

¹⁰² Подробнее о фортах см.: *McCarthy M. R. Luguvalium (Carlisle) a civitas capital on the northern frontier*// *The Archaeology of Roman Towns: Studies in Honour of John S Wachter* / Ed. by Wilson P. Oxford, 2003. P. 144-145; *McCarthy M. R., Padley T. G., Henig M. Excavations and finds from the Lanes, Carlisle* // *Britannia*. 1982. Т. 13. P. 79–89; *Bishop M. C., Dore J. N., Allason-Jones L. Corbridge: excavations of the Roman fort and town, 1947-80. Historic Buildings & Monuments Commission for England*, 1989. 323 p.

происходило завоевание британских земель до начала II века, когда форты еще не были частью линии границы, но оказывались точечными мерами. Другие же форты появились не сразу при строительстве Адрианова вала, а уже во второй половине II века, как например Арбея (Arbeia), основанная в 160-х гг.¹⁰³ Всего же в комплекс Адрианова вала включают 27 фортов, созданных и используемых в разное время. Из них 20 изучены достаточно подробно и по современным оценкам имели непосредственное отношение к функционированию границы¹⁰⁴. Из них еще четыре были частью укреплений на побережье Камбрии, а два были созданы позднее времени создания границы в ее первоначальном виде.

Для изучения стены наиболее важно обратить внимание на следующие форты, названия которых сохранились в *Notitia Dignitatum* под рубрикой «*per lineam valli*» («по линии вала» – ND. Ос. XL, 32-56). Они перечислены по расположению с востока на запад (в скобках — современные названия): Segedunum (Wallsend), Pons Aeli (Newcastle), Condercum (Benwell), Vindobala (Rudchester), Hunnum (Halton Chesters), Cilurnum (Chesters), Procolitia (Carrowburgh), Borcovicio (Housesteads), Aesica (Great Chesters) — были частью каменной стены; Magnis (Carvoran), Amboglanna (Castlesteads), Aballaba (Burgh-by-Sands), Congavata (Drumburgh), Axelodunum (Stanwix), Mais (Bowness) — были частью дерновой стены. Двенадцать из них относят к числу основных¹⁰⁵, то есть наиболее важных для защиты границы. К числу фортов, имевших непосредственную связь с лимесом, также относят знаменитую Виндоланду (Vindolana) и Luguvalium (Carlisle), существовавшие

¹⁰³ Подробнее о форте см.: *Bidwell P.T.* Hadrian's Wall at Wallsend. *Arbeia Society Roman Archaeological Studies* 1. Arbeia Society, South Shields, 2018. 262 p.; *Shotton E.* Roman Britain in the Northeast: The Excavation and Interpretation of Arbeia, South Shields / дисс. Syracuse Univ., 2016. 94 p.

¹⁰⁴ Наиболее хорошо изучены: Arbeia, Segedunum, Condercum, Vindobala, Hunnum, Cilurnum, B(P)rocolita, Vercovicium, Aesica, Magnis, Banna, Camboglanna, Uxelodunum, Aballava, Coggabata, Mais, Bribra, Alauna, Gebrosentum и Vindolanda.

¹⁰⁵ Это Segedunum, Condercum, Vindobala, Hunnum, Cilurnum, Vercovicium, Aesica, Banna, Camboglanna, Uxelodunum, Aballava, Mais: *Breeze D. J., Dobson B.* Hadrian's Wall. Penguin UK, 2000. P. 50.

еще со времен Стейнгейта, хотя они стали частью новой границы позднее¹⁰⁶. В Нотиции можно встретить названия и других фортов (например, Amboglanna, Glannibanta, Alauna и др.), однако в большинстве своем относятся к прибрежной части стены, и не все из них удалось локализовать средствами современной археологии.

В своём анализе фортов Питер Хилл считает наиболее важным обратить внимание на следующие части: каменные стены (при наличии), а также башни и проходы, при этом оставляя вне обсуждения строения, расположенные внутри фортов¹⁰⁷. Подобный подход можно объяснить тем, что внутреннее устройство фортов в целом было схожим во всей Римской империи, тогда как отличительные особенности Британии проявлялись именно в трех указанных элементах. Поскольку наиболее важным представляется учет именно региональных особенностей, при рассмотрении устройства фортов мы будем следовать П. Хиллу.

В большинстве своем форты, входившие в приграничный комплекс, были стандартными по устройству¹⁰⁸. Их размеры могли варьироваться в зависимости от местоположения и рельефа, необходимости разместить определенное подразделение или того, подразделения какого легиона занимались строительством на данном участке. Однако в целом устройство было скорее типовым. Римский форт представлял собой прямоугольную огороженную территорию с башнями по углам, внутри находились принципий (свободное пространство, где могли храниться различные предметы, необходимые в лагере), преторий (место для палатки полководца), хорреум(хранилище) и солдатские казармы. В некоторых случаях были обнаружены склады провианта, конюшни, если в форте располагались

¹⁰⁶ Hill P. R. The construction of Hadrian's Wall: дис. – Durham University, 2003. P. 86.

¹⁰⁷ Hill P. R. Op. cit. P. 86.

¹⁰⁸ Подробнее об устройстве римских фортов см.: Johnson A. Römische Kastelle Des 1. Und 2. Jahrhunderts N. Chr. in Britannien Und in Den Germanischen Provinzen Des Römerreiches. Kulturgeschichte Der Antiken Welt. Mainz am Rhein von Zabern. 1987. 370 s.; Connolly P. The Roman Fort. Oxford University Press, USA, 1997. 32 p.; Campbell D.B. Roman Auxiliary Forts 27 BC-AD 378. Oxford: Osprey Publishing, 2009. 64 p.; Bishop M. C. Handbook to Roman legionary fortresses. Pen and Sword, 2013. 256 p.

конница, святилища и даже бани (хотя последние чаще были расположены снаружи).

Дополнительные детали, которые касаются внутреннего устройства, не относятся напрямую к теме нашего исследования, поэтому, как было отмечено, говорить мы будем лишь о наиболее важных частях, которые влияют на функционирование укрепленной полосы.

Три стены фортов были существенно тоньше (~1,5 м), чем пограничная основная стена, к которой форты были пристроены и которая составляла четвертую сторону каждого форта (2,29-2,9 м). В разрезе можно увидеть, что их кладка также была устроена иначе¹⁰⁹. Толщина основной стены в римских единицах измерения, по-видимому, составляла 10 футов: римский фут (*Pes Monetalis*, далее РМ) равен, примерно 29,6 см¹¹⁰. Разница между стеной форта и стеной-границей объясняется разницей возложенных на них задач: стены форта выполняли свою защитную функцию в рамках относительно небольшой территории, в то время как протяженная линия вдоль границы могла подвергаться совершенно другому типу воздействия, как природного характера, так и со стороны людей, которые могли пытаться пересечь границу в непредназначенном для этого месте.

1.4.3. Стена и ров

Поскольку граница изначально была запланирована как линия укреплений, то мы можем предположить, что система была рассчитана на средние масштабы, которым должны были соблюдаться по всей их линии. Толщина стены лимеса не была одинаковой: это может объясняться нехваткой строительных материалов, разной скоростью проведения работ, а также, возможно, тем, что разные ее части строили разные группы¹¹¹. По этому

¹⁰⁹ Hill P.R. Op. cit. P. 60-63 (см. разрез)

¹¹⁰ Hodgson N. Hadrian's Wall: Archaeology and history at the limit of Rome's empire. The Crowood Press, 2017. P. 9

¹¹¹ Подробнее о контингенте, принимавшем участие в строительстве см. далее.

признаку выделяется три ее участка¹¹². На восточном участке стена была толстой и имела размер в 9-10 РМ (в основании 10,3-12,2 РМ), на центральном — средней по толщине, 7,7-8,1 РМ (в основании 9,2-9,8 РМ), и на западном — самой тонкой, 5,8-8,9 РМ (в основании 6,7-9,6 РМ).

Эти участки стены различались не только толщиной. При их строительстве были использованы разные материалы; соответственно, различалась и конструкция. На промежутке с востока на запад до места, которое сейчас называется Скар Хэрроу (располагается в ущелье реки Иртинг) сохранились остатки каменной кладки, в то время как для остальных частей римляне использовали блоки из дерна. Причем в некоторых местах¹¹³ тонкая каменная стена воздвигалась постфактум вместо более широкой дерновой. Очевидно, стена из дерна, возведение которой требовало меньше времени и трудозатрат¹¹⁴, была построена раньше каменной. Затем она заменялась на более надежную каменную, но это было сделано не по всей ее длине, а только до милевого кастеля в районе Скар Хэрроу. По-видимому, земляная стена изначально рассматривалась как временная и должна была заменяться каменной¹¹⁵: дерн, как мы знаем, чаще использовали при сооружении временных построек¹¹⁶.

Если ширину стены мы можем определить достаточно точно¹¹⁷, то ее высота оценивается по-разному. Здесь также есть различия в зависимости от типа материала: высота каменной части по современным расчетам могла достигать 4,6 м, а высота торфяной, более толстой части, была ниже каменной, от 3-х до 4-х метров. Это было очевидно связано с большей прочностью каменной кладки. Данные расчеты, однако, примерны, поскольку ни в одном сегменте стена не сохранилась на свою полную высоту. По этой же причине

¹¹² Hill P. R. Op. cit P. 54-59, 64.

¹¹³ Например, на участке от Воллсэнда до Ньюкасла.

¹¹⁴ См. расчеты трудозатратности Hill P. R. Op. cit P. 63.

¹¹⁵ Hill P. R. Op. cit P. 53.

¹¹⁶ Вегетий приводит информацию о создании лагеря на ночь, например, и для него как раз использовались блоки из дерна (I, 26).

¹¹⁷ Питер Хилл приводит сводную таблицу с указанием размеров всех частей стены и милевых кастелей (Hill P. R. Op. cit P. app.1- 380p).

любые предположения об устройстве ее верхней части остаются предположениями. Однако ширина сохранившихся фрагментов стены позволяет предположить, что по ее верху можно было передвигаться. Это было важно для осуществления контроля за территорией и возможности организовать оборону. Следует при этом отметить, что размер стены частично соответствовал размерам другого пограничного укрепления, построенного во время правления Адриана в еще одной приграничной зоне, а именно в Африке (т.н. *Fossatum Africae*¹¹⁸), хотя протяженность и структура укреплений различаются.

Непосредственно перед стеной был выкопан ров, часть земли из которого была использована для создания насыпи перед ним, которую также могли укреплять дополнительно с помощью кольев или насаждений, как сообщается у Вегеция («...supra quam sudes de lignis fortissimis, quas milites portare consueuerunt, praefiguntur...» — «...наверху него [вала – прим. автора] вбиваются колья из крепкой древесины, которую воины обычно имеют при себе» Veget. I, 24.).

1.4.4. Милевые кастели

В линию границы примерно через каждую римскую милю¹¹⁹ были встроены укрепления, получившие название милевые кастели (*milecastles*¹²⁰). В современной историографии Адрианова вала они пронумерованы от 0 до 80 и имеют обозначение MC (сокращение от *milecastles*). К каменной стене относились 49 милевых кастелей, от MC0 до MC48¹²¹, а также 96 башен (см.

¹¹⁸ Hill P. R. Op. cit P. 63; Baradez J. *Fossatum Africae: Recherches aériennes sur l'organisation des confins sahariens à l'époque romaine* // Paris: Arts et Metiers graphiques. 1949. P. 103.

¹¹⁹ Одна римская миля (*mille passus*) равна примерно 1,48 км.

¹²⁰ Название дано на английском ввиду того, что термин был впервые введен в англоязычной научной литературе и получил широкое распространение.

¹²¹ Это условное обозначение было введено Р. Смитом в XVIII веке, а система с нумерацией принадлежит Дж. Коллингвуду.

ниже); еще 32 милевых кастеля и 62 башни были расположены у части стены, сделанной из дерна¹²².

Кастели располагались попарно между известными нам фортами. Такая расстановка позволяла контролировать территорию с большей эффективностью. Под контролем территории различные исследователи обычно подразумевают: 1) контроль и учет пересечения границы провинции (в т.ч. взимание торговых пошлин на товары, ввозимые в провинцию и вывозимые оттуда), т.е. таможду¹²³; 2) отслеживание и пресечение одиночных вражеских рейдов¹²⁴; 3) предотвращение широкомасштабных наступлений с севера (и тогда важной становится функция сигнального оповещения, возможная при наличии сигнальных огней на башнях)¹²⁵.

Части гарнизона располагались главным образом в фортах, расположенных в основном за стеной с южной стороны, а милевые кастели имели меньший размер (ок. 15 x 18 м) и были предназначены для размещения небольших подразделений в 8-12 человек (иногда до 32¹²⁶, что во многом зависит от размеров и устройства, а также расположения кастелей), которые бы не могли бы противостоять более или менее серьезной атаке. Дэвид Бриз указывает, что по этому показателю они сильно отличались от обычных небольших фортов, каждый из которых мог вмещать центурию¹²⁷. Это

¹²² Hill P. R. Op. cit P. 12.

¹²³ Cherry D. Frontier and society in roman north Africa. Oxford University Press, 1998. P. 59–66; Haskett J. P. Hadrian's wall: Romanization on rome's northern frontier. – Boise State University Theses and Dissertations, 2009. P. 2.

¹²⁴ Bidwell P.T. The systems of obstacles on Hadrian's Wall: their extent, date and purpose' // Arbeia Journal. 2005. T. 8. P. 74; Breeze D. J. The Frontiers of Imperial Rome. Barnsley, UK: Pen & Sword, 2011. P. 189–190; Hanson W. S. The nature and function of Roman frontiers revisited // Life in the Limes: Studies of the people and objects of the Roman frontiers / Ed. by Collins R., McIntosh F. Oxbow books, 2014. P. 7–8.

¹²⁵ Daniels C. M. Excavations at Wallsend and the fourth-century barracks on Hadrian's Wall. Oxford, 1979. T. 71. P. 73–93; Bidwell P.T. The systems of obstacles on Hadrian's Wall: their extent, date and purpose' // Arbeia Journal. 2005. T. 8. P. 74; Bidwell P.T. Did Hadrian's Wall have a Wall-walk? // Understanding Hadrian's Wall / Ed. by P.T. Bidwell. Kendal: The Arbeia Society, 2008. P. 142.

¹²⁶ Breeze D. J., Dobson B. Hadrian's Wall. Penguin UK, 2000. P. 41.

¹²⁷ Breeze D. J. Excavations at the Roman fortlet on the Antonine Wall at Watling Lodge, 1972–4 // Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland. 1975. T. 105. P. 150.

свидетельствует, что кастели вряд ли предназначались для отражения масштабных атак, поскольку столь небольшой по размеру отряд едва ли смог бы остановить крупные наступления. В то же время своим присутствием эти отряды могли напоминать местному населению о римской власти и обеспечивать устойчивый и постоянный контроль за территориями.

Отсутствие следов налаженной инфраструктуры поблизости от кастелей указывает на то, что они с большой долей вероятности не использовались для долгосрочного размещения солдат. Отсюда можно сделать вывод, что это была посменная служба легионеров близлежащих фортов.

Одной из важных частей таких кастелей были ворота, поэтому, видимо, одной из главных их функций было обеспечение контролируемого перехода границы, причем в большом количестве мест.

1.4.5. Башни

В линию стены между милевыми кастелями были также встроены башни (*turris*¹²⁸), которые часто называют сторожевыми или сигнальными. Как и в случае с милевыми кастелями, они получили условное обозначение и нумерацию: Т, обозначающее башню, сопровождается номером, соответствующим ближайшему милевому кастелю, и буквой А или В в зависимости от удаленности по направлению на запад. Некоторые из них имеют и обычные названия. Всего их было обнаружено около 160. Они чаще всего находились на расстоянии примерно 1/3 римской мили друг от друга, т.е. по две между каждым из милевых кастелей. Башни имели два этажа и, вероятно, подобие балкона¹²⁹. Вероятно, у них была сигнальная и наблюдательная функция. Скорее всего, важнее была вторая: для передачи

¹²⁸ По своему названию башни имеют обозначение в виде латинской буквы «Т» с определенным номером по аналогии с милевыми кастелями и иногда дополнительным буквенным обозначением *a* или *b*.

¹²⁹ Hill P. R. Op. cit. P. 79; устройство башен, в т.ч. верхних этажей обсуждается, напр., у Хилла и Добсона Hill P. R., Dobson B. The design of Hadrian's Wall and its implications // Archaeologia Aeliana. 1992. Т. 20. P. 27–52.

сигнала не было смысла их размещать так близко друг к другу. Конечно, не менее важной была и собственно охранная функция.

В отличие от милевых кастелей, башни не отличались от подобных построек, существовавших при Верхнегермано-ретийском лимесе¹³⁰ или в составе укреплений Гаск Риджа. Они были небольшого размера (средняя внутренняя площадь — ок. 18,5 м²) и по подсчетам Хилла и Добсона могли вместить до 8 человек¹³¹. Видимо, их «гарнизоны» не находились там постоянно, а сменялись и, как и в случае милевых кастелей, выделялись из гарнизонов близлежащих больших по размеру укреплений. Таким образом, возможность пресечь переход границы небольшим отрядом или группой людей у них была, как была и возможность в случае необходимости подать знак в ближайший пункт с большим военным контингентом и вызвать подкрепление.

Милевые кастели и смотровые башни обычно примыкали к стене или находились от нее в непосредственной близости, однако аналогичные сооружения были также обнаружены и в отдалении от нее, вдоль линии побережья Камбрии. Подобное устройство пограничной линии вообще характерно для римских лимесов и засвидетельствовано и в других местах¹³².

1.4.6. Мосты

В виду того, что граница протянулась на расстояние больше сотни километров, она неизбежно пересекала труднопроходимые места и реки,

¹³⁰ Breeze D. J., Dobson B. Hadrian's Wall. Penguin UK, 2000. P. 64; Schönberger H. Die römischen Truppenlager der frühen und mittleren Kaiserzeit zwischen Nordsee und Inn // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Berlin, 1985. – Vol. 66. – s. 378.; Hill P. R. Opt. cit, p.79

¹³¹ Hill P. R., Dobson B. The design... P. 38

¹³² Graafstal E. Wing-walls and waterworks. On the planning and purpose of the Antonine Wall // The Antonine Wall: Papers in Honour of Professor Lawrence Keppie / Ed. by Breeze, D.J. Hanson, W.S. Archaeopress. Oxford, 2020. P.148; Dobat E. Comparison of the Gask "system" in Perthshire (Scotland) and the Taunus-Wetterau frontier in Hessen (Germany): unpubl MPhil thesis, University of Glasgow (United Kingdom), 2004. P. 14; Данилов Е. С. Римский лимес: приграничное наблюдение // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2009. №. 2. С. 5.

поэтому линии Адрианова вала были необходимы мосты. Самые важные из них располагались в Честере и Уиллоуфорде, однако существовали и другие¹³³. Специфика того, как их использовали дополнительно, является предметом дискуссий. Некоторые исследователи считают, что они препятствовали пересечению границы по рекам¹³⁴, однако также было выдвинуто предположение о том, что они продолжали предполагаемый пешеходный маршрут по верху стены¹³⁵. Впрочем, представленные точки зрения не противоречат друг другу, а разница между ними касается главным образом того, какую функцию следует считать основной. Мосты были связаны с большой дорогой¹³⁶, которая могла использоваться и для военных, и для гражданских нужд, в отличие от военной дороги (см. ниже), предназначенной прежде всего для военных целей. Таким образом, мосты были вписаны в систему приграничных укреплений; они были построены существенно позже создания дороги Стейнгейт, при сооружении Вала, что дополнительно свидетельствует об их военном назначении.

1.4.7. Военная дорога

Важной частью приграничных сооружений была военная дорога, проходившая за стеной с южной стороны. Она была создана для быстрого и удобного перемещения войск вдоль стены, а также позволяла гонцам быстрее передавать необходимую информацию. Дорога могла использоваться и гражданскими лицами, например, торговцами, поскольку была лучше защищена, чем Стейнгейт. Кроме того, она была важна для логистики, связанной с постройкой тех частей комплекса стены, которые возводились уже после создания дороги и ремонтом уже существовавших фрагментов. Подобные дороги строились и при других лимесах, например, при

¹³³ *Bidwell P.T., Holbrook N.* Hadrian's Wall bridges. English Heritage, 1989. 168 p.

¹³⁴ *Bidwell P.T., Holbrook N.* Op. cit., pp. 44.

¹³⁵ *Bidwell P.T., Holbrook N.* Op. cit. P. 134-136. Следует отметить, что смотровые башни дополняли этот проход, позволявший патрулировать стену, поскольку обзор с башни был лучше, чем со стены. Подобных проходов не было обнаружено на других лимесах.

¹³⁶ *Bidwell P.T., Holbrook N.* Op. cit. P. 136.

Нижнегерманском¹³⁷. В Британии этот путь был защищен с обеих сторон, поскольку к югу от него располагалась еще одно важное и, пожалуй, наиболее специфичное сооружение комплекса — вал (*vallum*).

1.4.8. Вал

Vallum, о котором мы упоминали при рассмотрении терминологии, был возведен почти на всем протяжении стены. Эта земляная насыпь была уникальным сооружением британского лимеса не только потому, что вдоль других укрепленных линий не создавали ничего подобного по масштабу, но и потому что вал располагался за стеной, то есть внутри границы.

По поводу времени и целей создания вала в современной историографии продолжают жаркие споры. Дэвид Бриз пишет, суммируя выводы предшествующих работ своих коллег и свои собственные, что из-за недостатка эпиграфических данных мы можем опираться лишь на относительную хронологию¹³⁸. В целом кажется, что строительство вала происходило уже после принятия решения о строительстве фортов вдоль стены, поскольку во многих местах линия вала их огибает. Несмотря на популярность этой точки зрения в романо-британистике, есть исследователи, утверждающие обратное, особенно в отношении планов строительства этой части укреплений. Так, в отличие от большинства предшественников, Уэлфейр настаивает на том, что вал являлся частью изначального плана строительства, опираясь на расположение обеих конструкций, прослеживаемое в Шилд-он-Уолл¹³⁹, хотя основная масса исследователей сходится на том, что именно в этом месте расположение и итоговый вариант построек не совпадал с изначальным замыслом¹⁴⁰. Существует также особое мнение Дж. Хинда, который считает, что *vallum* стал необходим для решения специфической региональной задачи:

¹³⁷ См. подробнее *Савин Н.А.* Германо-Ретийский лимес и Рейнская армия Рима. СПб: Алетей, 2019. С. 135.

¹³⁸ *Breeze D. J.* The Vallum of Hadrian's Wall // *Archaeologia Aeliana*. 2015. Т. 44. P. 19.

¹³⁹ *Welfare H.* A Roman camp, quarries, and the Vallum at Shield-on-the-Wall (Newbrough) // *Archaeologia Aeliana* 5th series. 2013. Т. 42. P. 81–99.

¹⁴⁰ *Breeze D.J.* The Vallum... P.19.

защиты от племени бригантов, на территории которых по его предположению строили стену¹⁴¹. Стоит отметить, что широкого распространения эта точка зрения не получила.

Основная особенность вала, как отмечено выше, — его расположение за стеной, а не перед ней. Такое расположение не соответствует обычному устройству фортификации, при котором вал — одна из линий обороны перед объектом защиты¹⁴². При боевых действиях он мог бы служить лишь как дополнительное препятствие для врага, уже преодолевшего стену, но препятствие это было бы исключительно номинальным, поскольку на валу не были расквартированы римские силы, и любая задержка, если вообще бы возникла, была бы слишком незначительной. Кроме того, можно предположить, что вал среди прочего служил для защиты военной дороги, которая располагалась между ним и стеной. В пользу этого предположения говорит почти полное отсутствие гражданских поселений на прилегающей территории. Поэтому вопрос о назначении вала до сих пор остается открытым. Мы можем лишь предполагать наличие некоего замкнутого пространства, которая создавалась уже после строительства стены. Подобные валы неизвестны в составе других лимесов, и эта конструкция является отличительной чертой британской линии границы.

Если рассматривать вал как уникальную фортификационную деталь при уникальном на момент создания провинциальном лимесе, то возможно, решение о его создании могло быть принято при наличии сомнений в выполнении всех необходимых функций самой стеной. Также к появлению вала могла привести напряженная обстановка в зоне строительства фортификационных сооружений. В таком случае вал мог защищать подступы к стене изнутри — от бригантов (как предполагал Дж. Хинд) или от других беспокойных бриттских общин. Однако тогда пришлось бы предположить,

¹⁴¹ *Hind J. G. F.* The vallum, the turf wall and the Brigantes // *Northern History*. 1989. Т. 25. №. 1. Р. 15.

¹⁴² Там же.

что стене нужна была защита также на территориях, которые считаются римскими. Основные военные кампании, начиная с конца I в. н.э., проходили в северной части острова, в то время как центр оставался относительно спокойным. Если же допустить, что граница располагалась в месте конфликта, то тогда сложно представить, почему нельзя было ее передвинуть и организовать в менее опасном месте.

Итак, все составные части британской пограничной линии были обычными для римской фортификации в целом, в том числе как составные части лимесов, однако вместе они представляли новый тип пограничных сооружений.

1.4.9. Процесс строительства

Организация процесса строительства непосредственно связана с замыслом создания фортификационного комплекса. Этот замысел, по-видимому, менялся. Изменения в плане называют устоявшимся в англоязычной литературе термином «решение о фортах» (fort decision), т.е. переосмысление того, как форты должны были вписаться в линию границы. Первоначально предполагалось, что граница должна состоять из линии стены с милевыми кастелями, башнями и небольшими фортами и дополнительно, в случае необходимости, использовать близлежащие форты, расположенные южнее стены, и их гарнизоны¹⁴³. Однако в дальнейшем, в линию стены решили также вписать новые форты, которые затем стали неотъемлемой частью границы. Тот факт, что первоначальный план был изменен и было принято это решение о фортах, заставляет задуматься о датировке создания Вала. Часть исследователей приписывает это решение императору Адриану, приехавшему на строительство стены с инспекцией в 122 г. и принявшему решение укрепить ее дополнительными, ранее не запланированными, фортами: в этом случае

¹⁴³ *Symonds M.* Protecting the Roman Empire: fortlets, frontiers, and the quest for post-conquest security. Cambridge University Press, 2017. P.105.

начало строительства следует датировать годом или даже двумя раньше¹⁴⁴. Другие считают, что Адриану принадлежит сама инициатива создания укрепленной линии и что во время своего посещения Британии он отдал приказ о ее строительстве, а последующие корректировки первоначального плана, произошедшие между 122 и 128 гг., не связаны с непосредственным императорским вмешательством: тогда за дату начала строительства Адрианова вала принимают 122 г.¹⁴⁵

Выбор материала для строительства (разный для различных сегментов Вала), как и отличия в параметрах стены на отдельных ее участках обычно объясняют практическими военными потребностями. Видимо, ситуация на границе требовала быстреего завершения строительства, а потому использование дерева и дерна в какой-то момент оказалось предпочтительным¹⁴⁶. Эта же разница позволяет предполагать, что строительство началось с востока.

1.4.10. Строители Вала Адриана

Строительство Вала Адриана было поручено трем легионам, находившимся в провинции: *legio II Augusta*, *legio VI Victrix* и *legio XX Valeria Victrix*¹⁴⁷. Обычно они размещались в разных частях острова, но для этого проекта их подразделения собрали у северной границы. Кроме легионов, в строительстве принимал участие британский флот (RIB 1340: зернохранилище в Бенвелле) и вспомогательные части, например *cohors I Hamiorum* (RIB 1778, 1816, 1818, 1820: Карворан) или *cohors I Aquitanorum* (RIB 1550: Броколития). Также оказывали помощь местные племена, например, катувеллауны (*civitas Catuvellaunorum*), думноны (*civitas Dumnoniorum*) и дуротриги (*civitas*

¹⁴⁴ Graafstal E. What Happened... P. 79.

¹⁴⁵ Breeze D. J., Dobson B. Hadrian's Wall. Penguin UK, 2000. P. 25–26.

¹⁴⁶ Graafstal E. P. Hadrian's haste: a priority programme for the Wall // *Archaeologia Aeliana*. 2012. T. 41. №. 5th series. P. 136–38.

¹⁴⁷ Подробнее см. Breeze D. J., Dobson B. Hadrian's Wall. Penguin UK, 2000. P. 66–81.

Durotrigum) (RIB 1672, 1673, 1843, 1844, 1962, 3376), чьи территории, к тому же, не располагались вблизи Вала¹⁴⁸.

Практически вся информация о составе строителей укреплений происходит из надписей, сохранившихся в каменной части стены. В основном это милевые камни и строительные надписи центурий, однако мы также имеем дело с посвящениями от лица легионов, легатов и отдельных легионеров. Особый интерес представляют посвящения местным богам (см., например, посвящения богу Антеноциту: RIB 1327, 1328, 1329), которые могут свидетельствовать и о проникновении этих культов в римскую армию, независимо от происхождения воинов, и о том, что среди строителей и защитников стены были бритты. Это вполне естественно, учитывая, что воины вспомогательных частей рекрутировались из местных жителей, не имевших римского гражданства. Однако следует отметить, что основные работы, конечно, выполняли легионы, что было связано с наличием в их составе умелых исполнителей различного профиля, хорошо знакомых и с теорией, и с практикой римской фортификации¹⁴⁹.

В строительных надписях центурий, обнаруженных в форте Карворана, использован глагол *vallō*, что может косвенно указывать на название самого сооружения (если этот термин не использован здесь в расширительном значении «укреплять, строить оборонительные сооружения»): *centuria Iuli Ca[...] | vallavit | pedes C[...]* (RIB 1816), *centuria Primi[...] | vallavit | pedes CXII | sub Flavio Secundo | praefecto* (RIB 1818), *centuria Silvani | vallavit | pedes CXII sub | Flavio Secundo | praefecto* (RIB 1820). Имя префекта Флавия Секунда и схожесть конструкций позволяет отнести надписи к одному времени; строительные работы обычно датируют временем, когда наместником был П. Муммий Сисенна (P. Mummius Sisenna), , который управлял провинцией в 135

¹⁴⁸ Ричард Хингли в своем исследовании упоминает, что упоминание общин в строительных надписях привело к возникновению ошибочного предположения о том, что стену строили не римляне: *Hingley R. Hadrian's Wall: A Life. Oxford, 2012. P. 20.*

¹⁴⁹ *Breeze D. J., Dobson B. Hadrian's Wall. Penguin UK, 2000. P. 67.*

г., вероятно, с 133 г.¹⁵⁰ Таким образом, это свидетельство относится не к моменту изначального создания Адрианова вала, а к этапу, когда основная часть работ была выполнена. Поэтому подобное наименование указывает на то, как укрепления стали называть после их строительства. Глагол *vallare* встречается в Британии только в трех указанных надписях. Однако существительное *vallum* служит для обозначения стены Адриана и стены Антонина в надписях RIB 2034 и RIB 2200, 2205), что дает нам прямое свидетельство того, как именовалась вся эта система фортификации.

Имеется достаточное количество свидетельств того, что существовала система распределения участков работы между разными подразделениями. Строительство проходило по секторам¹⁵¹, и разные подразделения строили закрепленные за ними участки стены одновременно. Этим объясняется разница в структуре милевых кастелей, у которых могли отличаться оси или устройство ворот. Этот факт одновременно свидетельствует об отсутствии единого строгого плана: в противном случае все постройки должны были бы ему соответствовать, и вряд ли были бы возможны такие сильные отклонения. У нас также нет никаких данных о существовании общего руководителя всего строительства, ответственного за весь ход работ. Вероятно, ответственность за ход строительства лежала на плечах руководителей локальных участков, без единого руководства.

Если в строительстве участвовали и легионы, и вспомогательные части (общей численностью до 15 тысяч человек), то охрана уже созданной границы была организована иначе. Для поддержания комплекса укреплений в рабочем состоянии и его защиты в фортах и других укреплениях лимеса должны были постоянно располагаться военные части. По-видимому, для обеспечения нормальной работы границы требовалось разместить в фортах около 8 или 9 тысяч человек; эта оценка варьируется в зависимости от того, учитываем ли

¹⁵⁰ См.: *Swinbank B., Spaul J. E H. The spacing of the forts on Hadrian's Wall // Archaeologia Aeliana Series 4. 1951. Vol 29. P. 238; Birley A. R. The Roman Government of Britain. OUP Oxford, 2005. P. 133–134.*

¹⁵¹ Подробнее об этом *Breeze D. J., Dobson B. Hadrian's Wall. Penguin UK, 2000. P. 77.*

мы все форты или только самые большие¹⁵². Судя по имеющимся данным, службу на стене несли исключительно вспомогательные части, в отличие от строительства, в котором участвовали и римские легионы. Подобное положение дел было стандартным: на германском лимесе и на границе Паннонии, а также на других границах, присутствовали ауксиларии, о чем свидетельствуют многочисленные эпиграфические данные¹⁵³.

Оценку числа людей на стене можно немного увеличить, если учитывать не только тех, кто находился в фортах, но и в других частях комплекса по всей длине линии границы, если они не входили в контингент фортов. Опираясь на количество людей, находившихся в меливых кастелях или башнях, можно предположить, что на 1 римскую милю приходилось примерно 8 человек (т.е. дополнительно 648 человек, исходя из протяженности вала 80 миль)¹⁵⁴. Однако сложно предположить, что для обеспечения деятельности кастелей выделялись отдельные от фортов отряды.

В целом, присутствие 9 или даже 10 тысяч воинов может говорить о серьезности намерений римлян. Их концентрация, вероятно, должна была усилить контроль, а вместе с тем возможности передачи информации вдоль стены. Тем не менее, такие оценки остаются приблизительными за неимением более точных источников.

Вал Адриана, несомненно, представлял собой одну из частей комплекса римских лимесов, состоял из множества укрепленных сооружений и частей, необходимых для нормального функционирования границы и обеспечения логистики. При этом он обладал рядом особенностей, свойственных исключительно этому фронтиру, в частности, каменной стеной и валом с

¹⁵² Breeze D. J., Dobson B. Hadrian's Wall. Penguin UK, 2000. P. 54.

¹⁵³ В эпиграфических корпусах можно найти многочисленные свидетельства о вспомогательных частях, например, в Паннонии (CIL 16, 58; AE 2009, 1808, RMD 5, 356), Германии (AE 1995, 1165; RMD 4, 216), Триполитании (AE 1967, 539) или Мавретании (CIL 16, 170), и др. Подробно о распределении вспомогательных частей в провинциях см.: Holder P. A. Studies in the Auxilia of the Roman Army from Augustus to Trajan. The University of Manchester (United Kingdom), 1980. 372 p.; Haynes I. Blood of the Provinces. Oxford university Press, 2016. 448 p.

¹⁵⁴ Symonds M. Protecting the Roman Empire... P. 118.

внутренней стороны; островное расположение Вала служило естественным ограничителем его протяжённости.

1.5. Вал Антонина

Вдоль новой границы, место для которой было выбрано после принятия решения о расширении территории провинции, римляне возвели укрепленную линию, протянувшуюся на 63 км (39 римских миль) от Олд-Килпатрика до Кэрридена (примерно на широте современных Эдинбурга и Глазго). Она получила название «Вал Антонина», и эта новая линия лимеса отстояла от предыдущей границы на 160 км к северу. Вал Антонина был меньше, чем его предшественник, однако его составные части были аналогичны тем, что мы описали при рассмотрении устройства Вала Адриана. Датой его возведения принято считать 142 год, когда по приказу Антонина Пия под руководством наместника римской Британии Лоллия Убрика были созданы новые укрепления¹⁵⁵. В том, что эта конструкция оказалась меньше по масштабу, немалую роль сыграло географическое положение: новая граница проходила в более узкой части острова. Если в случае со стеной Адриана та частично повторяла маршрут уже имеющегося пути (Стейнгейт), то вал Антонина такого прототипа не имел, и его строители, видимо, опирались только на предыдущий опыт обустройства границы.

Ранее было отмечено, что разница во времени сооружения двух Валов составляет всего двадцать лет, что поднимает множество вопросов о назначении новой границы, в том числе о необходимости изменять недавно установленные рубежи, а также и о причинах оставления масштабного и затратного сооружения ради сооружения похожего. Эти вопросы мы рассмотрим во второй части исследования.

В этой главе мы рассмотрим структурные особенности вала Антонина. Он состоял из больших фортов, малых фортов, стены, военной дороги, насыпи

¹⁵⁵ RIB 2191; *Robertson A.S.* The Antonine Wall. Glasgow Archaeological Society, 1960. P.7.

с укреплениями на ней и рва. В отличие от вала Адриана, не зафиксировано вала ни к югу, ни к северу от стены, а также смотровых или сигнальных башен, встроенных в ее линию. Отсутствие вала нельзя назвать чем-то необычным для римского лимеса, тогда как отсутствие сигнальных башен, как и милевых кастелей, говорит о существенных изменениях в его организации.

1.5.1. Устройство Вала

Сама стена также представляла собой менее масштабное сооружение с точки зрения архитектурного плана. В качестве основного материала были выбраны камень и дерн, но из камня был возведен лишь цоколь, в то время как основная часть состояла из дерновых блоков. При этом 16 километров стены (от Уотлинг Лодж до Бо'несс) были сделаны из земли, облицованной глиной¹⁵⁶. Такое распределение материала определяло ее параметры. Средняя толщина стены составляла примерно 4,4 метра (15 РМ), по крайней мере, таким было ее основание¹⁵⁷. Высоту же можно рассчитать лишь примерно, поскольку, как и в случае со Стеной Адриана, ни одна часть Антонинова вала полностью не сохранилась. Если учитывать уже упомянутое наличие прохода по верху стены, то расчеты указывают на 3 метра¹⁵⁸, однако наиболее высокая сохранившаяся часть достигает лишь 1,5-1,8 м (в районе форта Роф Касл).

Перед стеной был вырыт ров, ширина которого варьировалась от 4,27 м в самой узкой части до 20,73 м в самой широкой. Вероятно, такая разница возникла не по изначальному замыслу, а из-за естественной эрозии. Из земли, вынутой при создании рва, соорудили высокую насыпь, которая тоже менялась по своим параметрам в зависимости как от географического положения, так и от обстоятельств строительства. И ров, и насыпь должны были служить первой преградой на пути тех, кто мог попытаться пересечь

¹⁵⁶ Breeze D. J. *The Antonine Wall*. Edinburgh: John Donald, 2006. P. 74

¹⁵⁷ Там же P. 73

¹⁵⁸ Keppie L. J. F. et al. Some rescue excavation on the line of the Antonine Wall, 1973–6 // *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland*. 1978. Vol. 107. P. 77; Hanson W. S., Maxwell G. S. *Rome's north west frontier: the Antonine Wall*. Edinburgh University Press, 1983. P. 81-3.

границу. При этом перед малыми фортами, которые имели северные ворота для прохода за стену, в конструкции рва не было разрывов и, соответственно, отсутствовал проложенный путь¹⁵⁹. Неясно, была ли такая конструкция задумана изначально, или проходы были скрыты перед отходом от стены с целью его обезопасить.

1.5.2. Форты

К комплексу вала относят 17 фортов (с востока на запад: Кэрриден (Carriden), Инверэйвон (Inveravon), Мамриллс (Mumrills), Фэлкирк (Falkirk), Роф Касл (Rough Castle), Каслкэри (Castlecary), Уэстервуд (Westerwood), Крой Хилл (Croy Hill), Бар Хилл (Bar Hill), Оушендэйви (Auchendavy), Киркентиллох (Kirkintilloch), Кэддер (Cadder), Бэлмайлди (Balmuildy), Бирсден (Bearsden), Каслхилл (Castlehill), Данточер (Duntocher), Олд Килпатрик (Old Kilpatrick); к ним также иногда относят Бишоптон (Bishopton).¹⁶⁰ Их латинские названия неизвестны, поэтому мы даем только современные английские. Единственное исключение – запись в Равеннской космографии, благодаря которой Кэрриден идентифицируется как Velunia (RC 191). Вообще в космографии приведено 10 названий, которые связывают с Валом, однако точно сопоставить их не удастся ввиду отсутствия существенных свидетельств. Форты были довольно стандартными в плане и практически не отличались от фортов Вала Адриана¹⁶¹; имеются лишь мелкие различия, описание которых не входит в наши задачи. Еще раз отметим лишь их привычный для римского форта прямоугольный план, наличие принципия, претория, хорреума, казарм и общую регулярную планировку, что позволяло

¹⁵⁹ Breeze D. J. The Antonine... P. 84.

¹⁶⁰ Breeze D. J. The Antonine... P. 92.

¹⁶¹ Подробности устройства фортов см. выше, о римских фортах в целом см.: Connolly P. The Roman Fort. Oxford University Press, USA, 1997. 32 p; Bishop M. C. Handbook to Roman legionary fortresses. Pen and Sword, 2013. 256 p.; Campbell D.B. Roman Auxiliary Forts 27 BC-AD 378. Oxford: Osprey Publishing, 2009. 64 p; Johnson A. Römische Kastelle Des 1. Und 2. Jahrhunderts N. Chr. in Britannien Und in Den Germanischen Provinzen Des Römerreiches. Kulturgeschichte Der Antiken Welt. Mainz am Rhein von Zabern. 1987. 370 s. и др.

поддерживать порядок службы и упрощать взаимодействие внутри армейского подразделения.

Кроме перечисленных больших фортов к стене также принадлежали небольшие, среди них Киннейл (Kinneil), Уотлинг Лодж (Watling Lodge), Сибегс (Seabegs), Глазго Бридж (Glasgow Bridge), Уайлдернесс Плантейшн (Wilderness Plantation), Саммерстон (Summerston), Кледданс (Cleddans). По своему устройству они были похожи на милевые кастели стены Адриана, однако не получили такого названия, поскольку располагались реже и через неравные промежутки; они выделяются по своему формату и потому, вероятно, функционалу. Как и кастели стены Адриана, они были встроены в линию стены и имели сквозные проходы¹⁶², однако в отличие от них, эти проходы были перекрыты защитными рвами¹⁶³, через которые, вероятно были перекинuty мосты. Само существование фортов такого устройства подразумевало использование переходов для пересечения границы, однако перерыв во рву с северной стороны был обнаружен лишь при форте Уотлинг Лодж¹⁶⁴. Возможно, это свидетельствует о желании лучше укрепить новую границу. С учетом того, что внутренняя площадь малых фортов была равна примерно 350 м², они могли вмещать подразделение размером в 32 человека, что также роднило их с милевыми кастелями.

Их расположение кажется бессистемным: во-первых, их существенно меньше, чем основных фортов, а во-вторых, они находятся на разном расстоянии и друг от друга, и от этих фортов. Это нерегулярное расположение породило теорию о том, что изначально существовала концепция строительства, сходная с концепцией Вала Адриана, предполагавшая сооружение 6 фортов большего размера, между которыми бы находились

¹⁶² Bailey G. B. Cannel, J., Hodgson, I., Croom, A. T., Smith, C., Webster, P. V., Webster, G. Excavation at Kinneil fortlet on the Antonine Wall, 1980–1 // *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland* / Ed. by G.B. Bailey et al. 1997. T. 126. P. 338

¹⁶³ Breeze D. J., Hanson W. S. *The Antonine Wall...* P. 15.

¹⁶⁴ Breeze D. J. Excavations at the Roman fortlet on the Antonine Wall at Watling Lodge, 1972–4 // *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland*. 1975. T. 105. P. 166–175.

Breeze D. J. *The Northern Frontiers of Roman Britain*/ London, 1982. P. 166

меньшие сооружения, однако этот план был изменен и уже построенные малые форты были или снесены или перестроены, как форт при Раф Касл, сохранивший следы такой перестройки; сохранились лишь более или менее случайные малые форты¹⁶⁵. Однако это предположение подверглась критике: оппоненты отмечали, что в таком случае ожидалась бы разная конструкция фортов разных строительных периодов, и устройство фундамента первых шести фортов отличалось бы от остальных, а это не подтверждается археологическими данными¹⁶⁶.

Стены фортов обоих размеров были устроены так же, как и сама стена, то есть были сложены из дерна, за исключением двух больших (Каслкэри и Бэлмайдли)¹⁶⁷, которые были каменными; они располагались в разных частях стены и, вероятно, представляли собой основные оплоты границы в ее восточной и западной частях. Это позволяет предположить, что стена из дерна была лишь временной, а затем должна была замениться на полностью каменную, однако этот план никогда не был реализован. Дерн использовали для ускорения строительства при возведении части Вала Адриана, здесь он был основным материалом для всей оборонительной линии, что может свидетельствовать о необходимости срочного строительства укреплений. Ширина стен фортов также сходна с шириной стены, около 3,5 м.

Еще одна особенность Вала Антонина — отсутствие следов каменных сторожевых или сигнальных башен, которые были обычными для приграничных укреплений. Некоторыми исследователями¹⁶⁸ это объясняется использованием иного материала, например, дерева, которое могло бесследно исчезнуть. Однако, как нам кажется, для контроля местности и даже для

¹⁶⁵ Gillam J. P. Possible changes in plan in the course of the construction of the Antonine Wall // Scottish Archaeological Forum. 1975. T. 7. P. 51–56.

¹⁶⁶ Symonds M., Mason D. Frontiers of knowledge: a research framework for Hadrian's Wall. Durham: Durham County Council. 2009. P. 130–137; Graafstal E., Breeze, D. J., D. J., Jones, R. H., Symonds, M. F. A., & Oltean, I. A. Sacred cows in the landscape: rethinking the planning of the Antonine Wall // Understanding Roman Frontiers / Ed. by D.J. Breeze, R.H. Jones and Ioana A. Oltean. John Donald, 2015. P. 54-69.

¹⁶⁷ См. Breeze D. J. The Antonine... P. 74; Breeze D.J. Frontiers of the Roman Empire... P. 45.

¹⁶⁸ Breeze D. J. The Antonine... P. 86-7.

подачи сигналов могло вполне хватать патрулирования стены между фортами, что также могло быть следствием меньшей протяженности Вала, особенно если согласиться с предположением о наличии прохода по верху стены.

1.5.3. Строители Вала Антонина

Несмотря на не самую лучшую сохранность самого Вала Антонина, относящиеся к ней плиты с надписями дошли до нас относительно хорошо. Они дают нам представление о том, какие легионы и когорты занимались строительством разных частей комплекса. Эти надписи были значительно лучше оформлены и украшены, чем надписи с Вала Адриана, что, вероятно, свидетельствует в пользу предположения об идеологической составляющей (важно было запечатлеть строительство в наиболее помпезной форме, учитывая тот факт, что Вал сам по себе был меньше по формату, чем предшествующая границ). Даже их величина (одна из таких надписей имела сохранившийся размер 83,8 x 53,3 см¹⁶⁹) превышала стандартный размер надписей с Вала Адриана, хотя чаще встречались таблички меньше примерно наполовину. Таким образом, хотя сам комплекс пограничных сооружений уступал по масштабам своему предшественнику, в этой детали превосходил его.

Во времена правления Антонина на территории Британии были расквартированы те же 3 легиона, что создавали первую стену: II Augusta, VI Victrix и XX Valeria Victrix. Вспомогательные части, как и в случае с первой границей, также принимали участие в строительстве, о чем свидетельствуют надписи; они же свидетельствуют о том, что некоторые из этих подразделений были расквартированы и несли службу на стене (напр. в RIB 1276 из High Rochester, упомянута *cohors I Lingonum eq.* или RIB 2145 – *cohors VI Nerviorum*)¹⁷⁰. Более того, с учетом небольшой разницы во времени существует

¹⁶⁹ RIB 2205

¹⁷⁰ Таблица у Breeze D. J. *The Antonine...* (прил.), также см.: Mann J. C. *The construction of the Antonine Wall // Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland*. 1987. Vol. 116. P. 191–193.

вероятность того, что не успевшие завершить свою 25-летнюю службу солдаты из когорт или даже легионов вполне могли участвовать в создании обоих сооружений. Прямых подтверждений этому пока не было обнаружено, однако все предлагавшиеся даты сооружения стен вписываются в рамки 20-25 срока службы в римской армии (20 лет для легионеров, 25 для солдат вспомогательных подразделений, но воины могли задерживаться на службе и несколько дольше стандартного срока). Некоторые названия когорт совпадают: I когорта тунгров, известная еще из табличек из Виндоланды (Tab. Vindol. 154) также оставила табличку с посвящением, обнаруженную в форте Каслэкэри (RIB 2155).

Данные, свидетельствующие об участии представителей местного населения в строительстве стены немногочисленны, но вряд ли можно сомневаться в том, что они, согласно общей практике, набирались во вспомогательные когорты, расквартированные в Британии, а значит и участвовали в деятельности этих когорт, в том числе и строительной. Одно из таких свидетельств – надгробие из Мамриллса (RIB 2142), которое принадлежало Нектовелию из племени бригантов, служившему во II когорте фракийцев. Бриганты жили на территориях, располагавшихся между двумя стенами.

В менее ясном контексте находится упоминание бриттов на нижней части алтаря из Каслэкэри, форта, который важен своим центральным положением на стене. Надпись была издана Сиббальдом и Хорсли¹⁷¹ и не дошла до нашего времени (RIB 2152); кроме этнонима на камне сохранилось формульное сокращение VSLLM: v(otum) s(olv-) l(aet-) l(iben-) m(erito)¹⁷². Неясно, идет ли речь о службе во вспомогательных войсках (в форте располагалась уже упомянутая I когорта тунгров), или в нерегулярных соединениях *numeri*, или

¹⁷¹ *Sibbald R.* Historical inquiries concerning the Roman monuments in the north part of Britain called Scotland. Edinburgh, 1707. 52 p.

¹⁷² VSLLM обычно расшифровывают как v(otum) s(olvit) l(ibens) m(erito), что является свидетельством посвящения, здесь добавляется L, которая реконструирована как laet-, то есть с радостью.

надпись вовсе не относится к военному контексту. Впрочем, надпись из форта также не датирована, так что неясно, связана ли она со строительством стены или ее последующим функционированием. В любом случае ясно, что речь идет о каком-то взаимодействии с местным населением в этой части границы. Бритты в качестве *numeri* упоминаются, видимо, в надписи из Некарбрюкен-Ост и многих других¹⁷³. Предположение о том, что бритты были вовлечены в строительство Вала Антонина, косвенно подтверждается также тем, что они имели отношение к строительству южной части германского лимеса в близкий период, во время правления императора Антонина (CIL XIII 6490).

Если же говорить о гарнизоне стены, то его размер обычно оценивается в 6–7 тысяч воинов на основании оценок численности людей, которых могли вместить расположенные на границе форты¹⁷⁴. Разница с численностью служивших на Вале Адриана составляет около двух тысяч человек при существенно меньшей протяженности новой границы. Это с большой долей вероятности свидетельствует о том, что римляне считали необходимым разместить на новой границе воинов с большей плотностью, что могло быть следствием напряженной военной ситуации. Вероятно, с этим же связано и более скученное расположение фортов в западной части, которая, видимо, подвергалась серьезной опасности¹⁷⁵.

Что касается процесса строительства, то здесь нет консенсуса: часть исследователей считает, что конечный результат соответствовал изначальному плану¹⁷⁶, тогда как другие отмечают различия между

¹⁷³ *Southern P.* The numeri of the Roman imperial army // *Britannia*. 1989. Vol. 20. P. 81–140. Подробнее и мобильности бриттов в римской империи см. *Ivleva T.* Peasants into soldiers: recruitment and military mobility in the early Roman Empire // *Migration and mobility in the early Roman Empire*. Brill, 2016. P. 158–175.

¹⁷⁴ *Breeze D. J.* The Antonine.... P 104.

¹⁷⁵ Там же с. 105.

¹⁷⁶ *Poulter J.* Surveying Roman Military Landscapes Across Northern Britain: The Planning of Roman Dere Street, Hadrian's Wall and the Vallum, and the Antonine Wall in Scotland. BAR Publishing, 2009. P. 117–24; *Graafstal E., Breeze D. J., Jones R. H., Symonds M. F. A., Oltean I. A.* Sacred cows in the landscape: rethinking the planning of the Antonine Wall // *Understanding Roman Frontiers* / Ed. by D.J. Breeze, R.H. Jones and Ioana A. Oltean. John Donald, 2015. P. 54–69; *Symonds M.* Protecting the Roman Empire: fortlets, frontiers, and the quest for post-conquest security. Cambridge University Press, 2017. P. 144–46.

различными частями стены и полагают, что планы менялись¹⁷⁷. Таким образом, вопрос остается открытым. Тем не менее, в течение почти 20 лет северная граница провинции существовала именно на линии Вала Антонина.

Северные границы провинции Британии в разное время существовали как типологически схожие комплексы, выполнявшие свойственные приграничным линиям функции. Однако имеются и отличия как от других лимесных систем, так и друг от друга. Они, очевидно, связаны с необходимостью максимально точно соответствовать запросам, которые возникали в момент их создания. Общие черты двух валов позволяют ставить эти сооружения в один ряд, что вполне справедливо и делалось в источниках и научной литературе. Основной их отличительной особенностью является наличие стены, которой в таком масштабе (ок. 117 км и ок. 63 км) нет ни на одной другой римской границе. При этом отличительной особенностью первого вала являются милевые кастели и башни, которые сосуществовали с системной линией фортов (в то время как при Вале Антонина были построены только форты), а также вала, который располагался с внутренней стороны, что отличает его и от всех других лимесов. Обе стены шли от моря до моря, создавая сухопутную преграду, отгораживающую часть острова, которая так и не покорила Риму, несмотря на все попытки, самым явным материальным свидетельством которых было появление Гаск Ридж (вероятно, служившем не только границей, но и плацдармом). Таким образом, две большие укрепленные линии стали отражением практической необходимости зафиксировать границы, но из-за своего формата стали также отражением политической идеологии Империи, о чем пойдет речь далее.

¹⁷⁷ *Gillam J. P.* Possible changes in plan in the course of the construction of the Antonine Wall // *Scottish Archaeological Forum*. 1975. T. 7. P. 51-56.

ГЛАВА 2. АДРИАНОВ И АНТОНИНОВ ВАЛЫ: ИМПЕРСКАЯ ПРАКТИКА И ИДЕОЛОГИЯ

2.1. Границы Британии как часть границ империи

Все описанные в первой главе объекты, связанные с историей Британии, так или иначе оформляли границу. Необходимость такого оформления имела, конечно, прежде всего, административные причины, в том числе фискальные — оно могло служить для определения места сбора пошлины, *portorium*. Но границы всегда имеют также символическое значение. Они могут служить реальным средством контроля или точкой опоры, с которой можно предпринять очередные попытки продвижения дальше, имея за собой укрепленный рубеж, но они же представляли собой линию, которая в представлении римлян отделяла их от всех остальных, становясь выражением идеи «свой — чужой».

Британские стены необходимо рассматривать в контексте военно-политической истории Рима II в. н.э. и развития границ империи в целом. Увеличивающаяся в масштабах территориальная экспансия повлекла за собой изменения, которые стали особенно заметны к концу I — началу II века. Римские завоевания начались еще в республиканскую эпоху и активно продолжались при Августе и его преемниках. Именно в раннем принципате появилось разделение на императорские и сенатские провинции, что также характеризовало военное положение в этих местах¹⁷⁸. Более мирные провинции находились под властью сената, в то время как те места, где положение было беспокойным и требовалось постоянное присутствие легионов, находились в распоряжении императора. Такое разделение позволяло упростить и дифференцировать управление и контроль территорий с разными проблемами.

¹⁷⁸ Подробнее о статусе провинций см.: *Millar F. The emperor, the senate and the provinces // The Journal of Roman Studies. 1966. Vol. 56. №. 1–2. P. 156–166; Drogula F. K. Commanders and command in the Roman Republic and Early Empire. UNC Press Books, 2015. – 421 p.* Подробнее о статусе Британии, см. далее.

В начале II века Римская империя включала такое количество территорий, что проблема их сохранения наряду с желанием совершать новые завоевания стояла насущно. Расширение территорий, продолжавшееся более ста лет, не могло оставить без изменений структуру государства, включая модели управления приграничными территориями. Прежние границы обычно совпадали с естественными преградами, такими, как реки, горы или моря, но чем больше территорий присоединялось, тем сильнее была необходимость контролировать те новые земли, где, как и в случае Британии, подобных естественных разграничителей не хватало.

Для контроля территории разрастающейся империи, для ее защиты и развития, нужны были новые инструменты, одним из которых стало укрепление и формирование границ в том виде, в котором они не существовали прежде. Это привело к появлению лимесов. На западе наиболее известные лимесы возводят в I–II вв. между Рейном и Дунаем (Верхнегерманоретийский¹⁷⁹) и на территории современных Голландии и Германии (Нижнегерманский лимес¹⁸⁰); вместе они составляют так называемый *Limes Germanicus*¹⁸¹. Чуть позднее, в III в. возник Дунайско-Иллиро-Рейнский¹⁸². Так называемые Траяновы валы были возведены в Дакии¹⁸³, Паннонский лимес (*Limes Pannonicus*) на Дунае¹⁸⁴, а кроме того, укрепленные границы также

¹⁷⁹ Подробнее см.: Johnson A. et al. Op. cit.

¹⁸⁰ *Gechter M.* Die Anfänge des Niedergermanischen Limes // *Bonner Jahrbücher des Rheinischen Landesmuseums in Bonn und des Rheinischen Amtes für Bodendenkmalpflege im Landschaftsverband Rheinland und des Vereins von Altertumsfreunden im Rheinlande.* 1979. T. 179. S. 1–129.

¹⁸¹ О системе в целом см., напр., *Suharoschi D. A., Dumitrache I., Curcă R. G.* The Limes Germanicus trade and the Roman army // *Experiencing the frontier and the frontier of experience: Barbarian perspectives and Roman strategies to deal with new threats.* Archaeopress, Oxford. 2020. P. 56–66.

¹⁸² Подробнее см.: *Garbsch J.* Der spätrömische Donau-Illyr-Rhein-Limes. Gentner-Verlag, 1970. 18 s.; *Visy Z.* The Roman Limes and the Danube // *Der Donauraum.* 2012. T. 52. №. 2. P. 323–330.

¹⁸³ Подробнее см.: *Hanson W. S., Oltean I. A.* The ‘Valu lui Traian’: a Roman frontier rehabilitated // *Journal of Roman Archaeology.* 2012. T. 25. P. 297–318.

¹⁸⁴ *Gudea N.* Der Limes der Provinz Pannonia Inferior (106–294 n. Chr.) // *Jahrbuch des Römisch-germanischen Zentralmuseums Mainz.* 2013. T. 60. №. 2. S. 459–658.

существовали на Аравийском полуострове (*Limes Arabicus*¹⁸⁵) и в Африке: к лимесам на этом континенте относят несколько границ¹⁸⁶, наиболее известные из которых – *Limes Tripolitanus*¹⁸⁷, расположенный на стыке современных Ливии и Туниса, и *Fossatum Africae*¹⁸⁸. Последний из них считают самым близким по структуре Валу Адриана, что вероятно, является следствием того, что он был создан примерно в то же время, что и Вал в Британии, и что также вероятно, после визита в эти места императора Адриана¹⁸⁹.

Существует точка зрения, что подобные системы делились на два основных типа: «открытый» (с небольшим количеством укреплений и укрепленных сооружений) и «закрытый» (с большим количеством укреплений и войск)¹⁹⁰. Это могло быть обусловлено характером взаимодействия с местным населением и его особенностями; например, «флуктационный характер кочевых вожеств» может объяснять открытость африканского лимеса¹⁹¹. Напротив, необходимость противостоять натиску из горных областей Шотландии, и активное противодействие римскому завоеванию со стороны местных племен, вероятно, были главными причинами создания столь серьезных укреплений в Британии. Таким образом, Британский лимес оказывается в ряду с лимесом в Паннонии и Нижней Германии, где также наблюдалось активное давление извне¹⁹². При этом некоторые

¹⁸⁵ Bowersock G. W. *Limes arabicus* // *Harvard Studies in Classical Philology*. 1976. Т. 80. P. 219–229; Graf D. F. *The via militaris and the limes Arabicus*. OXBOW MONOGRAPH. 1997. P. 123–134.

¹⁸⁶ См., напр.: Колобов А. В. Далматийский лимес как один из прототипов военно-стратегических систем римской империи // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2006. №. 16-1. С. 35–40.

¹⁸⁷ Hammond N. *The Limes Tripolitanus: a Roman Road in North Africa* // *Journal of the British Archaeological Association*. 1967. Т. 30. №. 1. P. 1–18.

¹⁸⁸ Подробнее Baradez J. *Fossatum Africae: Recherches aériennes sur l'organisation des confins sahariens à l'époque romaine*. Paris: Arts et Metiers graphiques, 1949. 370 p.

¹⁸⁹ Goodchild R. G., Richmond I. A. *Fossatum Africae* // *The Journal of Roman Studies*. Vol. 40 (1–2). 1950. P. 163.

¹⁹⁰ См.: Данилов Е. С. Римский лимес: приграничное наблюдение // *Вестник Ярославского государственного университета им. ПГ Демидова. Серия Гуманитарные науки*. 2009. С. 6.

¹⁹¹ Там же, с. 8.

¹⁹² Подробнее о сопоставлении системы границ во время Адриана см. Birley E. *The Roman Army. Papers 1929–1986*. Amsterdam, 1988. P. 13–20.

конструктивные элементы, например, ров с плоским дном¹⁹³, у британского лимеса совпадает с уже упомянутым африканским.

Итак, основная цель всех вышеназванных границ — защита территорий и контроль пересечения границ, но этим причины их сооружения не ограничиваются. В одной из статей Дэвида Бриза предложена систематизация причин, по которым императоры приказывали возводить пограничные укрепления; всего он их насчитывает 21¹⁹⁴. Все эти причины не исключают друг друга; более того, его классификацию можно назвать избыточной и местами очевидной, однако она бесполезна. Из того, что предлагает исследователь, можно сделать главный вывод: при изучении этого феномена необходим комплексный подход. Все перечисленные им причины имеют значение, но их невозможно использовать без некоторой градации, поскольку в каждом конкретном случае все причины не могут быть одинаково важными при создании столь масштабных комплексов. В любом случае ясно, что наряду с прагматической необходимостью обустройства границ, существовали и символические.

Если посмотреть на общую картину развития лимесов, а также на то, как они постепенно, но уверенно встраивались в единую систему, создавая новое представление о том, как должны были выглядеть римские границы, то можно отметить, что в этом контексте ситуация в Британии не была особой, но встраивалась в общую концепцию защиты территорий.

¹⁹³ Goodchild R. G., Richmond I. A. Fossatum ... P. 163

¹⁹⁴ Дэвид Бриз в своей работе 2018 г. (Breeze D. The value of studying Roman frontiers [Электронный ресурс] //URL: <https://traj.openlibhums.org/article/id/3995/>) выделяет следующие причины: 1) защиту от вражеских вторжений, 2) защиту от рейдов, 3) защиту путешественников в зоне фронта 4) контроль за передвижением гражданского населения 5) контроль за перегоном рабов в Северной Африке 6) Таможенный и пограничный контроль 7) занятие делом легионеров 8) для сохранения мира в тех частях, где проведение новых границ спровоцировало нападения 9) расквартировка солдат в местах, где нет городов 10) для защиты солдат 11) щит для обеспечения мирного развития региона 12) создание стабильной границы 13) утверждение «сохранения империи» Адрианом 14) база для дальнейшего планирования захвата территорий 15) отражение невозможности полного захвата мира Римом 16) физическое воплощение границ для римлян 17) риторический элемент 18) символ для запугивания врагов 19) Монумент, посвященный императору (в случае Адриана) 20) акт символического строительства 21) упражнения для поддержания формы легионеров

Все вышеперечисленные лимесы при этом имели не только сходства, позволяющие причислять их к одной группе, но и различия. Самое очевидное — выбор материала, из которого были сооружены укрепления, который зависел от места строительства. Если в большинстве своем лимесы стремились вписать в ландшафт, то, например, участок границы в Верхней Германии, который возвели при Антонине Пии, был прямым на протяжении более 80 км, полностью игнорируя особенности ландшафта, через который он проходил¹⁹⁵. Более того, германский лимес в отличие от всех прочих имел колоссальную протяженность в 550 км, в то время как британские сооружения были существенно меньшего масштаба: Вал Адриана простирался на 117 км (или 130, если считать укрепления на побережье Камбрии), а Вал Антонина был почти в два раза короче¹⁹⁶. Однако это лишь часть общей картины. Создание лимесных укреплений объяснялось не только практической необходимостью большего контроля над границами, но и представляло собой символическое решение, позволявшее продемонстрировать силу¹⁹⁷.

Таким образом, мы видим, что нестабильная военная ситуация на разных границах империи в I–II веке принуждала к поиску новых решений для облегчения контроля над захваченными территориями. При этом решения были схожими по типу, но различными по исполнению. Это заставляет задуматься о более конкретных деталях военно-политической ситуации, в данном случае в Британии. Стены, возведенные в провинции, связаны с прочими границами в том числе с точки зрения образа стены-границы. Сохранившиеся структурные элементы стены также могут помочь нам в поисках прообраза, который мог способствовать созданию именно таких границ, которые в итоге были построены. Так, Р. Хингли упоминает в качестве

¹⁹⁵ Breeze D. J. *The Frontier...* P. 3.

¹⁹⁶ Ibid. P. 35.

¹⁹⁷ Robertson A.S. *The Antonine Wall*. Glasgow Archaeological Society, 1960. P. 34; Crow J. G. A review of current research on the turrets and curtain of Hadrian's Wall // *Britannia*. 1991. T. 22. P. 59; Driessen M. Monumentality for Roman Nijmegen // *Limes XIX. Proceedings of the XIXth International Congress of Roman Frontier Studies, Pécs Hungary, 2003* / Ed. by Zs. Visy. Pécs: University of Pécs, 2005. P. 315–319; Mattingly D. *An imperial possession...* P.158.

такого прообраза Длинные Стены в Афинах¹⁹⁸, и, действительно, Адриан, хорошо знавший и любивший Афины, мог вдохновиться подобной идеей, а ему, в свою очередь, мог подражать Антонин Пий. Однако следует отметить, что и формат этих сооружений, и их функции были совершенно разными; к тому же ко времени Адриана афинские Длинные стены уже были разрушены. Тем не менее, стены как воплощение границы — это понятный визуальный образ, знакомый многим. Хотя такие стены существовали в первую очередь для защиты городов (здесь можно вспомнить и историю Ромула и Рема, и священную границу Рима — померий), во II веке они оказались предназначены и для защиты границ целой провинции.

2.2. Исторический контекст создания границ в Британии

Прежде, чем перейти к непосредственному изложению мотивов строительства стены, необходимо кратко описать контекст, в котором существовала провинция. Как уже говорилось, мы имеем немного нарративных источников по истории острова, которые бы описывали ситуацию в провинции с момента отъезда оттуда Агриколы и до принятия решения о создании первой стены по приказу Адриана. Период, связанный с отсутствием значимых побед с точки зрения захвата территорий, более того, приведший к отходу с завоеванных позиций, занял чуть больше 30 лет, на что указывают археологические свидетельства, а период, для которого отсутствуют свидетельства исторических текстов, оказывается еще дольше — практически столетие. При этом сохранившиеся эпиграфические тексты в основном сообщают о повседневной жизни и не позволяют делать выводы о положении римской власти в провинции в целом.

В I веке новоприобретенная провинция постепенно встраивалась в римский мир, что происходило не без усилий со стороны центральной власти. В подчинении Рима к 43 году оказалась большая часть острова, но уже менее

¹⁹⁸ *Hingley R.* Hadrian's Wall: A Life. Oxford, 2012. P. 17; *Breeze D. J.* Did Hadrian design Hadrian's Wall? // *Archaeologia Aeliana*. 2009. T. 46. №. 5th series. P. 87–103.

чем через двадцать лет после завоевания случилось первое серьезное потрясение. Речь идет о восстании союза племени иценов и атребатов в 60-х гг. I в. н.э. под предводительством Боудикки, о котором писали Тацит и Дион Кассий (Тас. Ann. XIV, 31; Dio Cass. LXII, 1-3; 7-9; 12). Оно было успешно подавлено Римом, однако одним из последствий стала смена столицы провинции с Камулодунума (Camulodunum) на Лондиний (Londinium). Границы при этом существенно не изменились.

Спустя еще двадцать лет, в конце I века, стремления Рима все еще были направлены на дальнейший захват территорий, что подтверждается продвижением дальше на север. Согласно письменным источникам, основные римские завоевания в этот период связаны напрямую с именем полководца Агриколы; его походы подробно описаны его зятем Тацитом в «Жизнеописании Агриколы». Тем не менее, уже при императоре Антонине на острове наблюдается двойственная ситуация, и сложно понять, насколько реальной была опасность, и насколько она была представлена таковой.

Тем не менее ряд исследователей сомневается в корректности картины, нарисованной Тацитом. В частности, утверждается, что новая волна экспансии на севере острова была начата за несколько лет до начала наместничества Агриколы — в таком случае тесть Тацита лишь продолжил и довёл до логического завершения политику своих предшественников. В нашем распоряжении также есть некоторые данные археологии и дендрохронологии, которые могут свидетельствовать о более раннем завоевании северных частей провинции. Новые исследования подтверждают, что римское присутствие в Карлайле можно датировать 72/73 гг., а часть утвари попала в ров при форте не позднее 75 года.¹⁹⁹ О столь же раннем проникновении в эти пределы говорит также находка большого числа монет в форте в Ньюстед, что свидетельствовало, если не физическом присутствии, то, по крайней мере, о

¹⁹⁹ *Caruana I. D.* Carlisle: excavation of a section of the annexe ditch of the first Flavian fort, 1990 // *Britannia*. 1992. Т. 23. P. 45_109; *McCarthy M. R.* Luguvalium (Carlisle) a civitas capital on the northern frontier / *The Archaeology of Roman Towns: Studies in Honour of John S Wachter* // Ed. by Wilson P. Oxford, 2003. P. 144–145.

тесных связях Рима с этим местом²⁰⁰. Однако оба этих свидетельства наряду вкпе с некоторыми менее репрезентативными и более разрозненными находками не обязательно указывают на включение территории в состав провинции и могут относиться к эпизодическим, рейдовым проникновениям римской армии на эти территории. К тому же недавние исследования в фортах вдоль Диэ стрит, на которой находился и вышеуказанный Ньюстед, подтверждают, что новые масштабные завоевательные операции и военное строительство римляне осуществляли не раньше, чем на остров прибыл Агрикола²⁰¹.

Так или иначе, территория современной Шотландии в 80-х гг. I века ненадолго частично оказалась под властью Рима. Это позволило не только записать данные завоевания в число важных побед империи, но и, что наиболее важно для дальнейшего развития романо-британских отношений, создать там инфраструктуру с сетью дорог и военных фортов различного размера²⁰². В их число входили как укрепления Гаск Ридж, которые были окончанием Диэ Стрит, так и те постройки, которые располагались по всей территории от линии Стейнгейт до Шотландского нагорья.

Вместе с тем это завоевание, кем бы они ни было начато, не было окончательным. Римляне не подчинили жителей этих территорий, и спустя короткое время захваченные позиции были оставлены. Отход римлян состоялся вскоре после отъезда Агриколы в 84 г. В большинстве фортов нет следов деятельности после 86-87 гг.²⁰³ Большую роль в развитии провинции в дальнейшем играет общая ситуация в империи, которая подвергалась нападениям со стороны даков и хаттов и нуждалась в большей защите на этих территориях, что и привело к сокращению численности войск на острове. Это,

²⁰⁰ *Shotton D. C. A. Petillius cerialis in northern Britain // Northern History. 2000. Vol. 36. №. 2. P. 197*

²⁰¹ *Hanson W.S. Elginhaugh: A Flavian Fort and its Annexe. Society for the Promotion of Roman Studies: London, UK, 2007. 676 p.; Hanson W. S., Daniels C. M., Dore J. N., Gillam J. P. The Agricolan supply-base at Red House, Corbridge // Archaeologia Aeliana. 1979. T. 5. №. 7. P. 11*

²⁰² Приложение 1

²⁰³ *Hanson W. S., Daniels C. M., Dore J. N., Gillam J. P. The Agricolan... P. 13.*

в свою очередь, сделало невозможным удержание части уже захваченных территорий и, тем более, захват новых.

Стремление римлян удержаться на севере в конце века подтверждает не только наличие Гаск Риджа и фортов вдоль этой линии. Важными пунктами и с точки зрения распределения сил, и с точки зрения тактики были форты Ньюстед (Newstead / Trimontium) и Далсвинтон (Dalswinton) площадью 5,9 и 3,6 га соответственно вместо обычных 1,2-1,4 или 2-2,5 га²⁰⁴. Это, вероятно, указывает на желание Рима разместить здесь больше людей и сил для удержания рубежей.

Пролить свет на события, происходившие в период, о котором мы имеем мало источников, попытался в своем недавнем исследовании Эндрю Фир²⁰⁵. Он указывает на важность военных дипломов, которые подтверждали гражданство ветеранов вспомогательных войск, завершивших военную службу. Дипломы обычно находят на родине ветеранов, куда они возвращались после выхода в отставку, или поблизости места дислокации их частей, если они предпочитали обосноваться поблизости от своих бывших товарищей по службе. Согласно Фиру, несмотря на отсутствие конкретной информации в дипломах, в них можно найти отражение реальных военных действий на острове.

Так, в надписи-посвящения в честь Гая Юлия Кара АЕ 1951: 88 из Кирены, датируемой временем правления Траяна, упоминается *bellum Britannicum* и участие в ней *cohors II Austurum equitata*. Эта когорта в 89 г. располагалась в Германии (CIL 13.7705), но к 105 году уже была переведена в Британию (CIL 16.51). Соответственно, *bellum Britannicum* можно поместить в период 12 лет между 105 и 117 гг. Еще одно интересное свидетельство из дипломов сообщает о присутствии в Британии *Cohors I Sugernorum* в 103 году (CIL 16.48) и в 122 году, которая во второй раз упоминается как *Cohors I Ulpia*

²⁰⁴ Campbell D.B. *Roman Auxiliary Forts 27 BC-AD 378*. Oxford: Osprey Publishing, 2009. P. 28.

²⁰⁵ Fear A. *Ruling Roman Britain*, 43-128 CE [Электронный ресурс]: URL: <https://youtu.be/L6vjx7GF5oI?si=o6Z6kpuZ2JTnhcTt>

Traiana Cugernorum (CIL 16.69), а затем также в 124 (CIL 16.70). Подобное изменение в наименовании можно объяснить наличием неких заслуг, которое когорта успела получить во время правления Траяна, то есть опять же в период между 103 и 117 гг.

Еще одно подразделение, история которого прослеживается по ряду надписей, это *Ala Petriana*; ее присутствие в Британии засвидетельствовано с 98 по 135 г. (98 г. – CIL 16, 43; 122 г. – AE 2008, 800, CIL 16, 69, RMD 5, 360:124 г. – CIL 16, 70; 127 г. – RMD 4, 240; 135 г. – CIL 16, 82). Между 98 и 116/7 гг. она стала *miliaria* (т.е. стала состоять из 1000 человек, а не из 480, как прежде²⁰⁶), а в 122 г. упоминается уже как *bis torquata* (CIL 11, 5669), то есть награжденная дважды, в то время как в двух надписях (из Норика, AE 1990, 775, датируемой между 90 и 96 гг.; из Карлайла RIB 957, чья датировка не установлена) она оказывается награжденной (т.е. *torquata*) лишь один раз, что предполагает существование неких боевых успехов в период до 122 года, за которые ала получила знак отличия. Хотя в данном случае есть сложности с тем, как именно датировать все указанные события. Так, Джон Спол говорит о сложностях определения периода, когда именно ала получила все свои отличия, поскольку есть сомнения в самом существовании звания *torquata* до 98 г.²⁰⁷ Тем не менее, несмотря на все сомнения, надписи указывают на то, что ала участвовала в военных событиях между 98 и 122 гг., которые происходили в Британии, и была особо отмечена.

Похожую историю можно наблюдать и в других случаях (*ala Gallorum et Thracum Classiana* CIL 16.69, 11.6033; *ala Augusta Vocontriorum* cR и *Cohors I Afrorum* cR – CIL 16.69). Таким образом, в пользу наличия военных действий на острове и вместе с ними побед, одержанных римлянами, говорит достаточно большое количество размещенных в Британии вспомогательных подразделений, награжденных за воинскую доблесть. Однако наиболее

²⁰⁶ Holder P. A. *Studies in the Auxilia of the Roman Army from Augustus to Trajan*. The University of Manchester (United Kingdom), 1980. P. 89.

²⁰⁷ Spaul J.E.H. *Ala2: The Auxiliary Cavalry Units of the Pre-Diocletianic Imperial Army*. Andover, 1994. P. 180-181.

важным свидетельством является прямое упоминание *bellum Britannicum* в надписи AE 1951: 88.

О том, что происходило в северной части острова, мы узнаем не только по эпиграфическим свидетельствам, но и из археологических данных. Они свидетельствуют о разрушениях в результате нападений на римские форты, как это было с фортом Trimontium, разрушенным и восстановленным уже только во времена Антонина Пия²⁰⁸. Таким образом, обстановку на острове нельзя назвать спокойной и безопасной. Косвенно это подтверждает также надпись из форта Galava, в котором была обнаружена эпитафия Флавия Фусцина, «убитого врагами в лагере» («...in cas(tris) int(er)f(ectus) ab hosti(bus)» RIB 3218)²⁰⁹. Впрочем, беспокойной была ситуация в течение всей истории провинции, о чем свидетельствует сам статус Британии как императорской провинции и размещение там трех легионов.

Итак, несмотря на отсутствие дальнейшего расширения провинции, с которым принято ассоциировать основную военную активность Империи в Британии, в период между наиболее важными с точки зрения античных историков событиями, происходившими на острове, римляне продолжали вести боевые действия. Хотя в период 80–120-х гг. военные мероприятия и победы или поражения на острове не имели общеимперского значения, но они продолжались и были неотъемлемой частью жизни провинции. В этот период ситуация в других провинциях, в частности война с даками, вероятно, не позволяла вести более масштабные военные действия в Британии. Такая ситуация сохранялась вплоть до начала правления Адриана.

Во время правления императора Адриана в различных частях империи возникают более или менее заметные вспышки противостояния римской власти. Мы знаем о восстаниях мавров в Северной Африке, войнах на Дунае,

²⁰⁸ Подробнее см. *Richmond I. A. The Relation of the Fort at Newstead to Scottish History, AD 80–180* // *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland*. 1924. Т. 58. P. 310; *Richmond I. A. Excavations at the Roman fort of Newstead, 1947* // *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland*. –1952. Т. 84. P. 1–38.

²⁰⁹ Точной датировки этой надписи нет, однако имя убитого позволяет определить ее ко времени до 150–160-х гг.

включая недавно завоеванную Дакию, восстании в Египте²¹⁰, что вынуждает вести военные действия в разных концах империи. На территории Британии также продолжается сопротивление («...Britanni teneri sub Romana ditione non poterant...») – «бритты не могли быть удержаны под властью Рима» SHA, Hadr. V), в котором участвуют некоторые представители племени бригантов²¹¹, причем другие сохраняют лояльность Риму. При этом особенно подчеркивается их связь с каледонцами, располагавшимися вне территорий под властью римлян. На подавление бунтов отправляют легата Квинта Помпея Фалька, чей успех подтверждают выпущенные в 119 году монеты (RIC 577a, 577b = BMCRE 1175). Однако, как следует из дальнейшего развития событий, эта победа не привела к покорению горных племен.

Военные действия, проводившиеся в период до 122 года, завершились созданием Вала Адриана, который просуществовал в качестве границы в течение 20 лет, большая часть которых ушла на строительство. Однако уже к 140-м гг. новый император принимает решение о возведении второй стены. Отсутствие значимых столкновений между римлянами и бриттами должны были свидетельствовать о более спокойной обстановке в широтах, где проходила линия Адриана. Решение о создании новой пограничной линии Антонином, ее столь же долгое строительство (около тех же 20 лет), в конце концов завершилось отходом с более северных территорий. Однако, несмотря на присутствие в основном ковенных данных, видимо, причиной этого был конфликт с населением наиболее северных частей острова.

Таким образом, если смотреть на контекст создания двух лимесов, мы увидим, что их возведение проходило в сложных условиях с точки зрения сопротивления местного населения и скорее закрепляло приемлемые для обеих сторон границы, более того, вторая граница оформляла новый этап

²¹⁰ *Speller E.* Following Hadrian: a second-century journey through the Roman empire. Oxford University Press, 2003. P. xix.

²¹¹ Подробнее о взаимодействии с общиной бригантов см.: *Hanson W. S., Campbell D. B.* The Brigantes: from clientage to conquest // *Britannia*. 1986. Т. 17. P. 73–89.

завоеваний римлян, который был воспринят местным населением агрессивно, что и привело в дальнейшем к возвращению на прежнюю границу.

2.3. Военный контингент в Британии

Прежде чем мы перейдем к вопросам, которые касаются предпосылок создания границ на острове, следует также сказать о размещении войск в Британии. Оно, безусловно, заслуживает отдельного исследования, поэтому в рамках данной работы этот вопрос будет затронут лишь в общем виде. К началу XVIII века в распоряжении исследователей были *Notitia Dignitatum* и недавно обнаруженные надписи, по которым можно было определить, какое подразделение было расквартировано в том или ином форте²¹². Однако с уверенностью определить все форты и размещенные в них подразделения ученые смогли только в XX веке.

Завоевание Британии в эпоху Клавдия проводилось четырьмя легионами (*legio VI Victrix*, *legio IX Hispania*, *legio XX Valeria Victrix* и *legio XIV Gemina*, который вскоре был заменен на *legio II Augusta*)²¹³. Однако, как было сказано ранее, после завоевания и подавления восстания иценов в 60-х гг., а также из-за внешней угрозы в другой части империи, *legio II Augusta* покинул остров²¹⁴. А в начале II века произошла замена *IX Hispania*²¹⁵ на уже знакомый *II Augusta*, который, таким образом, вернулся на остров. Итак, в Британии середины II века были расквартированы три легиона, как наиболее угрожаемых римских провинциях, то есть, больше, чем в спокойных²¹⁶. Это те самые подразделения, которые принимали участие в строительстве стен (*legio II Augusta*, *legio VI*

²¹² *Birley E.* Research on Hadrian's Wall. Kendal, 1961. P. 12–13.

²¹³ *Hardy E. G.* The Movements of the Roman Legions from Augustus to Severus // *The English Historical Review*. 1887. Т. 2. №. 8. P. 634.

²¹⁴ *Fulford M. G.* The Second Augustan Legion in the West of Britain // *The Ninth Annual Caerleon Lecture in Honorem Aquilae Legionis II Augustae*. National Museum Wales, 1996. Т. 9. 35 p.

²¹⁵ Последнее упоминание легиона на острове в эпитафийке было отмечено в 107-108 гг. в Йорке (RIB 665), однако, что именно произошло с легионом и куда он был переведен, остается неясным. См. подробнее: Садовская М. С. IX Испанский легион в Британии // Из истории античного общества. Горький, 1979. С. 65-85.

²¹⁶ *Mattingly D.* Imperial Possession. Fig.1

Victrix и legio XX Valeria Victrix). Такой размер войска с большой степенью вероятности говорит о сложном военном положении в провинции и на ее границах. Эти войска были необходимы сначала для завоевания, а затем для поддержания порядка на территории провинции и защиты ее границ. Следует отметить, что в разное время они были расквартированы в разных местах, причем выбор места, конечно, зависел от военной ситуации. Их перемещения позволяет проследить эпиграфика, и именно она свидетельствует о том, что строительство на границах вели подразделения всех легионов. Маловероятно, что все три легиона находили на линии границе одновременно и в полном составе, однако, видимо, для выполнения конкретных задач, например, для охраны, выставления гарнизонов в крепостях, строительства и решения других проблем выделялись отдельные отряды, вексилляции. Лагери легионов при этом были разбиты в разных частях провинции, но не на самих пограничных линиях. Так, legio VI Victrix располагался в Эбораке (Eboracum, совр. Йорк), legio XX Valeria Victrix в Деве (Deva, совр. Честер), legio II Augusta стоял в Иске (Isca, совр. Карлеон), XIV Gemina в лагере Viroconium, legio IX Hispania в Камулодунуме (Camulodunum, совр. Колчестер)²¹⁷. Если же говорить о численности провинциального войска, Маргарет Роксан оценивает ее в примерно 16500 легионеров и более 35 000 ауксилариев, составлявших алы и когорты, часть которых, как было сказано в I главе, к середине II века несла службу на стене²¹⁸.

Таким образом, речь идет о провинциальном гарнизоне числом более 50 000 человек. Столь внушительная сила была необходима римлянам ввиду характера взаимоотношений с местным населением провинции и территорий, которые остались за пределами непосредственного контроля Империи.

²¹⁷ Hardy E. G. The Movements... P. 634.

²¹⁸ См.: Holder P. Auxiliary deployment in the reign of Hadrian // Bulletin of the Institute of Classical Studies. Supplement, 2003. P. 101-145.

2.4. Создание укрепленных границ в Британии: цели и причины

Анализ целей создания укрепленных границ в провинции следует начать в хронологическом порядке — с рассмотрения стены Адриана. Как мы уже знаем, она не возникла на пустом месте. При строительстве и выборе места римляне решили использовать в качестве опоры дорогу Стейнгейт, которая в это время продолжала быть одной из наиболее активных связующих линий для торговли и контактов между жителями провинции из разных мест, как римских фортов и городов, так и бриттских поселений. Для такого решения было несколько причин. Во-первых, развитая инфраструктура Стейнгейта позволяла упростить процесс строительства Стены, благодаря наличию проверенного и удобного пути для организации логистики, в том числе для подвоза строительных материалов. Во-вторых, трасса дороги изначально была выбрана с учетом географических особенностей и пользовалась всеми уже известными выгодами ландшафта. Наконец, она сама теперь была защищена границей и должна была стать более защищенной, а значит, более безопасной. Расположение укреплений вблизи от нее позволяло, кроме того, защищать эту важную транспортную артерию от возможных вторжений с севера. При этом она продолжала оставаться в первую очередь гражданской дорогой, поскольку при Вале отдельно существовала и военная дорога, необходимая для армии. Однако сам по себе Стейнгейт был не столько прообразом, сколько ориентиром при выборе расположения линии границы.

Вполне вероятно, что идея создания стены могла быть вдохновлена более ранними примерами схожих объектов. Среди наиболее близких прототипов в первую очередь следует назвать уже существовавший и развивавшийся к этому времени Германский лимес или системы укреплений на востоке и юге империи (*Limes Arabicus* или *Fossatum Africae*), о которых было сказано ранее. Часть из них была создана либо во время правления Траяна, предшественника Адриана, либо по решению самого Адриана. Если считать, что эти фортификационные сооружения были образцами для британских, то напрашивается предположение, что у них было сходное назначение. И сейчас

в большинстве исследований мы встретим очевидные предположения, что целью этих сооружений была охрана и защита приграничных территорий или контроль за пересечением границ²¹⁹. Это можно считать наиболее простой позицией для создания некой единой концепции, которая бы упрощала наше восприятие истории империи. Однако с конца XX века этот вопрос активно обсуждается и в ином ключе, и предполагается, что у строительства британских укреплений были и другие, менее очевидные, цели²²⁰.

Наличие нарративных источников, хоть и в небольшом количестве, позволяет посмотреть на проблему с точки зрения авторов, близких по времени к моменту создания Валов. Текстов, которые были бы созданы непосредственно во время строительства стен, у нас нет, но есть несколько более поздние. В отношении Вала Адриана это пассаж из жизнеописания императора, сохранившегося в составе сборника SHA. Фрагмент, посвящённый посвящен деяниям императора в Британии гласит: «Ergo conversis regio more militibus Britanniam petiit, in qua multa correxit murumque per octoginta milia passuum primus duxit, qui barbaros Romanosque divideret» — «Итак, реорганизовав войско в соответствии с нравами правителя, он устремился в Британию, в которой многое поправил и первый повелел возвести стену длиной в 80 миль, чтобы разделить варваров и римлян» (SHA, Hadr. XI.2).

Из этого текста следует, что, во-первых, стена служила для отделения римских территорий от тех, что воспринимались как варварские, а во-вторых, автору была известна протяженность линии стены, и указанный им размер в

²¹⁹ *Bidwell P.T.* The systems of obstacles on Hadrian's Wall: their extent, date and purpose' // *Arbeia Journal*. 2005. Т. 8. P.74; *Breeze D. J.* The Frontiers...P. 189–190; *Hanson W. S.* The nature and function of Roman frontiers revisited // *Life in the Limes: Studies of the people and objects of the Roman frontiers* / Ed. by Collins R., McIntosh F. Oxbow books, 2014. P. 7–8; *Cherry D.* Frontier and society in roman north Africa. Oxford University Press, 1998. P. 59–66.

²²⁰ *Breeze D.* The value of studying Roman frontiers [Электронный ресурс] // *Theoretical Roman Archaeology Journal*. 2018. Т. 1. №. 1. URL: <https://traj.openlibhums.org/article/id/3995/>

целом подтверждается современными исследованиями²²¹. Такая точность говорит либо о том, что в его распоряжении был какой-то источник с указанием размеров, либо о том, что эта информация была общеизвестной. Также указание размера должно было произвести впечатление на читателя и подчеркнуть значимость деяний императора. Это сообщение влияло на восприятие и изучение стены в дальнейшем. Можно увидеть, что литературные источники представляли создание комплекса как часть деяний императора, что соответствует жанровым особенностям жизнеописаний. Это подчеркивало единоличный характер его власти, а вместе с тем указывало на то, что по мнению общества (или как минимум его образованной части) было важным и достойным упоминания. Более того, такое отношение вписывалось в то, как в целом представлялась история государства, где основные деяния приписывались правителю вне зависимости от того, кто был их непосредственным исполнителем или автором. Кроме того, использование эпитета *primus* в этом тексте подчеркивает новизну и необычность инициированного императором строительства.

Поскольку жанровой особенностью такого рода источников является приписывание императору абсолютного большинства важных решений, возникает сомнение, было ли это так на самом деле, и кто именно принимал решение о возведении Стены. Аналогией изображения фигуры полководца или верховного командующего в исторической традиции может послужить описание походов Цезаря. Он также стремился к завоеванию острова, предприняв два похода на 55 и 54 гг. И, хотя его походы едва ли можно назвать успешными («...τοὺλάχιστον μὲν γὰρ ἐνὸς τάγματος χρήζοι ἂν καὶ ἱππικοῦ τινος, ὥστε καὶ φόρους ἀπάγεσθαι παρ' αὐτῶν, εἰς ἴσον δὲ καθίστατ' ἂν τὸ ἀνάλωμα τῇ στρατιᾷ τοῖς προσφερομένοις χρήμασιν» – «...ведь потребовался бы, по меньшей мере, один легион и несколько кавалерийских отрядов для взимания с них

²²¹ Длина стены может разниться в зависимости от того, что считать за начало и конец комплекса, о чем говорилось ранее, однако большинство средних оценок будут совпадать с указанной цифрой.

дани, а общие расходы на армию были бы равны собранным доходам» Strabo IV, 5, 3), тем не менее именно Цезарь считался первым из римлян, кому покорились бритты («...unde acquireret Britanniam potissimum elegit, neque temptatam ulli post Dium Iulium...» — «...из чего выбрал в качестве лучшей возможности [для получения триумф — прим.пер] Британию, которую никто не пытался завоевать после Божественного Юлия...» Suet. *Claud.* XVII, 1; «[Claudius] Britanniae intulit bellum, quam nullus Romanorum post C. Caesarem attigerat» — «[Император Клавдий] начал войну в Британии, куда никто из римлян не отправлялся после Цезаря» Eutrop. VII. 13, 2).

Сохранение подобной традиции — приписывать наиболее важные деяния императору — могло, в свою очередь, повлиять и на то, как был составлен текст с биографиями. Из-за разнонаправленности тем, которые мы видим в сборнике «Жизнеописаний», можно предположить, что подобные подробные детали дополняли сложившийся образ человека, который успевал все и преуспевал в любом деле. И в данном случае создание стены с четкой целью (отделения своих земель от чужих) дополняет образ императора, который ответственен за спокойствие и стабильность в империи. Независимо от того, кто был реальным инициатором строительства Вала Адриана — сам император, или кто-то из его приближенных — мероприятие это считалось достаточно важным, чтобы быть упомянутым в широком списке дел Адриана и дополнить его образ как императора, который заботится о спокойствии и стабильности империи.

Эпиграфические источники, однако, позволяют выяснить, кто непосредственно руководил строительством стены и был ответствен за конкретное воплощение предположительно императорского замысла. Строительством занимались легионы под предводительством Авла Платория Непота, легата пропретора, управлявшего провинцией с 122 по 127 гг.²²² (RIB

²²² Birley E. Research on...P. 159; Wright R. P. Roman Britain in 1942 // The Journal of Roman Studies. 1943. Т. 33. №. 1–2. P. 77–81; Birley A. R. The Roman Government of Britain. OUP Oxford, 2005. P. 119–124.

1051; 1340; 1427; 1634; 1637; 1638; 1666; 1702; 1935 и пр.). Однако это можно считать обычной формулой в такого рода текстах, поскольку при строительстве военных сооружений в провинциях именно это должностное лицо должно было отвечать за процесс. В то же время мы не можем судить о том, насколько велико было его личное влияние в рамках планирования столь масштабной системы и какие именно решения принадлежали ему, а какие — императору и его окружению, или, наоборот, тем, кто осуществлял проект непосредственно на месте. Поэтому, следуя за античной традицией и данными эпиграфики, мы будем связывать принятие решений с именем императора, а их исполнение — с именем легата, осознавая условность такого распределения ролей.

Адриан в своей политике, видимо, уделял особое внимание личному контролю ситуации в удаленных провинциях, не ограничиваясь только общим руководством из столицы. Об этом говорит, в частности, посещение им Британии, Галлии, Паннонии, Норика и др. Это событие могло сыграть важную роль в принятии решений о самых разных сферах деятельности государственного аппарата и армии провинции, включая ее защиту, в том числе о строительстве укреплений на северной границе. В связи с этим следует обратить внимание на взгляд на проблему об определении точного времени создания Стены, предложенный голландским исследователем Эриком Граафстаем. Тема границ вообще привлекала особое внимание императора: подобной была ситуация с африканским лимесом, создание или строительство которого также Адриан инспектировал лично в 128 г.²²³

В любом случае, прибытие императора в провинцию было важным инструментом контроля ситуации на территории всей империи, включая отдаленные провинции. Кроме практических задач, такая поездка была и важным символическим жестом.

²²³ Лучшее свидетельство — надпись из Ламбезиса, подробнее см *Speidel M.P. Emperor Hadrian's Speeches to the African Army – a New Text. Mainz: Verlag das Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2006. 106 p.*, о путешествиях Адриана см. *Birley A.R. Hadrian: The Restless Emperor. London: Routledge, 1997. 424 p.*

Если в основном управление и удержание римской власти на местах было в руках посланных из Рима чиновников и магистратов, опиравшихся и на армию, то в некоторых случаях требовалось и вмешательство самого императора. Это происходило не только в военное время, но и в мирные периоды, каким с оговорками можно назвать 20-е годы II в., когда в Британии в целом не было острых конфликтов. В таких условиях строительство стены могло быть новой формой провинциального контроля, созданной с личным участием правителя. Тем самым она могла служить не только практическим целям, но и символизировать этот контроль на идеологическом уровне: образ границы, материализованный стеной, был прост и понятен. При этом само наличие стены, даже она была не слишком надежным сдерживающим фактором в реальности, могло дополнительно удерживать потенциальных противников от нападения, особенно если противник не имеет профессиональной армии и навыков строительства осадной техники, штурма крепостей и т.п.

Роль идеологии в императорском Риме — вовсе не новая тема в исследованиях. Например, *res publica restituta* Августа и все, что стоит за этим понятием, активно изучается в современной науке²²⁴. При этом особое внимание при изучении идеологии уделяется самой фигуре императора. Исходя из того же подхода, мы считаем правомерным рассматривать

²²⁴ См. Чернышов Ю. Г. К вопросу о содержании «государственной идеологии» в Римской империи // Античное общество—IV: Власть и общество в античности. Материалы международной конференции антиковедов, проводившейся. 2001. С. 5–7; Шадрина В. Ю. Идеологическая политика императора Траяна: ее сущность, особенности и значение: дисс. ... канд. ист. наук. — Владимир, 2005. 197 с.; Ando C. Imperial ideology and provincial loyalty in the Roman Empire. Univ of California Press, 2013. Т. 6. 512 p.; Межеричкий Я.Ю. «Восстановленная республика» императора Августа М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 992 с.; Isaac B. Empire and ideology in the Graeco-Roman world: Selected papers. Cambridge University Press, 2017. 372 p.; Маркелов А.Ю. Римский сенат в период принципата Августа (30 г. до н.э.-14 г. н.э.): дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2018. 346 с.; Миролубов И. А. Визуализация идеологии императорской власти в Древнем риме средствами изобразительного искусства: к постановке проблемы // Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей, Москва, 28 февраля 2019 года / Автор-составитель Е.А. Воронцова; ответственный редактор А.Г. Голиков. Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2019. С. 560–569 и др.

идеологию как одну из основных причин строительства стены. Ее возведение нераздельно связывалось с именем императора и с Римом. Это подтверждают более поздние упоминания в средневековых источниках, которые брали в качестве своих источников античную историографию, например у Беды Достопочтенного («Itaque Seuerus magnam fossam firmissimumque uallum, crebris insuper turribus communitum, a mari ad mare duxit.» – «Итак, Север приказал соорудить от моря до моря большой ров и прочный вал, укрепленный башнями» – Bede *Hist. Angl.* I, 5; «...hortata est instruere inter duo maria trans insulam murum, qui arcendis hostibus posset esse praesidio» – «...было приказано [римлянами] соорудить стену, проходящую через весь остров, которая бы помогала не допускать врагов» Bede *Hist. Angl.* I, 12) или Гильды Премудрого («...quos iussit construere inter duo maria trans insulam murum» – «которым [бриттам] приказал [римский легион] построить стену через остров между друмя морями» Gildas, *De Ex.* 15). Они, хоть и не связывают стены именно с Адрианом (ввиду иных представлений об историческом контексте строительства укреплений), тем не менее, отмечают ключевую роль Рима в их создании. После оставления римлянами провинции они продолжали считаться строителями стены²²⁵.

Особая роль Адриана и его реальное влияние на происходившие события нашли отражение и в сакральной жизни провинции. Как и во всей остальной империи, в Британии вместе с завоеванием появился культ императора²²⁶. Началом провинциальной традиции почитания императора обычно считается строительство храма в честь Клавдия в первой римской столице Британии, Камулодуне («...templum divo Claudio constitutum...» – «храм, установленный

²²⁵ Некоторое время стену называли Стеной Пиктов, однако с возникновением археологических и исторических исследований эта версия исчезает. См. Hingley R. *Nadrain's Wall...* P. 52–57.

²²⁶ Подробнее об императорском культе в Британии см. Широкова Н. С. Императорский культ в римской Британии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 1(43). С. 37–58; Садовская М. С. Культ императора в римской Британии // Страны Средиземноморья в античную и средневековую эпохи. Горький. 1985. С. 69–95; Fishwick D. *The Imperial Cult in Roman Britain* // *Phoenix*, 1961. Т. 15. №. 3. P. 159–173 и др.

божественному Клавдию» — Тас. Ann. XIV, 31). В дальнейшем вдоль линии стены появилось немало алтарей и посвящений, связанных с императорским культом, в том числе надписей, упоминающих императорский *nimen*²²⁷ (например, RIB 1056,1425), посвящений императору и Юпитеру (RIB 1330), Марсу (RIB 1596) или императору и Меркурию (RIB 2103). Кроме *nimen* использовались и другие термины, связанные с не только с божественностью императоров, но и с абстрактными качествами, такими как мужество, фортуна, дисциплина²²⁸.

Участие в императорском культе было одним из основных способов продемонстрировать лояльность Риму. Он непременно отправлялся в тех местах, где проживали римляне, будь то военные или гражданские. Строительство пограничной линии способствовало созданию новых культовых мест, которые, в свою очередь, служило распространению новых верований среди местного населения. В языческой среде это не вызывало сложностей: новый культ добавлялся к уже существующим. Однако приобщение к императорскому культу имело и свои особенности, поскольку было способом выражения новой, политической, идентичности (что, конечно, не исключало сохранения и прежней идентичности, как культурной, так и этнической). Таким образом, создание мест и объектов, связанных с римскими культами, прежде всего с императорским, означало не только экспансию границ империи, но и расширяло ее территории с сакральной и культурно-политической точки зрения.

Создание укрепленных границ именно в формате стен имело и политико-идеологическое значение, что было в русле общих политических решений Адриана. Прежде лишь расширявшаяся империя встретила с новым типом проблем и искала решения в новых форматах. И хотя закрепление в

²²⁷ *Nemen* (нумен) обозначал безличную божественную силу, которая могла управлять человеческой судьбой. См.: *Fishwick D. The Imperial NVMEN in Roman Britain / The Imperial Cult in the Latin West, Volume 2 Studies in the Ruler Cult of the Western Provinces of the Roman Empire-Part 2.1. Brill, 1990. P. 397–422.*

²²⁸ Подробнее: *Широкова Н. С. Императорский культ... С. 37-58.*

достигнутых границах в противовес их расширению вряд ли формулировалось как единый конкретный план, все же создание лимесов на границах может считаться, со всеми оговорками, выражением единой концепции. Лимесы формировали новую реальность на границах империи, влияя на логистику, и сами встраивались в существующие политические и общественные структуры.

Впрочем, эта точка зрения не является общепринятой. Ее оспаривает, например, Графстааль, считающий, что решения принимались главным образом как реакция на конкретные обстоятельства, поэтому их следует изучать в увязке с этими единичными ситуациями²²⁹. На наш взгляд, однако, создание стены — это долгосрочный проект, который невозможно было претворить в жизнь без каких-либо изменений по сравнению с первоначальным планом, что не означает отсутствия этого плана. Долгосрочность проекта вполне соответствует его идеологическому характеру: идеологические решения всегда нацелены на долгосрочную перспективу.

Одним из ключевых элементов стены были встроенные в ее линию милевые кастели, о которых говорилось выше. Именно они считаются точками, в которых можно было перейти с одной стороны границы на другую²³⁰. Учитывая их удаленность друг от друга и размер, мы можем сделать вывод о том, что стена не была задумана как непреодолимая преграда: кастели располагались через каждую милю по всей ее линии и были рассчитаны на небольшое количество человек, которые не смогли бы остановить сколь-нибудь внушительные силы. Поэтому их функция состояла скорее в отслеживании перемещений и вероятном их учете. Среди тех, кто нес службу в этих кастелях, должен был находиться хотя бы один человек, отвечавший за оповещение ближайшего форта, если считать, что контроль координировался из фортов. На других лимесах, например, в Египте и Сирии, легионеры могли

²²⁹ *Graafstal E. P.* Hadrian's haste: a priority programme for the Wall // *Archaeologia Aeliana*. 2012. Т. 41. №. 5th series. P. 148–149

²³⁰ *Johnson S.* Hadrian's Wall. Batsford, Sterling Publishing Company, 2003. P. 31–32.

находиться достаточно далеко от основного места службы, т.е. точку размещения вексиляции, из состава которой выделялись отдельные воины на изолированные посты²³¹. Вероятно, такова же была ситуация и в Британии, хотя небольшие расстояния между фортами и милевыми кастелями позволяли преодолевать их за небольшой период времени. Кроме того, мы не знаем, на какой срок назначались воины для несения службы в кастелях с учетом их небольшого размера и скромными условиями жизни. Как бы то ни было, милевые кастели служили для связи между территориями с двух сторон стены.

В нашем распоряжении нет свидетельств о том, существовал ли какой-то учет пересечения границы, однако само количество точек перехода свидетельствует о достаточно активной трансграничной мобильности. Различается несколько типов самих ворот в кастелях²³², однако для нас важен сам факт их существования и использования. Поскольку эти многочисленные пункты были, очевидно, предусмотрены первоначальным планом строительства, то возможность довольно интенсивного движения через границу была частью замысла и могла нести идеологическую нагрузку. Каждое пересечение границы теперь регламентировалось и могло происходить только в строго определенных местах, даже если их было много. Тем самым при каждом переходе через границу подчеркивался новый статус территории провинции и демонстрировалась римская власть над ней.

Существует мнение о том, что милевые кастели могли быть таможенными пунктами²³³, однако этому противоречит слишком большое их количество и концентрация. Некоторые из них, как, например MC53, расположенный на перевале, образованном долиной реки Бэнкс Берн и естественной трассой, построен на холме, что ставит под сомнение их функциональность для таможенных целей, но объясняется сигнальной функцией²³⁴. Похожие

²³¹ *Symonds M.* Protecting the Roman Empir... P. 25

²³² *Hill P. R.* Op. cit. P. 72-74.

²³³ *Mann J. C.* The frontiers... P. 143 рассматривают стену не как защитный механизм, но как административную границу.

²³⁴ *Woolliscroft D. J.* Roman Military Signalling. Stroud, Tempus, 2001. P. 60-6.

примеры представляют два памятника на вершинах утесов (и, вероятно, самые посещаемые милевые замки на Стене) — МС 37 в Хаусстедс и МС 42 в Коуфилдс (13. 20 и 21). Оба объекта были размещены немного западнее их измеренных милевых позиций, и в обоих случаях это, очевидно, было сделано для улучшения их доступности, но не для всех. Они были перенесены с позиций, где их северные ворота выходили на вершины отвесных скал, на места, где подъем все еще слишком крут для колесного транспорта, однако позволяет добраться пешком.

Существовавшие между милевыми кастелями сигнальные башни (*turris*) часто рассматривают в привязке к милевым кастелям. В отличие от милевых кастелей они не позволяли совершать переходы через границу, поскольку не имели сквозных проходов. Вероятнее всего они служили для наблюдения за приграничной территорией. Эти башни, кроме утилитарного, могли иметь и эстетическое значение. Они добавляли к ровной линии стены выступающие элементы, тем самым внося в ландшафт новый элемент: новая линия границы оказывалась оформлена также новой линией горизонта, что визуально выражало идею римского контроля. Поскольку у нас нет соответствующих письменных источников, нет уверенности, что этот эффект был задуман при строительстве стены, но этого нельзя исключать, учитывая несомненное участие в планировании стены профессиональных архитекторов.

Подобное предположение может быть справедливым по отношению ко всей конструкции в целом, потому что сложно представить, что составление плана и проект могли быть исполнены без архитекторов, которые должны были разбираться в такого рода архитектурных деталях и руководствоваться общим замыслом. И хотя мы не готовы настаивать на том, что архитектурный эффект был изначальной интенцией, то мы никак не можем отрицать воздействие архитектурных особенностей на восприятие.

Наконец, еще один объект, который относится к Валу Адриана и связан с его символическим смыслом, мы обнаруживаем в восточной части стены. Это мост, построенный близ форта Pons Aelius, упоминания о котором

сохранились в *Notitia Dignitatum*²³⁵. Он, конечно, не был единственным мостом при границе²³⁶, но наименование в честь императора выделяет его на фоне прочих. Его значение больше, чем просто свидетельство пребывания императора в провинции²³⁷: он увековечивал деяния Адриана, обеспечивая их связь с видимыми важными объектами²³⁸. То же можно сказать и о других объектах, за которыми закрепились названия по именам императоров, будь то арки в честь военных побед, Колизей в Риме или менее монументальные постройки вроде этого моста. В данном случае имя императора было закреплено в названии форта официально, что нашло отражение в официальном документе. После ухода легионов из провинции подобные названия продолжали использоваться и напоминали о римском наследии, что повлияло и на изучение следов пребывания римлян в Британии, которое в начальный период во многом строилось на анализе средневековых хроник.

Также отдельно хотелось бы отметить закрепление имени императора в названии форта именно в официальном документе. Этот факт можно рассматривать в качестве обыденной формальности, но кажется, подобное наименование все же подчеркивало особый статус постройки и служило в качестве напоминания о важном событии даже на формально-бюрократическом уровне. На протяжении всего римского периода в истории острова, а также после ухода легионов из провинции подобные названия служили в качестве напоминаний о римском наследии в целом, даже если в итоге сами римляне фактически уже никак не влияли на происходившее.

В целом укрепление границ характерно для римской политики. Несмотря на то, что некоторые исследователи считают строительство лимесов ответом

²³⁵ ND Oc. XL 32-5.

²³⁶ Подбрнее о системе мостов см. *Bidwell P.T., Holbrook N.* Hadrian's Wall bridges. English Heritage, 1989. 168 p.

²³⁷ *Breeze D. J.* The Frontiers... 272 p.

²³⁸ См.: *Graafstal, E. P.* The original plan for Hadrian's Wall: a new purpose for Pons Aelius? // *Archaeological Journal*. 2021. T. 178 (1). P. 107–145.

на политику императора Траяна, которая была нацелена на экспансию²³⁹, при Траяне римляне тоже возводили укрепленные линии на границах, например, Траяновы валы, находившиеся на территории современных Румынии и Украины. Таким образом, сам факт строительства подобных сооружений может расцениваться и как продолжение политики предыдущего императора.

Таким образом, Вал Адриана был создан в период укрепления границ по всей империи и вписывается в ряд лимесов, созданных для защиты и контроля над римскими территориями и пересечением границ. Однако при более подробном рассмотрении видно некоторое количество особенностей, некоторые из которых обсуждались ранее. На наш взгляд, контроль и защита могли быть главными функциями этой укрепленной линии, но некоторые детали говорят о том, что они не были единственными. Сооружение несло идеологический заряд и обладало статусной символикой, отражало желание императора увековечить свое имя и свое правление с помощью создания новых форм и способов управления территориями, а также монументального строительства. Другой идеологической задачей была демонстрация мощи Рима жителям провинции и ее соседям.

Сложный процесс строительства, который занял не один год и в итоге не был доведен до конца (Стена так и не приобрела вида, соответствующего первоначальному плану), не помешал новому императору переключить с него свое внимание на более северные территории. Стена Адриана была задумана каменной, однако это было реализовано не везде, а линия *vallum*, видимо, была построена позже. При этом сам план Стены мог меняться в зависимости от различных внешних условий, но в целом комплекс был рассчитан на долгое существование.

²³⁹ Эверитт в *Everitt A. Hadrian and the Triumph of Rome*. New 2009. P. 225 указывает на то, что политика Траяна, который стремился к новым завоеваниям стала проблемной для Рима, поскольку удерживать контроль надо все большим количеством территорий оказалось сложно как с военной, так и с политической точки зрения, а посему в создании стены он видит эффект, который бы указывал на сдерживание границ и отказ от увеличения территории империи.

Однако всего через 20 лет после начала строительства первой британской линии лимеса началось строительство новой. Последовательность возникновения и территория строительства неизбежно ведут к сравнению двух объектов. После смерти императора Адриана на престол вступил усыновленный им Антонин Пий. Такой способ передачи власти указывает на схожесть политических взглядов императоров, по крайней мере в момент принятия решения об усыновлении, и на большую вероятность преемственности в политике²⁴⁰.

Почти одновременно со сменой императора меняется и граница в Британии. Правление Антонина принято считать мирным, однако это неверно по отношению к провинции Британия. В 139 году на пост наместника Британии назначается Лоллий Убрик²⁴¹, известный нам по одной из наиболее значимых для истории и датировки вала надписи (RIB 2191) и прочим многочисленным литературным и эпиграфическим свидетельствам. Под его предводительством ведется военная кампания, необходимая для подавления бунта бригантов («ἀπετέμετο δὲ καὶ τῶν ἐν Βριττανίᾳ Βριγάντων τὴν πολλήν...» — «и отнял в Британии у бригантов много <земель>» — Paus. VIII, 43.4)²⁴². Обстоятельства, приведшие к восстанию, остаются неясны, однако, есть вероятность, что настроенные прежде не слишком враждебно, они были спровоцированы строительством стены Адриана. Из этих же идей исходят

²⁴⁰ Императоров часто сравнивают не в последнюю очередь ввиду последовательности их правления, описывая различные аспекты правления императора Антонина: *Williams W.* Antoninus Pius and the Control of Provincial Embassies // *Historia: Zeitschrift Für Alte Geschichte*. Vol. 16. № 4. 1967. P. 473–7; *Williams W.* Antoninus Pius and the Control of Provincial Embassies // *Historia: Zeitschrift Für Alte Geschichte*. Vol. 16. № 4. 1967. P. 470–83; 473–475. *Keresztes P.* The Emperor Antoninus Pius and the Christians // *The Journal of Ecclesiastical History*, 1973. № 22(01). P. 3–4; *Heller A.* The Religious Legitimation of War in the Reign of Antoninus Pius // *The Religious Aspects of War in the Ancient Near East, Greece, and Rome* / Ed by. Ulanowski K. Leiden/Boston, 2016. P. 358–375.

²⁴¹ *Birley A. R.* The Roman Government of Britain. OUP Oxford, 2005. P. 135.

²⁴² Следует отметить, что это сообщение не всё воспринимает как достоверное, есть вероятность, что Павсаний путается в географии и переносит на Британию события, произошедшие на континенте. *Hind J. G. F.* The ‘Genounian’ Part of Britain // *Britannia*. 1977. Vol. 8. P. 229–34.

предположения о возможной связи бригантов и исчезновения IX легиона, который прежде был расквартирован в Британии²⁴³.

Стена Антонина была сильнее укреплена, несмотря на отсутствие каменной стены. В частности, на ней была существенно больше концентрация фортов. При первой стене было 16 основных фортов на длину почти в 120 км. При Вале Антонина, протяженность которого почти в два раза меньше, от 16 до 19 фортов, т.е. концентрация фортов, а вместе с тем и воинов²⁴⁴, была в два раза больше. При этом именно в фортах, а не в милевых кастелях, концентрация которых была равномерной, размещались основные военные силы, дислоцированные на границе. Очевидно, это свидетельствует о повышении вероятности нападения извне и необходимости большей концентрации сил, чтобы противостоять этой угрозе. При этом одинаковое число фортов на двух пограничных линиях свидетельствует о том, что количество воинов, стоявших на новой границе, не изменилось — изменилась плотность их размещения.

Само строительство стены на удаленной от центра провинции территории может говорить о том, что провинция продолжала быть предметом заботы Рима, даже спустя немалое время после ее завоевания. Строительство первой стены знаменовало установление новых границ и, возможно, смену политического курса, второй — то, что эти границы зависят исключительно от решений императора. Если обратиться к литературному свидетельству о стене («*Nam et Britannos per Lollium Urbicum vicit legatum alio muro caespiticio summotis barbaris ducto*» – «Ведь и Бриттов победил под руководством легата

²⁴³ Это одна из наиболее мифологизированных историй о римлянах в Британии. IX легион в 43 году прибыл на остров, о чем свидетельствует появление надписей, а затем упоминания о нем пропадают вовсе (не только в Британии, а во всех провинциях империи), и в итоге появляются теории, куда он делся. Учеными выдвигались предположения о том, что его полностью (!) уничтожили или расформировали (это предполагал еще Коллингвуд). Иногда же его исчезновение связывают с бригантам, полагая, что именно они уничтожили легион. Подробнее см.: *Stanier T. The Brigantes and the Ninth Legion // Phoenix. 1965. Т. 19. №. 4. P. 305–313; Садовская М. С. IX Испанский легион в Британии // Из истории античного общества. Горький, 1979. С. 65–85.*

²⁴⁴ Подробнее о численности см. гл. 1.

Лоллия Убрика, и другая стена из дёрна была воздвигнута после того, как варвары были оттеснены». SHA, *Ant.* P. V.4), то по мнению автора «Жизнеописания» цель возведения стены была та же, что и с Валом Адриана — отделение от варваров.

Вал Антонина, вероятно, также остался недостроенным: дерновое сооружение не было заменено на каменное, вопреки первоначальным намерениям. В недавнем исследовании Ник Ходжсон отмечал, что при переходе с одной пограничной линии на другую дерн в качестве основного строительного материала не планировался, а одна каменная стена должна была прийти на смену другой²⁴⁵. Смену материала он при этом объясняет неизвестными внешними событиями, которые заставили Рим поторопиться с исполнением замысла переноса границы и использовать более простой материал.

Вскоре, однако, стена была оставлена, и возвращение к границе Адриана подтвердило обоснованность изначального выбора границы провинции и невыгодность положения новой стены. Вал Антонина так и остался не до конца завершённой приграничной линией обороны, которая, вопреки первоначальному плану, не стала оплотом и символом римской силы.

Как и в случае с Валом Адриана Вал Антонина — это в первую очередь один из лимесов империи, служивший для практических целей. Однако и здесь не следует забывать его символическое измерение: это было изменение границы в результате расширения территории провинции, что с одной стороны противостояло политике предшественника, направленной на закрепление имевшихся границ, а с другой вписывалось в общие политико-военные цели Рима, которые были направлены на экспансию. Следует также отметить, что Антонин создал новую искусственную границу в Британии, в то время как в других местах он действовал дипломатическим путем, поскольку

²⁴⁵ *Hodgson N.* Why was the Antonine Wall made of turf rather than stone? // *The Antonine Wall: Papers in Honour of Professor Lawrence Keppie* / Ed. by Breeze D.J., Hanson, W.S. Archaeopress. Oxford, 2020. P. 300–313.

при нем не предпринималось строительство новых лимесов в других частях империи.

2.5. Провинциальные границы римской Британии: общее и частное

Если говорить об общих чертах, то кроме самого образа укрепленной границы — вторая выглядит как «еще одна» граница, подобная первой — следует сказать о времени их сооружения. Оба раза стены возводятся в начале императорского правления. Безусловно, это не были первые шаги Адриана и Антонина в статусе императоров. Однако постройка стен находится в рамках пятилетнего периода со смены правителя, то есть времени, когда память о предыдущем императоре еще была свежа. Адриан жил в условиях, когда успехи Траяна были недавними и появилась необходимость закрепить статус империи в новых ее частях при расширенных границах, при этом необходимо было новое решение этого вопроса. Антонин следовал примеру своего предшественника и подтвердил необходимость создания стен на границе.

Изучая пограничные постройки, мы невольно связываем их создание с решениями императоров, которые напрямую зависят от их личностных характеристик и особенностей ведения политики. В случае Адриана следует еще раз напомнить о его личном участии в обустройстве границ империи, а также об инспектировании даже отдаленных ее частей²⁴⁶. Это говорит об особенной его заинтересованности в положении дел на периферии.

Но еще больше это относится к стене Антонина. Как известно, у императора не было того военного опыта, которым обладал его предшественник, и принятие решений во многом зависело не только от него лично. Поэтому, например, Энтони Бирли считает, что велика вероятность того, что у него были военные советники, которые также видели необходимость в создании новой стены. К ним можно отнести и самого императора Адриана, который был наставником своего наследника

²⁴⁶ Подробнее см. *Birley A.R. Hadrian...* 424 p.

Антонина²⁴⁷. Создавая новую стену по примеру своего предшественника, Антонин, однако, придал ей новое значение. Укрепление границ, как было отмечено, входило в задачи как императоров Адриана и Траяна, так и их предшественников. В случае Антонина это было, кроме того, продвижение и расширение границ. На наш взгляд, сооружение новой стены стало способом продемонстрировать политический вес Антонина, который, отталкиваясь от идей Адриана, все же привносит новое видение ситуации на имперской периферии, решаясь на расширение границ, их переосмысление и реорганизацию. В самом деле, лишая границу возможностей пересечения вне фортов, он делает ее более закрытой, а саму пограничную зону более милитаризованной. Это, в свою очередь, влечет за собой и бытовые, и культурные изменения, которые связаны с ростом роли армии в провинции.

Рассмотрение вопроса о возможности или невозможности действительно эффективной защиты территорий с помощью лимесов или подобных им укреплений не является целью нашей работы. Мы бы хотели обратить больше внимания на вопросы влияния Стен на жизнь населения приграничных территорий, включая вопрос о восприятии новых границ.

Учитывая все сказанное выше, можно быть уверенным, что в обоих случаях монументальные пограничные сооружения создавались с целью их длительного использования. Тот факт, что это намерение не реализовалось под влиянием внешних обстоятельств, не делает замысел менее идеологически значимым.

Создание новой укрепленной границы имело не только прагматическое значение, но и стало символическим выражением мощи Рима и демонстрацией его власти. При этом, если строительство стены Адриана было продолжением уже традиционного строительства лимесов его предшественниками, то строительство новой стены Антонина, дублировавшей уже имевшийся лимес,

²⁴⁷ *Birley A.R. Antoninus Pius' Guard Prefect Marcus Gavius Maximus with an Appendix on new evidence for the Fasti of Britain under Antoninus // The Antonine Wall: Papers in Honour of Professor Lawrence Keppie / Ed. by Breeze, D.J. Hanson, W.S. Archaeopress. Oxford, 2020. P. 316–7.*

имело и дополнительный символический смысл, который едва ли не превалировал по сравнению с прагматическим. Возведение новой стены могло означать, что стены не остановят продвижение империи, пусть даже собственные. Несмотря на существование в настоящее время множества объяснений функции британских пограничных стен, в большинстве случаев, дополняющих друг друга²⁴⁸, трудно отрицать, что их идеологическая функция стоит не на последнем месте.

Как мы видели, при всем сходстве, обе стены возводились в разном историческом контексте и отличались по структуре. Наиболее заметное отличие между двумя Валами Адриана и Антонина — отсутствие милевых кастелей во втором. Это объясняется более близким расположением фортов. Милевые кастели при Вале Адриана имели проходы с одной стороны стены на другую. Их отсутствие при Вале Антонина означает, что переход границы был теперь возможен только при фортах, которые, несомненно, были более мощным укреплением, чем кастели. Чтобы пересечь здесь границу, используя силу, потребовалось бы гораздо большее войско, что косвенно говорит о характере отношений между римлянами и тем местным населением, на чьих территориях оказалась новая граница. Однако эффективность подобных мер по контролю границы неочевидна. Даже современные наиболее развитые системы контроля пересечения границ не дают надежного результата²⁴⁹. Тем не менее, если стена Адриана создавала границу, которая оставалась в значительной степени проницаемой и играла скорее символическую роль, то вторая в гораздо большей степени была способна играть практическую роль, отделяя территорию империи — как благодаря концентрации военных сил, так и способу организации возможного пересечения границы.

Обе пограничные линии оказывали важное влияние на жизнь местного населения провинции, а также легионов и вспомогательных войск, которые

²⁴⁸ Подробнее об этом в гл. 1.

²⁴⁹ *Orrenius P. M.* Illegal immigration and enforcement along the US-Mexico border: An overview // *Economic and Financial Review-Federal Reserve Bank of Dallas*. 2001. №. 1. P. 2-11.

строили и поддерживали деятельность оборонительной системы. Часть населения острова была знакома с римскими обычаями и устройством жизни, но эта часть была небольшой прослойкой в основном знатного населения провинции, которой по разным причинам была выгодна связь с Римом. Большая часть бриттов реже сталкивалась с римским воздействием, особенно в тех частях провинции, которые находились дальше от регионального центра. Строительство стен было одним из способов не только идеологического воздействия на местное население, но и вовлечения его в орбиту римской культуры. С момента создания Вала Антонина мы получаем большее количество свидетельств романизации, в частности, находок, связанных с Римом, на тех территориях, которые прежде были в меньшей степени затронуты римским влиянием²⁵⁰.

С вопросом об организации границы тесно связана проблема существования буферной зоны между территорией империи и враждебной или потенциально враждебной неконтролируемой территорией. Первая граница проходила вдоль активно использовавшейся дороги, что свидетельствует об относительно мирной ситуации на этой территории. Вероятно, можно говорить о наличии буферной зоны к северу от границы, что позволяло заниматься возведением комплекса в более спокойной обстановке и при содействии местного населения. Сложно сказать с уверенностью, могли ли бриганты (местная община, территория которой находилась в непосредственной близости от стены²⁵¹) заниматься именно строительством, однако при комплексе обнаружено некоторое количество свидетельств взаимодействия римлян с ними (RIB 1053, 2066). Среди эпиграфических свидетельств были обнаружены, например, алтари в честь богини Бригантии, что свидетельствует о довольно высоком уровне интеграции или даже ассимиляции.

²⁵⁰ Keppie L. J. F. *Scotland's Roman Remains*. Edinburgh: John Donald Publishers LTD, 1986. P. 66–69.

²⁵¹ О бригантах и их роли на пограничных территориях см., напр., Hanson W. S., Campbell D. B. *The Brigantes: from clientage to conquest* // *Britannia*. 1986. Т. 17. P. 73–89.

Удаленность второй границы от предыдущей на 160 км на север может указывать на смещение буферной зоны, отделяющей провинцию от более враждебно настроенных общин, или даже на отказ от самого ее существования. Впрочем, в пользу сохранения буферной зоны говорит отсутствие свидетельств о серьезных столкновениях в приграничных территориях во время строительства. Об этом также свидетельствует наличие романо-британских ферм (или поселений), которые существовали до создания стен и сохранились в дальнейшем, что было бы невозможно, если бы бритты, проживавшие к северу от римской границы, были бы настроены исключительно враждебно или представляли бы опасность для провинциальных территорий²⁵².

Создание буферных зон при границах было обычной римской практикой. Часто для этого служили так называемые клиентские царства, которые формально не входили в состав Республики или Империи, но при этом находились в зависимом (формально дружеском) положении по отношению к Риму²⁵³. Так, например, Страбон в пассаже о Ахеласе и присоединении Киликии упоминал о том, что лучше, чтобы такими территориями управляли цари, а не римские наместники («ἐδόκει πρὸς ἅπαν τὸ τοιοῦτο βασιλεύεσθαι μᾶλλον τοὺς τόπους ἢ ὑπὸ τοῖς Ῥωμαίοις ἡγεμόσιν εἶναι τοῖς ἐπὶ τὰς κρίσεις πεμπομένοις» – «по всем этим причинам считалось, что лучше, чтобы этими местами правили цари, а не римские правители, отправленные для вершения судов» Strabo XIV, 5, 6). История клиентских царств в Британии полностью вписывается в эту концепцию. Здесь можно вспомнить, например, о Кунобелине, Тиберии Клавдии Тогидубне, Тинкомаре, Прасутаге и Картимандуе²⁵⁴, которые в

²⁵² Приложение 1

²⁵³ Подробнее о царях-клентах см.: *Hekster O. J. Trophy kings and Roman power: A Roman perspective on client kingdoms // Kingdoms and Principalities in the Roman Near East / Ed. by T. Kaizer, M. Facella. Stuttgart Steiner Verlag, 2010. P. 45-55; Braund D. Rome and the Friendly King (Routledge Revivals): The Character of Client Kingship. Routledge, 2014. 234 p.*

²⁵⁴ Подробнее см.: *Барышников А. Е. Империя наносит ответный удар? «Археологические диалоги» и очередной виток дискуссии о романизации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. №. 1. С. 17–24; Richmond I. A. Queen Cartimandua // The Journal of Roman Studies. 1954. Vol. 44. №. 1-2. P. 43–52; Cheesman C. E. A. Tincomarus*

разное время выступали в качестве римских клиентов и тем самым помогали в римском завоевании острова или в удержании римской власти так, чтобы местное население не оказывало сопротивления.

Создание стены, стимулировавшее развитие инфраструктуры в прилегающей области, стало в то же время созданием некой особой зоны, которая стала пространством интеграции различных культур. Кроме того, она обеспечивала безопасность центральных частей острова и основных территорий провинции, в которых интеграция была еще более масштабной и быстрой.

Режим военной службы на приграничных территориях, вероятно, не был жёстко стандартизирован и регламентирован; конкретные действия и дислокация гарнизона зависели от конкретной необходимости и обстоятельств, возникавших в определенном месте и в определенное время. Службу несли как легионы (свидетельства об этом, впрочем, имеются только с Вала Антонина), так и вспомогательные части; в целом, военно-административная ситуация на острове вписывалась в общую имперскую картину²⁵⁵. На границах Британии это к функциям военных частей относились патрулирование территорий, откомандирование в гарнизоны милевых кастелей или малых форт и башен (только при Вале Адриана), а также обеспечение порядка при сборе пошлин и контроль за пересечением границы в целом. Некоторые также предполагают патрулирование по проходам, расположенным наверху, стены, но это так и остается предположением²⁵⁶. Таким образом, пограничные линии в Британии и гарнизоны, расквартированные на них, выполняли те же функции, что другие лимесы Империи.

Commi filius // *Britannia*. 1998. Т. 29. P. 309–315; *Creighton J.* Coins and power in Late Iron Age Britain. Cambridge, 2000. 251 p.

²⁵⁵ См., например, *Kemkes M.* The Limes / *The Oxford Handbook of the Archaeology of Roman Germany* // Ed. by James S., Krmnicek S. Oxford University Press, 2020. P. 166-200.

²⁵⁶ *Bidwell P.T., Holbrook N.* Hadrian's Wall bridges... P. 134-136.

Отличительной чертой обоих британских лимесов является сплошная стена вдоль границы. Обычно в качестве линии границы использовали природные препятствия (реки, возвышенности и др.), как, например, в Нижнегерманском лимесе, который пользовался невозможностью незаметного форсирования Рейна сколько-нибудь значимым количеством войск. Очевидно, стена Адриана оказалась эффективной, поскольку ее структура была в целом воспроизведена в более позднем Вале Антонина, хотя и с некоторыми довольно существенными изменениями (отказ от милевых кастелей и других элементов структуры и увеличение количества фортов).

2.6. Между стенами: особенности смены границ

Одной из уникальных особенностей системы организации северной границы Британии является сосуществование двух стен. Эта особенность заставляет поставить вопрос о том, что находилось между ними, что представляло собой пространство между Валами Адриана и Антонина.

Такая постановка проблемы не нова, однако исследований, посвященных этой теме, не так много. Это отчасти связано с недостатком источников, пригодных для проведения полномасштабного исследования. В нашем распоряжении нет письменных свидетельств на этот счет, помимо уже неоднократно упомянутых строк из *Historia Augusta*. Они, впрочем, тоже недостаточно информативны. Еще одна проблема заключается в том, что основная масса исследований, посвященных изучению провинции, сосредоточена на обнаружении и анализе археологических данных. Их наличие или отсутствие напрямую коррелирует с теми знаниями, которые есть в нашем распоряжении, и часто это разрозненные данные раскопок, проводившихся для более подробного разбора и рассмотрения отдельных деталей, связанных с устройством границ и комплексом укреплений или же их окружения. В отсутствие комплексного рассмотрения системы двух пограничных линий наиболее проблемной оказывается зона, находящаяся между стенами. До сих пор она остается наименее изученной, и подобная

ситуация не в последнюю очередь связана с проблемами административного характера. Эти проблемы возникают по причине расположения этой зоны на стыке границ современных Англии и Шотландии. Следствием этого являются не только вопросы правильного определения юрисдикции и проблема распределения зон интересов между регионами и округами, между научными экспедициями различных университетов и исследовательских центров. Таким образом, полномасштабное изучение интересующего нас региона возможно лишь при объединении усилий научных учреждений двух частей Великобритании (что возможно, но сопряжено с целым рядом административных и бюрократических трудностей, которых из-за особенностей современной британской внутренней политики не становится меньше). Кроме того, изучение этой территории возможно по различным косвенным свидетельствам, которые происходят из близлежащих земель или даже из отсутствия таковых. И пусть все литературные источники, имеющиеся в нашем распоряжении, остаются немые в отношении интересующего нас периода двойственного фронта, сам факт наличия двух границ говорит о том, что процесс перехода не мог не случиться, а значит и земли между стенами в течение какого-то периода времени — пока шёл процесс смены границы — должны были существовать в новом для себя положении.

Рассмотрение процесса смены границ позволяет взглянуть на проблему сосуществования идеологии и исторической реальности, в которой эта смена происходила. Процесс перемен не был однородным, поэтому мы предлагаем разделить его на несколько периодов.

Во-первых, это принятие решения о создании новой границы и начало ее проектирования и строительства. **Во-вторых**, это оставление прежней границы и переход на новый рубеж с учетом новых внешних обстоятельств. **В-третьих**, это процесс возвращения на старую границу. На каждом из трех периодов следует остановиться отдельно, поскольку в каждый из них северные территории имели разный статус.

2.6.1. Проектирование и строительство новой границы

Процессу утверждения плана создания новой границы и воплощению его в жизнь сопутствовали как внутренние (те, что касались принятия решений), так и внешние (например, природные) обстоятельства, которые необходимо было принимать во внимание при строительстве. Среди внутренних можно назвать намерения римлян разместить составные части комплекса границы в определенных местах (т.е. распределение на местности таких составляющих лимесов, как форты, милевые кастели и сигнальные башни с учетом не только стратегии, но и трудозатратности строительства); необходимость учитывать логистические вопросы, которые бы позволяли армии наиболее быстро и оперативно осуществлять поставки и маневры в случае необходимости; особенности рельефа и выбор определенного места для установления непосредственных пределов провинции, поскольку это во многом зависело от прежних границ и от современной строительству ситуации.

При переносе границы вторая укрепленная линия становилась обновленной версией и заменой предыдущему лимесу — заменой, которая создавалась на многие годы. Об этом свидетельствует масштаб проекта, и также сообщение из *Historia Augusta*, в котором вольно или невольно границы оказываются связаны (Антонин строит именно *новую* стену, что говорит сразу о двух вещах: о преемственности со старым проектом и о монументальности нового). Такое решение должно было укрепить и расширить влияние Рима и увеличить территорию империи. Оно оказывало влияние на социальную жизнь и на характер отношений Рима и жителей завоеванных территорий.

Ранее было выдвинута гипотеза о том, что в результате строительства в Британии должна была сместиться предполагаемая буферная зона с более лояльным местным населением²⁵⁷. Это предположение заслуживает специального рассмотрения, поскольку устройство Вала Антонина с более частым расположением фортов вдоль границы по сравнению с

²⁵⁷ См. Гл. 2. 2.1 о причинах строительства границ. (Breeze D. J. The Antonine Wall. Edinburgh: Historic Scotland, 2015. 210 p)

предшествующей линией кажется его опровержением. В результате строительства пространство между стенами превратилось из прежней буферной зоны, которая смягчала переход между двумя разными мирами, в зону полного контроля Рима. С этим могло быть несогласно население близлежащих территорий.

Наши представления о локализации бриттских племен позволяют с большой долей вероятности предположить, что Вал Адриана создавал буферную зону, расположенную на землях одного из них, бригантов, а после создания новой границы их земли могли оказаться по обеим ее сторонам²⁵⁸. Впрочем, в Британии племенные границы не были строго обозначены, подобно границам, появившимся после римского завоевания, так что сложно сказать, как и чем именно отделялись друг от друга территории общин. Наиболее вероятно, что они проходили по естественным преградам (рекам, долинам и пр.). Ситуация на острове говорит скорее о том, что новые границы, установленные Римом, не совпадали с прежними местными, поскольку все их маркеры связаны исключительно с римскими сооружениями, созданными после создания провинции. Тот факт, что римская граница могла разделять владения одной общины на две части, свидетельствует скорее всего о том, что она не была предназначена для того, чтобы полностью ограничивать перемещение, по крайней мере тех, кто был в союзнических отношениях с бригантами или входил в их число. Если римляне желали сохранить территорию этого племени в качестве буферной зоны и не вступать с ним в конфликт, они должны были учитывать его интересы. Разумеется, это касалось именно дружественных племен и сохранения ими функций «разделителя», в то время как те общины, что оставались за пределами зоны влияния Рима, вероятнее всего были настроены к нему более враждебно. В связи с этим перенесение границы должно было означать либо перемещение

²⁵⁸ Cp. Hanson W. S., Campbell D. B. The Brigantes: from clientage to conquest // *Britannia*. 1986. T. 17. P. 73–89.

буферных территорий, а значит перемену взаимоотношений между Римом и племенами вне провинции и смещение прежних зон влияния, либо изменения характера границы, которая бы теперь оказывалась передовым рубежом экспансии и могла служить плацдармом для дальнейших завоеваний²⁵⁹, а значит должна была отличаться по функциям от первой границы.

Влияние установления четкой границы и создания первой стены на различные провинциальные сообщества можно видеть на примере того, как располагались фермы, виллы римского типа и деревни римско-британского облика²⁶⁰. Их абсолютное большинство оказалось расположено в пределах линии границы, что соответствует сфере распространения римского влияния на острове. Закрепление этой территории за римлянами было также одним из подтверждений стабильности сложившегося уклада. Если же обратить внимание на фермы, которые археологи обнаружили в промежутке между стенами, то можно увидеть, что строительство стены Адриана в первой четверти II века никак не повлияло на число хозяйств, ни в сторону уменьшения, ни увеличения²⁶¹. Такое распределение говорит о том, что стена в этом регионе в первую очередь влияла на военную сферу и то, что было связано с ее функционированием, но не с хозяйственной деятельностью в округе. Однако в дальнейшем ситуация изменилась, и нестабильность, возникшая после переноса стены, сыграла свою роль в долгосрочной перспективе. Первый перенос границы был совершен с изменением уже упомянутой выше буферной зоны, что поместило фермы, расположенные между двумя стенами, внутрь провинции²⁶². Если в бытовом плане это не

²⁵⁹ См. это мнение: *Bruce J.C.* The Wall Book of the Roman Wall [Электронный ресурс] // London and Newcastle upon Tyne, 1983. P. 26; *Perowne S.* Hadrian. London: Hodder and Stoughton, 1960. P. 86–87.

²⁶⁰ *Taylor J.* An atlas of Roman rural settlement in England. Council for British Archaeology (GB), 2007. №. 151. 134 p.

²⁶¹ *Smith A. et. al.* The Rural Settlement of Roman England: Settlement Morphology and Regional Diversity: Establishing A New Model. The Rural Settlement of Roman England: From Regional Perspectives To National Synthesis [электронный ресурс] // York: Archaeology Data Service, 2015 (2018). URL: <https://doi.org/10.5284/1030449>

²⁶² Там же.

повлияло на их существование, то изменился их юридический статус, по крайней мере с точки зрения Рима, что влияло, например, на учет и сборы налогов.

При рассмотрении того, как была выбрана новая граница, следует учитывать, что земли за Валом Адриана, помимо бригантов, принадлежали и другим племенам (сельговам, новантам, вотадинам и некоторым другим). Поэтому, принимая решение о смещении границы дальше на север, римляне должны были учитывать, что это затронет интересы нескольких общин²⁶³, особенно в той ситуации, когда в отличие от Вала Адриана в месте, где провели границу при Антонине, не было более ранних римских пограничных линий, как Стейнгейт. Это, во-первых, указывает на уверенность Рима в своих силах (что не лишено смысла с учетом того, как поступали римляне в Британии в целом, к тому же некая разобщенность местных племен упрощала завоевание), а во-вторых, свидетельствует либо об относительно мирном урегулировании вопроса (об этом говорит отсутствие свидетельств ожесточенных боев и краткое замечание в *Historia Augusta* без подробностей и указаний о победах), либо о том, что завоевание вышеуказанных племен было легкой целью.

При строительстве новой стены с большой долей вероятности земли местных общин оказывались, как в случае с бригантами и Валом Адриана, разделены стеной, так что теперь они находились по разные стороны границы. При этом внешняя их часть должна была войти в новую буферную зону. Однако теперь за этой буферной территорией находились земли более враждебно настроенных по отношению к римлянам каледонцев или так называемых пиктов, о чем свидетельствуют многочисленные упоминания их в античной литературе. Так, например, для Марциала все британцы были *раскрашенными* (“*pictis...britannis*” – Mart. XIV, 99), а авторы латинских

²⁶³ О влиянии границ на местные сообщества см.: *Macinnes L. The impact of the Antonine Wall on Iron Age society* / L. Macinnes // *The Antonine Wall: Papers in Honour of Professor Lawrence Keppie* / Ed. by Breeze D.J., Hanson, W.S. Archaeopress. Oxford, 2020. P. 47–60.

панегириков упоминали о них наряду с иберами (т.е. жителями Ирландии), описывая их как полуголых дикарей («Ad hoc natio etiam tunc rudis et solis [Britanni] Pictis modo et Hibernis assueta hostibus, adhuc seminudis» – «Тогда [бритты] были народом суровым и диким, привыкшим только к своим врагам, полуголым пиктам и ибернам» Panegy. Lat. V, 11), или называли каледонцами, обитающими в лесах и болотах, а не в более подходящих цивилизованным людям городах («...Caledonum, Pictorum aliorumque silvas et paludes...» – «Каледонцев, пиктов и других в лесах и болотах...» Panegy. Lat. VII, 17). Аммиан Марцеллин указывал на то, что они делились на племена («Illud tamen sufficiet dici, quod eo tempore Picti in duas gentes divisi, Dicalydonas et Verturiones, itidemque Attacotti, bellicosa hominum natio, et Scotti, per diversa vagantes, multa populabantur.» – «Это все же следует сказать, что в это время пикты, которые были разделены на два племени, дикалидоны и вертурионы, как и аттакоты, воинственный народ, и скотты, бродившие повсюду, многих грабили» Amm. 27.8,5), то есть не составляли гомогенного сообщества, но большой разницы для римлян между ними не было. Образ диких каледонцев оставался в памяти римлян и намного позже времени завоевания провинции. Все это говорило о непокорности самой северной части острова, несмотря на более ранние попытки завоеваний, и, вероятно, эти представления частично повлияли на выбор места для Вала Антонина.

Возвращаясь к вопросу о принятии решения, а также о планировке и строительстве, следует вновь указать на преемственность сооружений и их схожее символическое значение как в глазах местного населения, так и тех, кто знал о них по рассказам. На это указывает упоминавшийся выше текст *Historia Augusta*. Эта преемственность отражается и в структуре памятника. Если до 1970-х годов было распространено мнение, что Антонинов вал был построен по изначально задуманному плану²⁶⁴, то впоследствии исследование структурных связей между фортами разных размеров и стеной позволило Дж.

²⁶⁴ Macdonald. G. The Roman Wall in Scotland. Oxford: Oxford University Press, 1934. P.162; Robertson A.S. The Antonine... P. 27.

Гилламу предположить, что первоначальный план Вала Антонина был схож с планом Вала Адриана²⁶⁵ и включал шесть больших фортов, расположенных на расстоянии около восьми римских миль (ок. 11,8 км), и малые форты на расстоянии примерно 1,1 римской мили (ок. 1,6 км) друг от друга. Это предположение подтвердилось после обнаружения большего числа фортов, которые были построены одновременно или даже ранее самой стены²⁶⁶. Поэтому те, кто жил в непосредственной близости к первой стене, могли предположить, каков будет облик второй. Разница была лишь в том, что теперь эти люди оказывались внутри стены, а не за ее пределами. Для той же части племен, кто все еще пребывал вне ее пределов, уменьшилось расстояние «до империи», и Рим стал ближе, чем раньше. При этом вторая стена не была копией предыдущей, что было понятно уже на этапе планирования (см. первую главу). Но даже при таком несоответствии идея проведения линии с определенными местами, в которых ее можно было пересечь, сохранялась, и на базовом уровне границы могли действительно восприниматься как схожие.

Таким образом, решение о переносе границы, продумывание новых структур, необходимость учитывать взаимоотношения с местными племенами, чьи территории оказывались бы в новом статусе, — все это сосредотачивало внимание центра на провинции, меняло устоявшийся уклад жизни внутри нее, а также в перспективе определяло дальнейшее развитие событий (то есть отказ от новой границы), которое было прямым следствием того, как был реализован план.

2.6.2. Переход на новый рубеж

В момент, наступивший после перемещения войск на новый рубеж, прежняя буферная зона осталась за спиной у римлян. Теперь их новые укрепления оказывались на «крае» земель, принадлежавших исключительно северным бриттским общинам, которые в отличие от своих южных соседей

²⁶⁵ *Gillam J. P.* Possible changes in plan... P. 51-56.

²⁶⁶ *Hanson W. S., Breeze D. J.* The Antonine Wall... P. 15-18.

находились под меньшим влиянием империи²⁶⁷. Может показаться, что отказ от Адрианова вала был отказом от политики закрытия границ. Римляне, разрушившие свое собственное творение, которое в том числе было символом прекращения завоеваний в этой части острова, продемонстрировали изменение своих намерений. Впрочем, разница была небольшой, поскольку, хоть они и продвинулись на более северные территории, но решили закрыть и новую границу. Однако новая стена теперь не могла казаться границей, которая бы устанавливалась «на века». Она лишь указывала на стремление Рима к достижению новых военных успехов. В такой контекст хорошо вписывается уже упомянутая версия о том, что стены могли использовать в качестве плацдарма для дальнейших продвижений армии на пути к захвату всей территории острова²⁶⁸. Это же подчеркивает скорость принятия такого решения: двадцатилетний период между возведением стен говорит о нестабильности политики империи по отношению к острову даже в течение жизни одного поколения. Причем, если для тех бриттов, которые и так были под властью Рима, существенных изменений не предвиделось, то такое непостоянство не могло не волновать и даже провоцировать внешних соседей империи. Речь идет в первую очередь не о повседневности и быте, на который римляне влияли в меньшей степени, особенно в сельской местности, но о том, как был устроен, например, сбор налогов²⁶⁹, шедших в римскую казну, и также о том, как в новых условиях выстраивались межплеменные контакты. Тем, кто находился в пределах территории провинции (в первую очередь элите, стремившейся занять свое место под солнцем в империи), приходилось теперь также учитывать римское мнение, чтобы не пойти против большой

²⁶⁷ О северных общинах Британии см.: *Cunliffe B. Iron Age communities in Britain: an account of England, Scotland and Wales from the seventh century BC until the Roman conquest*. Routledge, 2004. 752 p.; *Hingley R. Society in Scotland from 700 BC to AD 200* // *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland*. 1993. Т. 122. Р. 7–53.

²⁶⁸ *Bruce J.C. The Waller Book of the Roman Wall*. London and Newcastle upon Tyne, 1983. Р. 26; *Perowne S. Hadrian*. London: Hodder and Stoughton, 1960. Р. 86–87.

²⁶⁹ Более подробно о системе налогообложения см., напр.: *King D. L., Case C. J., Roosa J. L. The comprehensive taxation system existing during the Roman Empire* // *Journal of Business and Accounting*. 2019. Т. 12. №. 1. Р. 64–78.

силы и не оказаться в позиции слабого меньшинства. Наиболее важные решения теперь должны были приниматься с учетом мнения римских властей, что ставило бывших предводителей в зависимое положение, а это в свою очередь могло влиять на их статус.

Вторая стена, расширяя зону римских владений, приближалась к месту, где наиболее остро стоял вопрос неприятия римского могущества. Ее строительство символизировало стремление к овладению всем островом, которое в дальнейшем подтвердится во время правления императора Севера. Несмотря на это, за время существования и функционирования Вала Антонина жизнь внутри стены не менялась. Если обратить внимание на уже рассмотренную карту ферм и деревень, в течение всего II века, то есть времени существования обеих стен, частный быт остался вне военных событий и не зависел ни от возможных сражений, ни от установки и смены границ.

Мы не имеем данных о сложностях, возникавших между местным населением и римскими военными, которые были в глазах бриттских общин носителями чуждой культуры, принесенной на остров. При рассмотрении культурных контактов между Римом и местным населением наибольший интерес представляют предметы быта населения приграничья: обувь, фибулы, гребни, бусины, флаконы для косметических средств и прочие изделия ежедневного пользования. Разнообразие подобных объектов свидетельствует о распространении римских повседневных практик в изучаемом месте. Однако эти объекты не указывают на происхождение, местное или пришлое, их владельцев. В то же время некоторые из них указывают на пол и подтверждают присутствие женщин при Стене Антонина²⁷⁰. Этот факт свидетельствует, если не о намерениях легионеров закрепиться в этих местах, то, по крайней мере, об относительной длительности их пребывания там,

²⁷⁰ Подробнее о подобных находках и присутствии женщин на стене см.: *Allason-Jones L. Women and the Roman army in Britain // Goldsworthy and Haynes, 1999. P. 41–51; Allason-Jones L., van Driel-Murray C., Greene E.M. Roman women in Lowland Scotland // The Antonine Wall: Papers in Honour of Professor Lawrence Keppie / Ed. by Breeze, D.J. Hanson, W.S. Archaeopress. Oxford, 2020. P. 346–365.*

потому как в противном случае мы бы не обнаружили находок, связанных с женским бытом. Налаживание привычного повседневного существования, которое шло рука об руку с установлением и обустройством римских *castra*, касалось легионов и вспомогательных частей и приводило к образованию рядом с военными лагерями *vici*, где как раз могли располагаться женщины.

Смена границы была более заметной еще и потому, что в отличие от большинства других границ империи, она была оформлена впечатляющими укреплениями: наличие двух стен было зримым выражением расширения римских границ, которое должно было производить впечатление на современников – как на местных бриттов, так и на самих римлян. Вместе с тем не стоит забывать, что хоть линии стен и устанавливали контроль над местностью, они не были непроницаемой преградой ни для внешних вторжений, ни для самих римских войск, которые, помимо патрулирования за стенами, осуществляли и более глубокие рейды за границы провинции, поскольку обычно римской тактикой была не оборона из-за стены (кроме совсем тяжелых ситуаций), а ведение боя за пределами лагеря. Именно благодаря подобным вылазкам, а также с учетом распределения племенных территорий, земли, оказавшиеся теперь в пределах новой стены, не были неизвестны солдатам, по крайней мере та их часть, что примыкала к Валу Адриана. Разница между двумя границами была в том, кто населял близлежащие земли. В первом случае это были бриттские племена, которые считались менее враждебно настроенными по отношению к Риму, во втором – каледонцы²⁷¹ и меаты (про них Дион Кассий писал как о живущих у стены, разделяющей остров на две части, не уточняя, о какой стене идет речь: «...οἰκοῦσι δὲ οἱ μὲν Μαλάχαι πρὸς αὐτῷ τῷ διατειχίσματι ὃ τὴν νῆσον δίχῃ τέμνει...» – «... меаты же проживают за той стеной, что разделяет остров навое» Dio LXXVII, 12), которые проявляли большую агрессию и оказывали

²⁷¹ О том, как определяют местоположение каледонцев, см. *Hind J. G. F. Caledonia and its occupation under the Flavians // Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland. 1984. T. 113. P. 375.*

более серьезное сопротивление Риму, представляя тем самым угрозу провинции²⁷². Более поздние авторы отделяли от бриттов, населявших центральные части острова, северные народы пиктов и скоттов. Например, Клавдиан пишет: «venit et extremis legio praetenta Britannis, quae Scotto dat frena truci ferroque notatas perlegit exanimis Picto moriente figuras» («Пришел также и легион, поставленный перед самыми дальними британцами, который обуздывает свирепого скотта и, пока пикт умирает, читает бездыханные фигуры, начертанные железом» – Claud. Bel.Goth. 447-49). Впрочем, отличать их стали много позже строительства стены.

Также следует отметить, какое значение имело продвижение границы для всей империи. В момент, когда римское влияние достигает наивысших масштабов, такое предприятие, как создание второй стены, должно было вписываться в схему римских военно-политических амбиций. Оно же могло служить сигналом к дальнейшим завоеваниям и провозглашать несомненное римское превосходство в местах, прежде недоступных римской власти. Строительство Вала Антонина могло связываться с возрождением идеи о подчинении всего острова, оставленной после ухода к югу с линии Гаск Ридж.

Создание новой границы позволило исправить недочеты предыдущей. Уже отмеченное нами ранее увеличение числа фортов, сопровождавшееся исчезновением милевых кастелей, говорило об отсутствии необходимости в той функции, что они выполняли. В частности, речь идет об уменьшении числа проходов в новой стене, что могло быть свидетельством соседства более враждебного населения. Это, очевидно, приводило к ограничению и без того скудных контактов тех, кто проживал южнее, с теми, кто располагался в зоне нагорья.

Несмотря на создание новой границы, старая стена не была заброшена полностью, хотя ее функционирование и претерпело изменения. Прежде всего, дорога Стейнгейт, проходившая между стеной и валом, оставалась одной из наиболее важных артерий, связывавших запад и восток острова в

²⁷² Breeze D. J. Dobson B. Op. cit. P. 130.

этой его части. В границах Вала Антонина тоже была построена военная дорога, пересекавшая остров, но поскольку она находилась дальше от центра провинции и ближе к периферийной зоне, то имела прежде всего военное значение в отличие от Стейнгейта. Кроме того, прежде существовавший *vallum* был существенно изменен, а часть проходов Адрианова вала оказались свободными для перемещений любого характера, включая и военные, и гражданские²⁷³, а переходы более не контролировались. Однако, несмотря на эти новшества, сложно сказать, насколько сильно изменился поток желающих пересечь прежнюю границу — в нашем распоряжении просто нет данных о перемещениях между границами в целом.

Для военного контингента в провинции изменение границ означало смену дислокации, а вместе с армией должны были перемещаться и гражданские «сопровождающие», обслуживающие нужды армии. Жены, часто уже с детьми, путешествовали вслед за своими мужьями²⁷⁴. Подобные перемещения не были чем-то необычным, однако в данном случае смены формата службы из-за разницы в формате границ могла повлиять на быт военных частей и связанных с ними лиц. Так, одной из главных форм службы на первой стене были караулы в милевых кастелях и башнях, солдат в которые поставляли с большой степенью вероятности гарнизоны фортов²⁷⁵. В их отсутствие на стене Антонина солдаты с большой долей вероятности должны были осуществлять службу без отлучек для несения караула за пределами фортов. Если сравнить, какие части занимали старую и новую стены, мы увидим, что некоторые подразделения были передислоцированы на новое место.

Примером этого является *cohors I Tungrorum*, разместившаяся в форте Каслкэри на стене Антонина, о чем свидетельствует надпись с посвящением

²⁷³ Breeze D. J. Dobson B. Op. cit. P. 90.

²⁷⁴ Речь идет не об официальных женах, поскольку брак солдатам был запрещен, но о женщинах, находившихся в отношениях с солдатами. Подробнее о семейном положении солдат в императорское время см.: Campbell B. The marriage of soldiers under the Empire // The Journal of Roman Studies. 1978. Т. 68. P. 153–166.

²⁷⁵ Hill P. R. Op. cit. P. 76; Mann J. C. Hadrian's Wall West of the Irthing: The Role of VI Victrix // Britannia. 1990. Vol 21. P. 289–292.

императору постройки важной, но точно не определяемой (вероятно, она была частью какого-то значимого комплекса — RIB 2155)²⁷⁶. В одной из надписей из форта Кэрроуборо, расположенного при Вале Адриана, также отмечено их пребывание (RIB 3317). Однако датировка этого памятника основана на чтении [HAD]RIA[NO], которое может атрибутировать надпись не только ко времени правления Адриана. К тому же в надписи из другого форта (Виндоланды, RIB 3364), относящейся к первой половине II в., т.е. вероятному времени правления Адриана, также упоминается эта когорта, в то время как в Кэрроуборо в это же время располагается *cohors I Aquitanorum* (RIB 1550). Исследователи отмечают, что и в надписи из Каслкэри имеется знак, обозначающий тысячу (RIB 2155), который воспринимается как указание на то, что когорта была *milliaria*, а потому в силу своего размера была разделена на две части²⁷⁷. Размещение когорты тунгров в форте Бирдосвальд, по предположению Бриза и Добсона, остается под вопросом²⁷⁸. При этом нам известно об ее размещении в форте Хаусстедс по возвращении на прежнюю границу (RIB 1612, 1618, и т.д.). Похожая ситуация прослеживается и для *cohors VI Nerviorum*, упоминание о которой встречается в посвящении императору из Раф Касл при стене Антонина (RIB 2145), притом, что ее пребывание на стене Адриана спорно²⁷⁹.

Однако большая часть подразделений, размещенных на двух границах, не совпадает²⁸⁰, что свидетельствует о том, что речь не может идти о простой передислокации подразделений с прежней границы, а ситуация была сложнее. Римская армия в целом была довольно подвижной, поэтому переброска войск из одной провинции в другую не был необычным. Отдельно следует отметить, что в отличие от первой стены, на Вале Антонина располагались не только ауксиларии, но и части легионов, что свидетельствует о более сложной

²⁷⁶ Breeze D. J. Dobson B. Op. cit. P. 190.

²⁷⁷ Jarrett M. G. Non-legionary troops in Roman Britain: part one, the units // *Britannia*. 1994. Vol. 25. P. 49.

²⁷⁸ Breeze D. J. Dobson B. Op. cit. P. 259

²⁷⁹ Breeze D. J. Dobson B. Op. cit. P. 259

²⁸⁰ Breeze D. J. Dobson B. Op. cit. P. 256–276.

военной ситуации на севере или даже о вероятной подготовке к дальнейшей экспансии.

Следы присутствия IV легиона были обнаружены в Вестервуде и Крой Хилл, и II — в Ошендейви. И хотя эти свидетельства в большой степени косвенные, они все же могут служить подтверждением длительного пребывания там этих частей, а не просто их участия в строительстве. В случае с VI легионом в форте Вествуд был обнаружен алтарь с посвящением Сильвану и Квадривии от Вибии Пакаты, жены центуриона *Legio VI Victrix* (RIB 3504). Это позволяет предполагать относительно долгое пребывание здесь легионеров, которых сопровождали и их жены. О присутствии легиона в Крой Хилл свидетельствуют строительные надписи (RIB 2161-2163) и алтарь Нимфам от вексилляции легиона под предводительством Фабия Либералиса (RIB 2160). В Ошендейви, в свою очередь, было обнаружено несколько алтарей, посвященных различным богам центурионом II легиона Марком Кокцеем Фирмом (RIB 2174-2177) и алтарь в честь бога Марса от легионера Марка Ал[...] Виктора, наряду с надписями о строительстве от воинов того же (RIB 2280). Таким образом мы видим, что на новой границе, при меньшей ее протяженности, наблюдается качественное и количественное изменение состава войск, видимо, из-за занятости прочих подразделений в других частях провинции или империи, но также из-за более серьезной угрозы извне. Впрочем, несмотря на присутствие легионеров, большую часть фортов на новой границе по-прежнему занимали не легионеры, а вспомогательные части²⁸¹.

Однако при переходе на новую границу происходили не только изменения, многое оставалось неизменным. Повседневный быт на границе (военная служба в фортах, будь то тренировка или выполнение приказов, расположение *vici* при фортах, а значит наличие инфраструктуры, привычной для военных, и т.д.) должен был походить на быт на любой другой границе в империи. Не изменились культовые практики, о которых позволяют судить

²⁸¹ Расположение частей см.: Breeze D. J. *The Antonine...* P. 193.

эпиграфические тексты. Впрочем, это естественно — несмотря на некоторые локальные особенности, в целом это был один из лимесов империи, и смена его локализации не изменила этой ситуации.

Переход войск на более дальнюю границу и расширение территории провинции также оказали влияние на развитие ее центральных частей. Эти изменения касались прежде всего римской верхушки и близких к ней представителей местного населения. Первым было необходимо перестраивать логистику и организовать сбор налогов и распределение ресурсов на новых территориях, а вторых — учитывать новый баланс сил в регионе.

2.6.3. Восстановление прежней границы

Возвращение на Адрианов Вал и восстановление прежней границы показало, что линия, выбранная в первой четверти II века, оказалась более подходящей и удобной для организации границы на острове. К тому же она лучше соответствовала реальной расстановке сил, отделяя земли, население которых было лояльно по отношению к Риму, от тех, где сопротивление было более активным. Отступление на прежние позиции также можно рассматривать как свидетельство в пользу необходимости буферной зоны и сложностей существования границы при отсутствии этой зоны. Опыт предыдущих лет показал, что стена, используемая как преграда, не может заменить буферной зоны. Наличие относительно лояльного населения в этой буферной зоне предпочтительно прямому соседству с исключительно враждебным населением. Таким образом, легионы и вспомогательные части должны были занять прежние позиции, распределившись вдоль «новой старой границы», для предотвращения или своевременного подавления активных военных действий потенциальных противников и возврата на более безопасные позиции.

Характер и режим организации военной службы на стене, по всей видимости, оставался прежним, поскольку в течение предыдущего периода существования границы оказался подходящим для обеспечения всех ее

функций. Мы не имеем информации о крупных поражениях в битвах, вследствие которых римляне были бы вынуждены отступать. Напротив того, в 155 г. была отчеканена монета с изображением фигуры персонифицированной Британии (RIC3, 934), образ которой интерпретируют или как изображение печальной женщины, оплакивающей поражение Британии от римских войск, или как изображение спокойной и расслабленной женщины, символизирующей мир в провинции²⁸². В любом случае речь не идет о военных трудностях для римлян; нет и никаких археологических свидетельств, подтверждающих, например, бунт или восстание. Так или иначе, возвращение на старую границу не упоминается в сохранившихся сочинениях античных авторов и, видимо, не было важным событием общеимперского масштаба.

Возвращение на стену Адриана повлекло за собой проведение масштабных ремонтно-восстановительных работ, а также передислокацию и расквартирование здесь воинских частей. Согласно эпиграфическим данным, в фортах при стене Адриана вновь не размещались vexillarii легионов. При этом, кроме *cohors I Hamiorum*, пребывание которой в Карворане подтверждается во время правления Адриана и Марка Аврелия²⁸³, прочие подразделения сменили места дислокации, что означало полную смену контингента, охранявшего границу.

На гражданское население территорий между стенами этот отход повлиял так же не сразу, как и первое изменение границы. Данные археологии свидетельствуют о сокращении количества хозяйств к началу III в.²⁸⁴ Особняком стоят поселения и фермы, возникшие уже в III в. у стены. Однако во II в., изучение которого является предметом нашей работы, ситуация была другой: число поселений, если и сокращалось, то медленно.

²⁸² *Toynbee J.* Britannia on Roman coins of the second century AD // *The Journal of Roman Studies*. 1924. Т. 14. №. 1–2. P. 147.

²⁸³ *Breeze D. J. Dobson B.* Op. cit. P. 229

²⁸⁴ Alex Smith (2015) Chronology maps 3rd Century AD - The Roman Rural Settlement Project (Приложение 1)

Кроме сельских поселений можно также обратить внимание на географию распространения находок римских денариев конца II – начала III вв. в землях к северу от стены Адриана. Их ценность заключается в том, что римские монеты в этом регионе встречаются только после прихода римлян, в то время как в более ранних памятниках железного века подобных находок не обнаруживается²⁸⁵. Это свидетельствует о начале контактов с римлянами только после прямого столкновения с ними, в отличие от центральных частей острова, население которых было больше связано с материком, откуда монеты, очевидно, поступали до начала завоевания острова.

Клады римских монет обнаружены по большей части в местах, не связанных напрямую с военными римскими поселениями, что свидетельствует о начале их обращения в местных общинах в результате усиления контактов с Римом²⁸⁶. В то же время интерпретация этих находок, обычно именуемых кладами, вызывает дискуссии. Часть исследователей считает их именно кладами и связывает их появление с нестабильностью, порождённой военной опасностью на провинциальном пограничье²⁸⁷. Другие исследователи интерпретируют находки монет в болотистых землях как подношения богам, указывая, что серебро особенно ценилось в кельтской культуре, представителями которой считаются общины Каледонии²⁸⁸.

²⁸⁵ Robertson A.S. The Romans in North Britain: The Coin Evidence // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*; Teil 2. Principat; 3: Teil 2. Principat: [Politische Geschichte (Provinzen und Randvölker: Allgemeines; Britannien, Hispanien, Gallien)] / Ed. by Temporini I. Walter De Gruyter, 1975. P. 364-426.

²⁸⁶ Hunter F. The lure of silver: denarius hoards and relations across the frontier // *Understanding Roman Frontiers* / Ed. by Breeze D.J, Jones R.H., Oalton I.A. Edinburgh, 2015. P. 264

²⁸⁷ Millett M. Treasure: interpreting Roman hoards // *Theoretical Roman Archaeology Journal*. 1995. P. 99–106; Johns C. The classification and interpretation of Romano-British treasures // *Britannia*. 1996. T. 27. P. 1–16; Об отдельном кладе-посвящении из Киппилоу см. Hunter F. Celtic art in roman Britain // *Rethinking Celtic Art* / Ed. by D. Garrow, C. Gosden, J.D. Hill. Oxbow books, 2008. P. 129–45.

²⁸⁸ Hunter F. The lure of silver: denarius hoards and relations across the frontier // *Understanding Roman Frontiers* / Ed. by Breeze D.J, Jones R.H., Oalton I.A. Edinburgh, 2015. P. 263; Bursche A. Function of Roman coins in Barbaricum of Later Antiquity. An anthropological essay // *Roman Coins outside the Empire, Proceedings of the ESF/SCH Exploratory Workshop* / Ed. by A. Bursche, R. Ciołek, R. Wolters, R. Radziwiłł Palace, Nieborów (Poland). 2005. P. 3–6.

Что касается происхождения этих монет, то речь может идти не только о торговле. В период сокрытия этих кладов получает распространение покупка Римом лояльности местных общин. Так, например, Дион Кассий сообщал о том, что римлянам пришлось «выкупать мир у меатов (которые проживали рядом с каледонцами) за крупную сумму» (μεγάλων χρημάτων τὴν εἰρήνην παρὰ τῶν Μαιατῶν ἐκπρίασθαι – Dio LXXVI (LXXV), 5). Такая практика была распространена и на других приграничных территориях, что подтверждается аналогичными находками²⁸⁹.

Надо отметить, что Вал Адриана никогда не был полностью заброшен и продолжал использоваться и после строительства стены Антонина, о чем свидетельствуют данные эпиграфики. Например, надпись RIB 1132 из Корбриджа датируется 155-159 гг., а надпись RIB 2110 из форта Бирренс – 158 г., т.е. периодом, когда стена Антонина еще функционировала, а Адрианов Вал, на первый взгляд, должен был быть оставлен. Сюда можно добавить RIB 1322 из Pons Aelius, RIB 1330 из Бенвелла (Condercum), RIB 3320 и 3321 из окрестностей башни 33b; вероятно, тем же временем датируются и надписи RIB 3300 из Честерс, RIB 1957 из Бирдосвальда или RIB 3347 из Виндоланды и другие. Соответственно, можно утверждать, что старые форты при Вале Адриана продолжали функционировать. В связи с этим следует напомнить, что похожая картина существовала и в предыдущий период. Еще до строительства Вала Адриана на линии Стейнгейт функционировало, как минимум, несколько фортов²⁹⁰, и они продолжали использоваться и после его строительства. В них могли размещаться войска, они могли контролировать

²⁸⁹ Подробнее см. *Hunter F.* Silver for the Barbarians: Interpreting Denarii Hoards in North Britain and Beyond // *Roman Finds: Context and Theory: Proceedings of a Conference Held at the University of Durham* / Ed. by R. Hingley, S. Willis. Oxbow Books Limited, 2007. P. 214–227; *Holmes N.* Two denarius hoards from Birnie, Moray // *British Numismatic Journal*. 2006. T. 76. P. 1–44; *Lind L.* Roman denarii found in Sweden. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, distributor, 1979. 148 p.; *Todd M.* The Falkirk hoard of denarii: trade or subsidy? // *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland*. 1987. T. 115. P. 229–232; *Berger F.* Roman coins beyond the northern frontiers: some recent considerations // *Coin finds and Coin use in the Roman World* / Ed. by King C.E., Wigg D.G. Berlin, 1996. P. 55–61; *Bursche A.* Op. cit.

²⁹⁰ Среди них Виндоланда (основана ок. 85 г.), Карворан (ок. 120 г.), Кория (ок. 80-хх гг.).

близлежащие территории, которые еще недавно были приграничными, их гарнизоны могли поддерживать инфраструктуру при Стейнгейте, которая оставалась одной из главных «артерий», соединяющих различные части острова. Таким образом, разговор о влиянии стен на окружающее их пространство возможен только при условии, что они рассматриваются не по отдельности, а как части одной системы.

Итак, замысел создания новой границы и его воплощение относятся ко времени, близкому к переходу власти от Адриана к Антонину Пию. Этот замысел Антонина Пия стал продолжением политики предшественника по созданию границ лимесного формата. Но в то же время принятое новым императором решение шло вразрез с отказом Адриана от дальнейшей экспансии в этом регионе, передвигая границу на север. На практике переход с одной пограничной линии на другую привел к изменению ситуации на севере провинции, включая изменение характера или даже исчезновение буферной зоны, что в дальнейшем привело к новому отказу от экспансии и возвращению на более стабильную и безопасную границу времен Адриана.

Сооружение стен сделало границы более осязаемыми для местного населения. Появление на линии горизонта хорошо видимой издалека стены, представляло собой зримый символ отделения провинции от внешнего, «варварского» мира. Изменились и практические возможности передвижений в пограничной области: переходить границу теперь стало возможно только в определенных, контролируемых римской властью, точках. Привычные для местных жителей доримского времени пути заменились на римскую систему дорог, на которых в том числе появились пункты сбора пошлин. Появление этих пошлин, предполагавшее учет передвижений и контроль путешественников, по всей видимости, было для местных жителей более значимым новшеством, чем строительство самих оборонительных сооружений.

К этим прагматическим следствиям добавлялось и идеологическое: само наличие пограничных укреплений ярко свидетельствовало о том, кто был отныне главенствующей политической и военной силой на острове.

ГЛАВА 3. ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР

3.1. Жизнь на границах

После создания укреплений на границах при Вале Адриана и Вале Антонина сложилась также и инфраструктура, в принципе характерная для основных римских военных поселений. При этом комплекс, построенный южнее, получил ее в более развитой форме, поскольку время его непосредственного функционирования составляло больший период в отличие от северного соседа. Рассмотрение этой инфраструктуры, и в целом реконструкция жизни в приграничных укреплениях, позволяют нам глубже изучить общую ситуацию на краю римской провинции во II веке, а также с еще одной стороны посмотреть на то, как идеологические предпосылки создания границ отражались на повседневной жизни провинции.

Благодаря археологическим изысканиям исследователям прежде всего удалось определить основные границы фортов Адрианова и Антонинова валов. С расширением площади раскопок и ростом числа полевых работ удалось пролить свет не только на то, что происходило внутри и как была устроена система римского пограничного лагеря, но также и на особенности жизни канаб и окрестных территорий. Отметим, что размеры этих территорий вполне сопоставимы (а порой даже превышают) площадь военной застройки и зачастую предоставляют учёным намного больше материала. Их исследование позволяет гораздо лучше представить, как в повседневной жизни происходило взаимодействие военной и гражданской сфер. Находки извне могут принадлежать как жителям фортов, так и тем, кто просто находился рядом с ними, и лишь некоторые особенные артефакты мы можем атрибутировать однозначно. Такие территории отражают специфику самой стены, которая была линией соприкосновения разных культур и разных видов социальной организации, определяющей новые условия, в которых это соприкосновение осуществляется.

Хоть строительство Адрианова и Антонинова валов часто связывается в основном с римскими легионами, часть работ по созданию стены и дальнейшую службу на ней несли вспомогательные части. Они же поддерживали пограничные сооружения в порядке, и им, в свою очередь, помогали гражданские жители *vicī*, располагавшихся вокруг фортов. Ауксиларии проживали в фортах при стене и оттуда же, по всей видимости, отправлялись в патрулирование или на несение вахты в милевых кастелях и башнях²⁹¹.

Помимо осуществления военных функций, непосредственно связанных со стратегически важными составляющими границы: военными укреплениями или пунктами контроля, — пребывание на стенах, а точнее при них, подразумевало и множество других аспектов, помимо чисто военного: здесь развивалась торговля и земледелие, и гражданские поселения представляли ту часть границы, где шла обычная повседневная жизнь, хоть и неразрывно связанная с римскими военными подразделениями, расквартированными в тех местах. Именно поэтому среди раскопанных зданий мы находим не только принципы, казармы, зернохранилища, по которым иногда вычисляют вероятную численность размещенных войск, но также храмы, бани и рынки²⁹². Благодаря различным находкам, связанным с этими объектами, мы можем представить себе более полную картину того, какую роль стены играли в жизни провинции и контактах между разными группами населения распространяющейся империи.

Неотъемлемым элементом существования римской армии были религиозные практики: об этой стороне жизни гарнизона Стен свидетельствуют находки культового характера. Среди них особенно интересны посвящения, алтари и святилища, дающие представление о том,

²⁹¹ Breeze D. J., Dobson B. Op. cit. P.156.

²⁹² Например, Пол Бидвелл обсуждает поставки и связывает изменения зернохранилищ с изменениями численности войск Bidwell P. The external supply of pottery and cereals to Antonine Scotland // The Antonine Wall: Papers in Honour of Professor Lawrence Keppie / Ed. by Breeze, D.J. Hanson, W.S. Archaeopress. Oxford, 2020. P. 265–286.

кому поклонялись расквартированные в этих местах подразделения. Показательно, что среди богов обнаруживаются как римские, так и местные божества, а также, по всей видимости, божества тех общин, представители которых служили в этом месте. Здесь особенно характерны смешанные посвящения, иллюстрирующие феномен *Interpretatio Romana*: такие, как алтарь из Хаустедс (*Vercovicum*) с перечислением имен Марса, Юпитера и кельтского божества Кокида (RIB 1583). Это явление не было чем-то экстраординарным, но было вполне распространено²⁹³, что свидетельствует о непротиворечивом сосуществовании в религиозной сфере различных культовых традиций.

Схожую картину естественного и повседневного взаимодействия различных культур выявляют и находки т.н. мелких предметов (*small objects*), в число которых входят украшения, остатки предметов одежды и бытовых приспособлений. Эти вещи показательны прежде всего тем, что связаны с обыденными жизненными практиками: скажем, с приготовлением пищи или формами досуга. При этом они способны помочь в определении того, что теперь принято называть идентичностью — а именно на то, к какой традиции и культуре принадлежали и относили себя пользовавшиеся ими люди. Кроме того, эти находки способны выявить масштаб обмена и торговли предметами, исходно нехарактерными для региона (причем в данном случае граница провинции не была четкой линией разграничения для такого рода обменов)²⁹⁴. В итоге, по данным предметам в какой-то степени можно оценить соотношение в повседневном обиходе элементов римской культуры и местных (кельтских) традиций, которые продолжали присутствовать на

²⁹³ Религия в римской Британии подробно обсуждается в *Henig M. Religion in Roman Britain*. London: Routledge, 1984. 264 p.; *Irby-Massie G. Military Religion in Roman Britain*. Brill, 2018. 391 p.; *Haynes I. P. The Romanisation of Religion in the Auxilia of the Roman Imperial Army from Augustus to Septimus Severus // Britannia*. 1993. Т. 24. Р. 141–157; *Webster J. Interpretatio: Roman word power and the Celtic gods // Britannia*. 1995. Т. 26. Р. 153–161 и др.

²⁹⁴ Подробнее о малых предметах у *Eckardt H. Objects and Identities: Roman Britain and the North-Western Provinces*. Oxford University Press, USA, 2014. 214 p.

острове, несмотря на смену политического режима и изменения в характере управления и контроля территорий²⁹⁵.

Естественной частью жизни на границах было присутствие там женщин, матерей, сестер или спутниц, следовавших за своими мужьями, нередко с детьми. И если до недавнего времени эту тему в провинциальной археологии затрагивали редко, в настоящее время она стала одной из центральных, в том числе и в контексте гендерных исследований²⁹⁶. Этому способствовало обнаружение немалого числа археологических свидетельств, позволяющих судить о присутствии и роли женщин в регионе. Так, например, в форте в Грейт Честерс (Aescia) на Вале Адриана сохранилось надгробие, установленное Элию Меркуриалу его сестрой Вакией (RIB 1742), в Бирренсе при Вале Антонина Флавия Баэтика хоронит своего мужа Афутяна, сына Басса (RIB 2115), а близ форта Рисингэм (Habitancum), расположенного к северу от Вала Адриана, было обнаружено надгробие, установленное Дионисием Фортунатом для своей матери Аврелии Лупулы (RIB 1250). Также на линии Вала Адриана можно отметить надгробие Дагвальды, установленное женой Пусинной (RIB 1667), причем отдельно следует отметить, что на нем упомянут не только собственно факт брачного союза, но и женское имя, вероятно, местного происхождения, известное и по другим надписям на территории острова (RIB 612, 1829). При раскопках в Хаустедс и Волсэнде III в. было обнаружено, что внутри форта на смену общим казармам приходят отдельные дома, что можно считать свидетельством предоставления воинам больших возможностей для частной жизни: совместному проживанию сослуживцев всё чаще предпочитают пребывание с семьей²⁹⁷. Вероятно, это предположение связано с разрешением для солдат вступать в брак в 197 г.,

²⁹⁵ Hunter F. Celtic art in roman Britain // Rethinking Celtic Art / Ed. by D. Garrow, C. Gosden, J.D. Hill. Oxbow books, 2008. P. 129–45.

²⁹⁶ Среди наиболее подробных исследований следует назвать работу Линдси Алласон-Джонс. Allason-Jones L. Women in Roman Britain // A companion to women in the Ancient world. Oxford: Blackwell Publishing, 2012. P. 467–77.

²⁹⁷ Подробнее см.: Daniels C. M. Excavations at Wallsend and the fourth-century barracks on Hadrian's Wall // Roman Frontier Studies / Ed. by W.S. Hanson, L.J.F. Keppie. Oxford, 1979. T. 71. P. 73–93.

однако сложно представить, чтобы каждый ауксиларий или легионер имел бы свой дом, и поэтому, возможно, это зависело от статуса или достатка.

Подобные свидетельства также говорят об активном взаимодействии культур на территории римского пограничья. Понятно, что часть жителей *канаб* и *вигов* (поселений близ лагерей, где проживало гражданское население) с большой долей вероятности происходила из местного населения и постепенно смешивалась с теми, кто пришел из другой части империи, заключая браки, создавая семьи (о чем, в частности, позволяют судить и сохранившиеся в надписях имена) или просто регулярно сталкиваясь с ними в простом повседневном общении. Более того, новые воины во вспомогательные части набирались ежегодно из местных жителей без гражданства. В результате через два-три десятка лет они целиком состояли из местных бриттов, получавших гражданство после выхода в отставку, и бывших бриттами по рождению и римлянами по статусу. Это было естественным следствием распространения римской власти, а с ней и всего римского вообще, но в условиях пограничья до некоторой степени становилось элементом идеологического облика границы как линии, не только разъединяющей, но и связующей.

Говоря в целом об изменениях в жизни приграничья во II веке, следует учесть демографические изменения в этих местах. Так, например, форты и их численность могут говорить о том, какое количество воинов служило на границе, однако не стоит забывать и об инфраструктуре, которая создавалась вокруг фортов для обеспечения привычной жизни легионов. Вновь возникающие *vici* вокруг римских фортов привлекали гражданское население в прежде не заселенные области, или по крайней мере, заселенные куда меньше, чем было необходимо для экономического обеспечения расквартированной в них армии.

Разумеется, подобный прирост населения должен был сказаться на использовании местных ресурсов и в целом развитии данных территорий. Менялся и масштаб непосредственного взаимодействия Рима с местным

населением в различных сферах жизни, в частности, например, в военной. Здесь прежде всего показательны эпиграфические данные об участии уже упомянутых племен катувелланов, думнонов и дуротригов в строительстве стены Адриана (RIB 1672, 1673, 1843, 1844, 1962, 3376 и пр.). Такое сотрудничество наверняка оказывалось выгодным и плодотворным для обеих сторон, а то, что масштаб его был значительным, подтверждает, как кажется, и позднейшее свидетельство Беда Достопочтенного, утверждавшего, что именно бритты вызвали римлян на подмогу для строительства стен (*Hist. Angl.* I, 12). Понятно, что «Церковную историю англов» от интересующих нас событий отделяет более пяти веков, и такая интерпретация прежде всего говорит о специфике средневекового источника, его цели и приоритетах, но все же не следует забывать, что Беда ориентировался в том числе и на античных авторов²⁹⁸. Если усматривать здесь, пусть и косвенную, преемственность традиции, то можно предположить, что превращение бриттов в инициаторов строительства стен является отголоском их реального и значительного участия в их возведении.

Интересным источником, демонстрирующим особенности взаимодействия Рима с местным населением в процессе постройки стен, является надпись со стены Антонина — надгробие Нектовелия, сына Виндекса, из племени бригантов, в котором упоминается его служба в *Cohors II Thracum* (RIB 2142). Имя сына имеет кельтское происхождение, его этимология неясна, в то время как в имени отца, также кельтском, вычленяется корень “*uindo-*“, вероятно, означающий «ясный», «светлый»²⁹⁹. Сам факт упоминания о службе представителя местного населения в римской армии ожидаем и не представляет ничего необычного: набор в ауксии всегда осуществлялся на местах. Однако в контексте наших рассуждений показательно, что надгробие датируется промежутком между 140 и 165 гг. н.э.,

²⁹⁸ См. 1 главу.

²⁹⁹ Celtic Personal Names of Roman Britain (CPNRB) [Электронный ресурс]: URL <https://www.asnc.cam.ac.uk/personalnames/details.php?name=510>

соответственно, можно предположить, что Нектовелий принимал участие в создании стены Антонина или нес службу на новой границе в самом начале ее функционирования. Впрочем, следует заметить, что применительно к стене Антонина этот случай упоминания происхождения, племенной принадлежности и кельтского патронима является скорее частным примером (хотя очевидно указывает на наличие подобных случаев), особенно в сопоставлении со стеной Адриана, где в различных записях о строительстве упоминаются не просто отдельные представители местного населения, но целые общины.

Интересные свидетельства того, как протекала жизнь на приграничных территориях, но в большей степени для римской (или, как минимум, латиноязычной) части населения, стали обнаруженные близ Виндоланды предназначенные для одноразового использования таблички из тонких пластов древесины, с надписями римским курсивом. При использовании кусочки размером около 20х8 см надрезали и складывали пополам. Форт Виндоланда был построен еще в конце I века, и поэтому большинство табличек датируют временем до создания стены, однако некоторые из них относят к периоду после 120 года, что дает возможность их связать с возникающей в то время пограничной линией. Более того, даже вне зависимости от точной датировки, этот корпус в целом дает много полезной для нас информации, поскольку изначально форт располагался на удалении от центра и вблизи на тот момент, пусть более гибких, но все же границ провинции, считаясь при этом одним из наиболее важных фортов в системе Стейнгейт. Именно поэтому содержание табличек дает представление о специфике жизни в условиях пограничья в этих местах³⁰⁰.

³⁰⁰ Важную роль табличек в изучении провинции подчеркивают, например, *Bowman A., Thomas J. D. The Vindolanda Tablets. London, British Museum Press, 1994. 157 p.*; *Bowman A. K., Thomas J. D. The Vindolanda writing tablets and their significance: an interim report // Historia: zeitschrift für alte geschichte. 1975. №. H. 3. P. 463-478*; *Birley R. Vindolanda: extraordinary records of daily life on the northern frontier. Vindolanda Trust, 2005. 112 p.*

Дошедшие до нас тексты можно поделить на два основных типа: военно-административные и частные. Первый тип текстов содержит сведения о том, какие части были расквартированы в форте (I cohors Tungrorum, III cohors Batavorum, IX cohors Batavorum) за то время, что использовали эти таблички, и приводит разнообразные должности военных, состоявших в переписке с кем-то извне, либо находясь внутри самого форта. Кроме того, в текстах встречаются описания дислокации войск, поставок и распределения продовольствия и снаряжения (Tab. Vindol. 180) или даже сведения о судебных разбирательствах и информация о проведении ценза (Tab. Vindol. 304). Ко второй группе можно отнести частную переписку, где могут быть упомянуты не только военные чины, но также родственные связи (Tab. Vindol. 180, 344), сведения о рабах (Tab. Vindol. 301-303, 347); наконец, встречаются и просто записки к друзьям, одним из наиболее знаменитых примеров чего является приглашение подруги на день рождения женой одного из командиров неизвестного форта, располагавшегося поблизости (Tab. Vindol. 622). В этой переписке отражена повседневность, напрямую не связанная с военной сферой, хотя статус и род занятий большинства авторов и адресатов таких писем всё равно помещают их содержание в военный контекст. Но все же эта табличка рассказывает прежде всего о формах, которые приобретал на северных границах провинции характерный для римской культуры *otium* «досуг».

Что касается этнической принадлежности упомянутых в письмах представителей этого общества, то следует отметить наличие в табличках имен различного происхождения. Германские или латинские имена позволяют судить о составе и континентальных источниках комплектования римской армии, в то время как бриттские (или кельтские) имена скорее говорят о том, как местное население встраивалось в новую структуру общества. Характерным примером служит рекомендательное письмо (*litterae commendaticiae*), относившееся, по всей видимости, к воинской карьере бритта, о чем говорит романизированное кельтское имя Brigionus, который

должен был оказаться в рядах римских вспомогательных когорт (Tab. Vindol. 250). Кроме того, в текстах таблиц встречались характеристики бриттов, что свидетельствует об интересе римлян к тем, кого они не считали вполне *своими*, либо, что также вероятно, о конкретной заинтересованности в их рекрутировании (Tab. Vindol. 164). Таким образом, в Виндоланде мы находим примеры достаточно тесного взаимодействия Рима с местным населением в приграничной части провинции, и, вероятно, схожая картина наблюдалась и в других фортах при стене, так как на общем фоне Виндоланда ничем принципиально не выделялась.

Впрочем, сложившиеся подобным образом общности оставались в некотором роде узкоспециализированными, поскольку их существование полностью зависело от того, как проходила жизнь форта, и в отсутствие необходимости, как например, с отходом с одной или другой стены, жизнь прекращалась и вокруг форта, что естественным образом вытекает из изначального утилитарного предназначения подобных поселений.

Еще одной из форм взаимодействия было создание *civitas* по римскому типу, как в Ветуламии или Каллеве, или взаимоотношения с уже существовавшими поселениями. Однако подобные действия римской стороны можно считать успешными лишь в центральных областях, захваченных в числе первых и наиболее удаленных от границ. Эта картина особенно ярко проявляется при рассмотрении карты³⁰¹ римских строений в прифронтирной зоне. Абсолютное большинство комплексов поселений связано с армией, в то время как римские виллы – важное свидетельство распространения римского образа жизни и хозяйствования – практически не встречаются³⁰². Более того, в промежутке между стенами не было обнаружено вилл в том формате, как в основной части острова, что доказывает исключительную милитаризованность этого региона. Подобные сравнения позволяют отметить

³⁰¹ Smith A. Op.cit. (Приложение 1)

³⁰² Hingley R. Rural settlement in Northern Britain // A Companion to Roman Britain / Ed. by M. Todd. Oxford 2004. P. 327–348.

специфику приграничного региона, который по своему устройству существенно отличался от остальной провинции, даже в рамках сравнительно небольшой и, что важно, замкнутой территории острова.

Несмотря на вышесказанное, следует отметить, что в некоторых местах между стеной и валом были даже поселения. Примером может послужить Милкинг Гэп (Milking Gap), расположенный в непосредственной близости к стене Адриана, к северу от Хаусстедс³⁰³. Причем данные, полученные при изучении керамики, определили, что поселение было населено во II веке, то есть примерно во время функционирования этого лимеса; оно было застроено круглыми домами, характерными именно для Британии. Так что несмотря на то, что на границах в основном располагалась армия и те, кто были с ней связаны, видимо, для определенной группы населения острова (скажем, для ремесленников или торговцев), и столь близкое расположение к стене могло показаться привлекательным или даже необходимым. Правда, Д. Бриз в одной из своих статей³⁰⁴ специально подчеркивает отсутствие подобных поселений в других местах при стене, так что остается гадать, был Милкинг Гэп исключением (по которому сложно делать далеко идущие выводы о необходимости таких поселений), подтверждающим общее правило, либо остальные пока не обнаружены.

Важной частью населения провинции, служившей неким связующим звеном между различными сферами жизни и разными слоями общества в ней, были ветераны, отслужившие в римской армии³⁰⁵. В отличие от других неэлитных социальных групп, о них мы достаточно много узнаем из эпиграфики (дипломов, надгробий, причем первый тип специфичен исключительно для них, поскольку подобные документы выдавали только ветеранам вспомогательных частей и флота). Вместе со своими женами,

³⁰³ *Kilbride-Jones H. E.* The excavation of a native settlement at Milking Gap, High Shield, Northumberland // *Archaeologia Aeliana*. 1938. Vol. 15. P. 303–350.

³⁰⁴ *Breeze D.J., Dobson B.* The development of the mural frontier in Britain from Hadrian to Caracalla // *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland*. 1973. T. 102. P. 117.

³⁰⁵ Подробнее про расселение ветеранов см. *Mann J. C.* The settlement of veterans discharged from auxiliary units stationed in Britain // *Britannia*. 2002. Vol. 33. P. 183–188.

детьми, а также рабами, на территории империи они обычно жили в колониях. Британия здесь не была исключением: в провинции известно о существовании нескольких ветеранских колоний, например Camulodunum (Colonia Victricensis), Glevum (Colonia Nervia Glevensium)³⁰⁶ и Lindum Colonia³⁰⁷. Образование таких поселений и их дальнейшее развитие также можно рассматривать как один из факторов проникновения римской культуры на остров и организации жизни по римским обычаям. Однако отдельные поселения не были обязательным выбором места проживания для тех, кто завершил свою службу, и они могли также оставаться в *канабах*.³⁰⁸ Например, диплом от 146 года указывает на ветерана I cohors Tungrorum, который остался (или, по крайней мере, его диплом) в Виндоланде, рядом с Валом Адриана, хотя его подразделение после создания Антонинова Вала передислоцировалось в Хаустедс (RIB 2401.09). В свою очередь на стене Антонина сохранился алтарь, посвященный неизвестному божеству Сператом, ветераном Legio VI victrix (RIB I 2151). Здесь интересно, что VI легион с большой долей вероятности располагался в это время в Йорке³⁰⁹, а не в Каслкэри, где был обнаружен алтарь, так что можно утверждать, что ветеран не продолжал нести службу, а просто выбрал данное место для своего проживания. Это обстоятельство важно в контексте существующей дискуссии о том, оставались ли ветераны вблизи места службы или же меняли место проживания в зависимости от различных личных причин. Первой точки

³⁰⁶ Совр. Колчестер и Глостер). Подробнее о колониях см.: *Rivet A. L. F., Smiths C. The Place-names of Roman Britain / A.L.F. Rivet, C. Smiths // Princeton University Press, 1979. P. 312, 368–69.*

³⁰⁷ Подробно о Линдуме (совр. Линкольн) см.: *Jones M. J. Roman Lincoln: Conquest, colony and capital. Tempus, Stroud, 2002. 160 p.*

³⁰⁸ Это вообще было большой редкостью. Ветеранов селили в колониях, наделяя их земельными участками там, если Рим решал основать колонию. Обычно ветераны или возвращались домой, к своим родственникам (и могли там играть важную роль, автоматически входя в элиту благодаря статусу римского гражданина), либо, если связи на родине были утеряны, оставались жить при лагере своего подразделения, в *канабах*. Подробнее см., напр.: *Mann J. C. The settlement of veterans in the Roman Empire: дис. – University of London, 1956. P. 117.*

³⁰⁹ *Keppie L. Legiones II Augusta, VI Victrix, IX Hispana, XX Valeria Victrix // Les légions de Rome sous le Haut-Empire. 2000. T. 1. P. 32.*

зрения придерживается (или, по крайней мере, пытается ее объяснить) известная исследовательница Маргарет Роксан. Она выдвигает предположение, что отсутствие большого количества дипломов после службы (это справедливо также для Британии) может служить доказательством тому, что сами дипломы выдавали только при желании ветерана получить их, поскольку они в основном нужны были для подтверждения своего статуса при переезде, а в случае, если ветеран оставался при месте своей службы, подобные свидетельства не требовались³¹⁰. Однако Александр Мейер опровергает это, поскольку, среди и так небольшого числа дипломов из провинции (17 штук), 5 были обнаружены вблизи мест, где служили поименованные там ветераны.³¹¹ Таким образом, наличие или отсутствие дипломов сложно объяснить их необходимостью для получения привилегий, положенных тем, кто завершил службу.

В любом случае, для нашего исследования наиболее важным оказывается тот факт, что ветераны как отдельная группа представляли собой группу общества, находившуюся на стыке военной и гражданской сфер: значительную часть жизни они провели на службе и только после стали частью мирного населения провинции. С точки зрения межкультурного взаимодействия, их роль могла быть различной. Если после ухода из армии они оставались в месте службы, то демонстрировали возможности перехода из одного статуса в другой в рамках одного пространства, если можно так сказать, проницаемость границы между военной и гражданской сферами. В принципе это же происходило, если они уезжали и в другие места в провинции, увеличивая тамошнее население и при этом одновременно расширяя сферу влияния римской культуры. Правда, их существование в рамках отдельных колоний до некоторой степени сохраняло

³¹⁰ *Roxan M. M.* Observations on the reasons for changes in formula in diplomas circa AD 140 // *Eck and Wolff*. 1986. P. 265–92.

³¹¹ *Meyer A.* Where did all the veterans go? Veterans on the Antonine Wall // *The Antonine Wall: Papers in Honour of Professor Lawrence Keppie* / Ed. by Breeze, D.J. Hanson, W.S. Archaeopress. Oxford, 2020. P. 366–376.

противопоставление римской и местных традиций³¹². Наконец, если они возвращались домой или отправлялись в иные провинции, то, вероятнее всего, служили источником сведений о Британии и в том числе о ее границах. Их рассказы могли подчёркивать значимость стен Адриана и Антонина, делать их известными остальной империи и придавать воздвигнутых на севере рубежам дополнительный символический и идеологический статус.

3.2. Центр и границы провинции

Жизнь на границе представляла собой один из вариантов романо-бриттской культуры, которая с приходом римлян образовалась на острове, но она была лишь частью целого. Несмотря на удаленность от центра, взаимодействие с ним было необходимым и неизбежным; это взаимодействие влияло на то, как развивалась история региона.

При рассмотрении взаимоотношений центра и приграничных территорий нельзя не сказать об устройстве управления провинцией, которое менялось со временем (однако в рамках рассматриваемого периода изменения не были значительными), поскольку именно эта система позволяла удерживать территорию под контролем. С ее помощью принимались частные решения на местах, шел сбор налогов и поддерживалась связь с центром. Будучи императорской провинцией, Британия управлялась наместником, назначенным императором со всей полнотой военной власти. В разных источниках мы можем встретить разные обозначения статуса наместника или префекта, например в литературной традиции можно встретить наименование *consularis* (Тас. *Agr.* VIII, ND *Ос.* I.), *legatus* (Тас. *Agr.* XV) или *legatus consularis* (Suet. *Vesp.* IV, 4)³¹³. В эпиграфических памятниках стандартным

³¹² Особого упоминания заслуживает история городов Главе и Кориния, которые, будучи поселениями ветеранов-граждан, выглядели менее римскими, чем центр общины, населенный по большей части местными жителями. Подробнее см. *Барышников А.Е.* Римская Британия. Rosebud publishing, 2023. С. 250–254.

³¹³ Подробное перечисление должностей см. у *Birley A. R.* *The Roman Government...* P. 9 – 12, который также упоминает названия *legatus pro praetore*, или даже *dux*, по-гречески его

именованием являлось *legatus Augusti pro praetore* (RIB 335, 929, 1463, 1467, 1666, 1702 и многие другие), *consularis* (RIB 88, 233, 602, 725, 1031, 1163, 1599, 1809, и многие другие), *praeses* (RIB 103, 605, 1912; Tab. Vindol. 642, 653) а также различные варианты аббревиатур от них. Разные названия не свидетельствуют о реальных изменениях в статусе этого руководителя, который назначал и управлял остальным штатом (*officium*), включавшим множество разных должностей для отправления военных, бюрократических, экономических и прочих функций³¹⁴. В этот *officium* входило множество военных чинов, число которых по примерным расчетам для такой провинции, как Британия, мог составлять около 300 человек³¹⁵. Представителями региональной власти, то есть власти на отдельно взятых территориях, обозначенных и установленных римскими властями внутри провинции после ее создания, были, например, *centurio regionarius* или *praepositus regioni*³¹⁶.

Некоторой властью были наделены города провинции. До восстания Боудикки основным римским центром можно было считать Колчестер (*Camulodunum*), который к тому же был колонией ветернов и певым городом, основанным римлянами в провинции. Однако после его разрушения иценами столичный статус приобрел Лондон (*Londinium*), так как город стал местом, где располагался прокуратор провинции³¹⁷. В определённой степени центрами власти и развития романо-бриттской культуры являлись и основные места проживания местных общин, ставшие крупными по меркам провинции поселениями городского типа. Хотя они во многом утратили свой политический вес ко II веку, когда Британия стала полноправно римской провинцией, они все же имели голос в принятии решений, прежде всего в том, что касалось местного управления. Тем не менее существенно, что представители местной верхушки, по крайней мере, служили связующим

называли *στρατηγός* (генерал) или *ἄρχων* (правитель). Также см.: *Richardson J. Roman Provincial Administration: 227 BC to AD 117. Bristol Classical Press, 2001. P. 59-78.*

³¹⁴ *Birley A. R. The Roman Government... P. 11.*

³¹⁵ *Mattingly D. An imperial possession... P. 245–246*

³¹⁶ *Ibid*

³¹⁷ *Birley A. R. The Roman Government... P. 12.*

звеном между римской властью и жителями острова. В этой системе заметную роль мог играть *concilium provinciae*, связанный с культом императора³¹⁸. По всей видимости, он представлял собой совет представителей бриттских общин, однако о его конкретной деятельности известно крайне мало³¹⁹. Соответственно, мы можем говорить о двух типах поселений в системе становления и развития романо-бриттской культуры: города, главным образом устроенные в соответствии с чисто римскими традициями (в значительной степени это относилось и к колониям ветеранов, которых речь шла выше), и центры проживания автохтонного населения, в основном сохранявшие местные традиции, однако стремление местной верхушки вписаться в новое устройство общества заставляло ее в значительной мере перенимать и воспроизводить римские обычаи.

В итоге, перед нами открывается картина, обычная для системы провинций империи, где имелся центр с единым управителем, подчинявшимся непосредственно Риму. Там был сосредоточен штат различных управленцев и служащих, которые определяли систему управления на местах, вероятно, оставляя пространство и для самоуправления. Об этом, в частности, говорит обсуждавшееся нами во второй главе перечисление различных племен в свидетельствах о постройке стены Адриана. Во взаимодействии римского центра и местной периферии и формировалась романо-бриттская культура, одним из знаков которой стала граница в виде стены, определявшая пределы этого взаимодействия. Центр был заинтересован в развитии и сохранении политической стабильности, и этим целям должна была служить крепкая граница, способная обеспечить защиту территорий и в то же время быть символом спокойствия и мощи империи. Именно поэтому для центра должно было быть важным поддерживать порядок не только на ближайших территориях, но и в отдалённых землях. Однако, несмотря на всю

³¹⁸ Считается, что это бы представительный орган, члены которого собирались ежегодно для проведения церемоний и играли ключевую роль в религиозной и светской жизни своей провинции. См., напр., *Fishwick D. The Imperial Cult...* P. 161.

³¹⁹ *Birley A. R. The Roman Government...* P. 298–301

разветвленность структуры управления провинцией, мы не имеем свидетельств о том, что существовала отдельная должность по управлению комплексом приграничных укреплений. Источники отмечают, что определенные люди были назначены для строительства, как, например, Лоллий Убрик, ответственный за создание Вала Антонина, но он же был и *legatus Augusti pro praetore* (RIB 1147, 1148, 1276, 2191, 2192). Более того, для создания или проверки хода строительных работ Вала Адриана император лично приезжал на остров, что также указывает на контроль границы со стороны центра. Основная ответственность, видимо, лежала на наместнике провинции, хотя тот не находился непосредственно при стене, как и другие высокие чины в целом. Обеспечение повседневного функционирования границы зависело от военных префектов и центурионов, которые осуществляли непосредственное управление подразделениями, размещенными там.

Один из редких сохранившихся источников об администрировании приграничных земель — два обнаруженных близ Инвереска алтаря с посвящением, которое было сделано имперским прокуратором Квинтом Лузием Сабинианом (RIB 2132, 3499)³²⁰, который был лишь на один ранг ниже по статусу, чем наместник провинции. Мы не располагаем никакой информацией относительно того, в силу каких причин Сабиниан оказался на Вале Антонина, и ситуацию можно назвать нетипичной для прокуратора, однако можно предположить, что скорее всего они были связаны с решением финансовых вопросов, поскольку в ведении прокураторов императорских провинций обычно находился сбор налогов и пошлин или уплата жалования. Тот факт, что установлен был не один алтарь, а два, скорее указывает на длительное пребывания чиновника в этой местности, либо на то, что он

³²⁰ Подробнее см.: *Maxwell G. S.* Two inscribed Roman stones and architectural fragments from Scotland // *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland*. 1984. Vol. 113. P. 379–390; *Hodgson N.* Why was the Antonine Wall made of turf rather than stone? // *The Antonine Wall: Papers in Honour of Professor Lawrence Keppie* / Ed. by Breeze D.J., Hanson, W.S. Archaeopress. Oxford, 2020. P. 300–313.

посещал эти земли, как минимум, дважды. Впрочем, расположение алтарей может говорить и о том, что прокуратор мог просто приказать поставить их от своего имени и оплатить, не посещая окрестности Инвереска. Опять-таки о причинах этого можно только гадать, но вероятным кажется возникновение некой экстраординарной ситуации, решение которой требовало непосредственного присутствия (и присутствия длительного) чиновника высокого ранга. Наряду с уже не раз упоминавшимися личными визитами императора на границу для проведения статусных мероприятий, подобный эпизод также свидетельствует о восприятии границы центром как важнейшей части провинции, порой требующей специального подхода и личного присутствия, особенно в случае нестандартных ситуаций.

Такое внимание центра к положению дел на окраинах провинции и империи в целом все же не подразумевало постоянного присутствия высоких должностных лиц, прежде всего в силу особой роли армии как части строгой и управляемой иерархической системы, на которую и была возложена задача по проведению всех необходимых мероприятий и поддержанию порядка. В этом смысле в рамках романо-бриттской культуры приграничные области оставались в большей степени собственно милитаризованными, на что, в частности, указывает и отсутствие или предельно малое число (описанный выше случай Милкинг Гэп) местных гражданских поселений. Тем не менее, как было показано, сами границы в виде комплексов Валов и прилегающих территорий становились тем местом, где взаимодействие культур шло достаточно активно, особенно в ключевые моменты становления и функционирования этих границ. Именно в это время связь римской власти, основных романо-британских поселений и их развития в центральных областях (на той территории, которую ныне занимает Англия) с границами провинции была наиболее тесной. В остальное же время граница и приграничная жизнь контролировалась изнутри, и повседневный быт выстраивался без оглядки на центр. Однако при этом существующий порядок

был ориентирован прежде всего на военные нужды и армейские порядки, и в этом смысле армия служила своего рода заместителем центральной власти.

3.3. Особенности образа Британии

Решение Империи о возведении стен в Британии некоторые исследователи связывают с тем, что провинция на острове в глазах Рима была на особом счету³²¹. Безусловно, практическим соображением в пользу возведения стен стало активное вооруженное сопротивление местных племен на севере острова, однако кажется, что свою роль сыграло представление о Британии как об особом месте в рамках расширяющейся империи. Стены не только защищали мирную провинцию от враждебных племен — они одновременно будто бы разделяли Рим и весь остальной, то есть варварский в глазах римлян, мир.

По отношению к Британии упоминания о «варварстве», а значит инаковости, встречаются во всех античных текстах, речь в которых шла о провинции, причем в любом контексте. Еще Страбон в «Географии» выделял *нецивилизованные*, с его точки зрения, черты бриттов с помощью описаний наиболее отличных от привычных для его мира вещей, например, жилищ «πόλεις δ' αὐτῶν εἰσινοὶ δρυμοί – их города в лесах» (Strabo IV, 5.2). Они к тому же, были неумелыми или даже отсталыми в хозяйственных делах («τὰ δ' ἔθνη τὰ μὲν ὅμοια τοῖς Κελτοῖς τὰ δ' ἀπλούστερα καὶ βαρβαρώτερα, ὥστ' ἐνίοις γάλακτος εὐποροῦντας μὴ τυροποιεῖν διὰ τὴν ἀπειρίαν, ἀλείρους δ' εἶναι καὶ κηλείας καὶ ἄλλων γεωργικῶν» — «их нравы отчасти схожи с теми, что были у кельтов, а отчасти были более простыми и варварскими, так что при наличии

³²¹ Особенности восприятия острова римлянами выдвигается в качестве одного из главных факторов, приведшего к созданию стен, в работах Бронда и Кларк: *Braund D. Rome and the Friendly King (Routledge Revivals): The Character of Client Kingship*. Routledge, 2014. 234 p.; *Clarke K. An island nation: re-reading Tacitus' Agricola* // *The Journal of Roman Studies*. 2001. Т. 91. Р. 94–112. Более того, подобное отношение сохранялось с течением времени и даже повлияло на мифологизацию образа Британской империи в XIX-XX вв. См. *Hingley R. Britannia, origin myths and the British Empire* // *Theoretical Roman Archaeology Journal*. 1995. №. 1994. Р. 11–23.

больших запасов молока не умеют изготавливать из него сыр, неопытно они и в садоводстве, и в прочем земледелии»). Он называет их слабыми и не представляющими угрозы, связывая это с тем, что они не смогли переплыть море и напасть на римские территории, к тому же подчеркивая нежелание римлян захватывать эти земли за их бесполезностью и отсутствием необходимости («καὶ γὰρ τὴν Βρεττανικὴν ἔχειν δυνάμενοι Ῥωμαῖοι κατεφρόνησαν, ὁρῶντες ὅτι οὔτε φόβος ἐξ αὐτῶν οὐδὲ εἷς ἐστὶν (οὐ γὰρ ἰσχύουσι τοσοῦτον ὥστ' ἐπιδιαβαίνειν ἡμῖν) οὔτ' ὠφέλεια τοσαύτη τις, εἰ κατάσχοιεν» — «ведь, хоть римляне и могли захватить Британию, они пренебрегли этим, видя, что их не нужно бояться (ведь те не были так сильны, чтобы напасть на них, переправившись <через море>) и что от этого не будет пользы, если они захватят <Британию>» (Strabo IV, 5.8).

С этим высказыванием весьма схожи сомнения относительно целесообразности походов Цезаря, содержащиеся еще в письмах Цицерона. Говоря о бриттах в одном из писем к Аттику, Цицерон так же подчеркивает полное отсутствие каких-либо выгод от получения контроля над Британией и добавляет, что жители острова совершенно необразованны («etiam illud iam cognitum est neque argenti scripulum esse ullum in illa insula neque ullam spem praedae nisi ex mancipiis; ex quibus nullos puto te litteris aut musicis eruditos exspectare» — «к тому же уже известно, что на этом острове нет ни скирпула (грамма) серебра, ни даже надежды поживиться, разве что раздобыть рабов; [но] я думаю, тебе не стоит ожидать, что кто-то из них занимается наукой или музыкой» Cic. *Ad Att.* IV, 17.6). Цицерон не видит причин для захвата острова прежде всего ввиду отсутствия там полезных для Рима ресурсов, под которыми он понимал в первую очередь серебро. Но не меньшую значимость несет и фраза о том, что единственная польза — рабы, но даже и они кажутся негодными в силу своей необразованности. Тем самым он указывает на очевидное превосходство римлян в культурном отношении; жители Британии оказываются в его глазах предельным воплощением дикости. Стоит обратить внимание на уверенный тон этого заявления, при том, что сведений о

Британии у римской элиты к этому времени было крайне мало, да и те вряд ли были точными. Конечно, можно считать подобное снисходительное (или даже пренебрежительное) отношение следствием личного восприятия Цицерона, тем более что содержится оно в личном письме другу. Однако скорее всего оно отражает, по крайней мере, один из расхожих взглядов на остров, сформировавшийся к I в. до н.э.

Показательно, что Цицерон при этом говорит как бы о бриттах вообще. Между тем мы знаем, что Британия не была однородной с точки зрения своего населения и единства территории. В течение долгого времени то, что римляне могли воспринимать как общую цель для завоевания, на деле не было общностью. В какой-то момент, возможно, объединение перед лицом общего врага и возникало: так, на это может указывать рассказ Цезаря о том, как он заключал договор лишь с одним представителем от всех общин (*«Eo cum venisset, maiores iam undique in eum locum copiae Britannorum convenerant summa imperi bellicae administrandi communi consilio permissa Cassivellauno»* — «Конда он пришел, отовсюду в это место уже большие силы бриттов пришли в это место, предоставив по всеобщему решению наивысшую военную и административную власть Кассивелауну» *Caes. BG V, 11*). Однако в этом сообщении можно усматривать и реализацию Цезарем собственных представлений о населении острова как о едином противнике, представлений, в чем-то схожих с мнением Цицерона³²². В действительности же отношения между общинами на острове скорее были похожи на противостояние. Подобная картина содержится у того же Цезаря, когда он пишет о том, что бритты в разных областях — представители разных племен (*«Britanniae pars interior ab eis incolitur quos natos in insula ipsi memoria proditum dicunt, maritima*

³²² Следует отметить, что работы Цезаря имеют пропагандистскую направленность, поскольку сам «Записки» явно подчинены общему политическому замыслу, согласно которому в данном контексте образ многочисленных и единых бриттов лучше в качестве противника, чем россыпь разных деревенок и общин. См. *Stevens C. E. The «Bellum Gallicum» as a work of propaganda // Latomus. 1952. Т. 11. №. Fasc. 1. Р. 3–18. Ахуев С. Н. Основные направления пропаганды гая Юлия Цезаря // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2016. Т. 16. № 1. С. 43–49.*

pars ab eis, qui praedae ac belli inferendi causa ex Belgio transierunt...» — «Внутренняя часть Британии заселена теми, про кого, как сохранено в памяти. Были рождены на острове, приморская часть теми, кто ради военной добычи приплыл из Бельгии...» *Caes. BG V, 12*). Такое же деление сохранялось в течение всего периода существования римской Британии. Отдельные личности, такие как Боудикка или Кассивелаун, были представителями или даже правителями разных племенных объединений и боролись с римлянами в первую очередь как с угрозой для их собственного народа.

По мере покорения острова исходное представление римлян о Британии как о некоем едином противнике неизбежно менялось. Это отражалось в том числе и в традиции историко-географических описаний, где особое место занимает Птолемей (*Ptol. Geogr. II, 3, 5-7*), а также некоторые пассажи из «Жизнеописания Агриколы» Тацита (*Tac. Arg. 10, 11, 25, 38*). У них речь уже идет о наличии в Британии различных и неоднородных племен, причем по этим свидетельствам можно было составить своеобразную карту, хоть и не соответствующую современным исследованиям³²³ о том, как располагались эти племена в действительности. Несмотря на это несовпадение и невозможность обнаружить все племена, которые упоминают античные авторы, их данные позволяют представить картину мира, которую видели римляне. Для них Британия была островом, населенным различными племенами. Некоторые из них к моменту создания стен были завоеваны и стали лояльными по отношению к империи. Среди них мы можем назвать бригантов, сельговов, вотадинов, думнонов и пр., занимавших части современных Англии и частично Уэльса и дольше находились в сфере влияния Рима. В то же время сохранялись и те, кто не принял сторону завоевателей, предпочитая продолжать вести военные действия против них. К ним следует в первую очередь отнести племя или союз племен каледонцев. Такая разобщенность в пределах одного острова была схожа с ситуацией в Галлии,

³²³ *Mann J. C., Breeze D. J. Ptolemy, Tacitus and the tribes of north Britain // Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland. 1988. T. 117. P. 85–91.*

где римляне имели дело с различными общинами. В итоге на смену представлению о неких враждебных Риму бриттах «вообще» постепенно приходит более сложная картина, где одни племена становятся менее варварскими, чем другие и противопоставляются скорее «своя» Британия, подчиненная власти Рима и соответственно включенная в *orbis terrarum*, и «дикая» Британия за стеной. Поэт Клавдиан представлял остров, а точнее ту его часть, которая не была римской, в образе женщины, одетой в шкуру дикого каледонского зверя (*Caledonio velata Britannia monstro*), что было символом дикости (Claud. *De Cons. Stil.* II, 247-9). Важным здесь было именно то, какую часть Британии (а именно север) он описывал с помощью подобной метафоры.

С теми же представлениями был связан и присутствующих в античных описаниях племенного устройства Британии собирательный образ пиктов³²⁴. Поначалу это были упоминания разрисованных бриттов, как, например, у Марциала («*Barbara de pictis veni bascauda Britannis...*» – «варварской корзинкой я пришла от разукрашенных бриттов...», Mart. XIV, 99), а затем, уже в IV веке, пиктов в списке диких северян упоминал Аммиан Марцеллин («*...in Britanniiis cum Scottorum Pictorumque gentium ferarum excursus, rupta quiete conducta, loca limitibus vicina vastarent...*» – «...когда в Британнии набеги диких племен скоттов и пиктов, нарушивших мирные договоры, опустошали приграничные места...» Amm. Marc. XX, 1). Даже само их название было искусственно создано римлянами в качестве обозначения общего «дикого» врага, который теперь ассоциировался не с островом в целом, но с его северной частью. Британия оставалась разделенной на местные племена внутри острова, но разошлись и пути двух групп этих племен. Одни подчинились пришедшей власти, другие же стали теми, кто противопоставлял себя Риму. Таким образом, и Адрианов, и Антонинов вал стали преградами на пути объединения племен в единую общность как в их собственном представлении, так и в глазах Рима.

³²⁴ Подробно происхождение *пиктов* рассматривает, напр. *Dunbavin P. Picts and Ancient Britons: an exploration of pictish origins*. Third Millennium Publishing, 1998. 44 p.

Итак, мы можем проследить существование в римских представлениях образа «чужих» бриттов, которых следовало опасаться и которые по определению не могут быть цивилизованы. Этот образ меняется с течением времени, но если можно так выразиться, не столько качественно, сколько количественно: на смену всем бриттам в качестве дикарей приходят отдельные не подчиняющиеся Риму племена или условное их объединение (т.н. пикты). С одной стороны, такая картина, во многом искусственно созданная в письменных источниках и ориентированная на собственно римскую аудиторию, могла служить обоснованию завоеваний на острове, с другой, она как бы изначально подразумевала и даже требовала отделения от «чужой», варварской территории. Поэтому создание стен как границы между цивилизацией и варварством, очевидно присутствующий в комментарии об отделении от варварства из уже цитируемой *Historia Augusta* («Ergo conversis regio more militibus Britanniam petiit, in qua multa correxit murumque per octoginta milia passuum primus duxit, qui barbaros Romanosque divideret» — «Итак, реорганизовав войско в соответствии с нравами правителя, он устремился в Британию, в которой многое поправил и первый повелел возвести стену длиной в 80 миль, чтобы разделить варваров и римлян.») (SHA, *Hadr.* XI.2); «Nam et Britannos per Lollium Urbicum vicit legatum alio muro caespiticio **summotis barbaris** ducto» — «Ведь и Бриттов победил под руководством легата Лоллия Убрика, и другая стена из дёрна была воздвигнута после того, как **варвары были оттеснены**» (SHA, *Ant. P.* V.4)), логично вытекало из представления о Британии, сохранявшегося на протяжении достаточно длительного времени, пусть и с некоторыми изменениями.

Разумеется, устройство границ диктовалось и вполне прагматическими причинами. Несмотря на кажущееся естественным желание подчинить остров полностью, такое завоевание по всей видимости не стоило тех затрат, которые нужно было бы понести. Тем самым возведение стен в сравнении с завоеванием могло быть более простым и экономным решением с точки

зрения Рима. К тому же оно позволяло сосредоточить силы на удержании более выгодных рубежей с точки зрения распределения ресурсов в провинции и географических особенностей острова, где северные части представляли собой гористые склоны, не подходившие, например, для выдачи ветеранам в качестве *praetium*. Еще одну версию о том, почему римляне не задержались в Шотландии, обсуждает К.Р. Уиттакер о том, что римская армия не могла прокормить себя в гористых местах, подобных каледонским, а сложности с логистикой были столь велики, что держать легионы в местах при Гаск Ридж, первом и самом северном римском рубеже, было нецелесообразным³²⁵. Также, несмотря на близость к материку, морское сообщение предполагало свои ограничения на то, как проходили кампании, в какие сезоны и в каком количестве могли идти поставки. Сама разрастающаяся империя также требовала все большего количества сил, которые были бы направлены на охрану сложившегося порядка, и распределение легионов зависело уже не только от состояния дел в одной провинции или натиска с одной из сторон, но требовало комплексного рассмотрения. Таким образом, это решение могло быть связано с особенностями региона и общей ситуации в Империи. Сюда же можно отнести и размеры острова, которые, несомненно, играли значение: остров, хоть и был и ограничен морем, все же занимал огромную территорию.

Таким образом, реальная картина происходившего на острове была куда более сложной, чем кажется при взгляде на античную традицию. Как мы видели, взаимодействие римской и местных культур было достаточно тесным и зависело не столько от мифологической идеи противостояния цивилизации и варварства, сколько от конкретной политики Рима в тот или иной момент, нужд армии и т.п. Но в то же время нельзя недооценивать важность этой идеи для обоснования обустройства границ провинции, тем более что Британия воспринималась не просто как одна из «варварских» провинций, но как место, значимое для империи в целом.

³²⁵ *Whittaker C. R. Frontiers of the Roman empire a social and economic study // Ancient society and history. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1994. P. 102–108.*

3.4. Британия как край мира

С темой различия между цивилизованными и дикими местами связана еще одна немаловажная тема: идея завоевания всего мира³²⁶, в котором Британия долгое время оставалась вне сферы влияния Рима. Островное и крайнее (западное) по отношению к империи положение также выделяет провинцию среди прочих.

В течение долгого времени Британия оставалась одним из неизведанных, а потому загадочных уголков античного мира. Римская Республика, а затем Империя захватывали все больше территорий в средиземноморском регионе и за его пределами. Тем самым римляне стремились расширить сферу своего влияния на весь известный им мир. Британия не стала исключением, в итоге превратившись в одну из провинций Римской Империи. Она вошла в состав государства при императоре Клавдии, причем не полностью, а лишь частично. Расширение границ Римской империи в этот период было направлено во все стороны света. Примерно в то же время, что и Британию, к Риму присоединили Мавританию (северная Африка), Норик (территории современной Австрии и Словении), Ликий (Анатолия), а также Фракию (Балканы), а спустя примерно 20 лет Рим отправился в сторону Понта³²⁷. Однако в отличие от Британии между почти всеми этими местами и Римом ранее была установлена связь: экономическая, политическая или культурная. Перечисленные территории не были неизвестными: благодаря различным формам взаимоотношений, будь то войны с Карфагеном, торговые отношения с Египтом или и завоевание Греции. Однако, когда речь идет о Британии, тот факт, что это далёкий от Средиземноморья остров, во многом определил как историю развития этого

³²⁶ О концепции «*Imperium sine fine*», которая заключалась в том, что весь мир должен был стать Римским см., напр., *Махлаюк А.В.* Пространство римского мира в “*Res gestae divi Augusti*” // Вестник древней истории. 2019. Т. 79, № 3. С. 653–677. *Подосинов А. В.* Imperium Romanum “*sine fine*” и orbis terrarum на Певтингеровой карте мира // Вестник древней истории. 2024. Т. 84, № 2. С. 371–385.

³²⁷ Все эти провинции, как и Британия, были присоединены во время правления императора Клавдия.

региона, так и то, какое отношение к нему было сформировано в литературной традиции. Отсутствие прямых контактов привело к тому, что о Британии почти ничего не было известно. Некоторая связь между островом и материком существовала в виде контактов жителей острова с населением Галлии (сохранялись связи кельтских племен).

Такое положение сохранялось вплоть до походов Цезаря. Именно они стали поворотным событием, и начиная с середины I в. до н.э. между континентальными частями Римской державой и островом стали устанавливаться более плотные связи, а Британия стала постепенно встраиваться в римский мир. О специфике этого встраивания можно судить в том числе и по литературной традиции, которая стала одним из важных факторов восприятия Британии римлянами и, соответственно, формировала идеологическую подоплеку происходившего на острове и вокруг него³²⁸.

Расположение Британии стало неотъемлемой частью ее образа. Если мы обратимся к упоминаниям провинции в контексте географических рассуждений, то увидим схожие мотивы, которые присутствуют во всех трудах вне зависимости от жанра, автора или направленности текста. Остров окружен прежде всего атмосферой загадочности и неизвестности, что, как уже говорилось, отчасти объясняется поздним установлением контактов между бриттами и Римом. Но, с другой стороны, эта неизведанность в литературных текстах коррелирует с представлением о Британии как о крае мира, последнем обитаемом рубеже на северо-западе ойкумены.

При этом, если повествования Цезаря или Тацита и Диона Кассия больше посвящены быту и нравам местных жителей³²⁹, то в поэзии особое положение Британии связано напрямую с темой ее подчинения Риму. В ней ожидаемые завоевания были описаны как финальная точка в расширении территории

³²⁸ О Британии как о «другом мире» см.: Подосинов А. В. *Alter orbis terrarum: "другие миры" в античной географии* // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2020. № 24–1. С. 615–618.

³²⁹ В сохранившихся текстах есть довольно большие пассажи, которые касаются развития событий в Британии, однако описания острова почти ничего не говорят о географии, поэтому мы не ставили целью рассмотреть эти тексты в рамках данной темы.

империи, по крайней мере в этом направлении. Не в последнюю очередь это связано с жанровой принадлежностью интересующих нас фрагментов.

На примере панегирика, который обычно включают в сборник элегий Тибулла³³⁰, это заметно наиболее явно. В тексте говорится об оставшейся пока не завоёванной Британии:

«...Oceanus ponto qua continet orbem,
nulla tibi aduersis regio sese offeret armis.

Te manet inuictus Romano marte Britannus
teque interiecto mundi pars altera sole»

«...Где бы Океан морем не омывал землю,
Никакая земля против тебя не поднимает оружие.

Для тебя остается непобежденным римской военной мощью Бритт,
И для тебя же другая часть мира, отделенная от нас солнцем.

(Tib. III, VII, 147-150)

Сам панегирик был написан в честь Мессалы, видного полководца середины I в. до н.э. Восхваляя его военные и прочие заслуги, автор панегирика упоминает, что неохваченной его победами осталась Британия и некая «часть мира, отделенная от нас солнцем». В последней комментаторы видят отсылку к представлению о легендарном народе антиподов, живущих на юге и отделенных от обитаемого мира невероятным жаром Солнца на экваторе³³¹. Упоминание Британии в паре с чисто мифологическим народом демонстрирует представление о ней как о последней из обитаемых земель, до

³³⁰ Считается, что уровень исполнения этого панегирика уступает другим произведениям в сборнике, что является одним из аргументов в пользу того, что автором являлся не Тибулл, кроме того, есть вероятность, что он был написан позднее 31 года (подробнее см.: *Schoonhoven H. The 'Panegyricus Messallae': Date and Relation with Catalepton 9 // H. Temporini et al. (Eds.). Aufstieg und Niedergang der römischen Welt (ANRW) = Rise and decline of the Roman world. – Vol. 30. Pt. 3. 1983. – P. 1681–1707.*)

В настоящий момент считается, что автор – подражатель Тибулла, однако консенсуса об изъятии этого и еще нескольких текстов из корпуса поэзии Тибулла нет (см. *Peirano I. The rhetoric of the Roman fake: Latin pseudepigrapha in context. Cambridge University Press, 2012. 311 p.*)

³³¹ См. *Maltby R. P. Book Three of the Corpus Tibullianum: Introduction, Text, Translation and Commentary. Cambridge Scholars Publishing, 2021. P. 412–413.*

которой не удалось пока добраться римлянам и, в частности, Мессале. Это, в свою очередь, указывает на то, что в момент написания остров казался последним местом этого мира, которое, хоть и оставалось вне сферы римского влияния, со временем должно неизбежно ему подчиниться, и это подчинение, по сути, означало бы покорение Римом (за те, адресованном Мессале, в контексте панегирика угадывается его прямое отождествление с военной мощью Рима как такового) мира целиком.

Это описание, где взятие под контроль Британии завершало бы римское завоевание всей ойкумены, не единственное в своем роде. Одна из од Горация, посвященная Августу, свидетельствует о том же. Правда, в отличие от панегирика Мессале, где Британия, по сути, единолично олицетворяет край обитаемого мира, здесь она упоминается как самая дальняя западная его часть, в противовес восточной:

“Caelo tonantem credidimus Iovem

regnare: praesens divus habebitur

Augustus adiectis Britannis

imperio gravibusque Persis.”

«Мы верили, что гремящий Юпитер

правит на небе; Август, <живущий> среди нас

будет принадлежать к богам,

если своей властью присоединит бриттов и суровых персов»

(Hor. III, V, 1-4)

В данном контексте завоевание крайних земель (Британии и Парфии, соответственно) должно считаться условием присоединения императора к сонму богов, причем не просто его обожествления (именно в это время он принимает титул Augustus, и ода по всей видимости и была приурочена к этому моменту), но его уподобления Юпитеру как «царя земли» - « царю неба». Более того, это условие отнюдь не казалось невыполнимым: вполне вероятно, что в связи с политической ситуацией завоевание острова рассматривали исключительно как вопрос времени. Такое отношение кажется

вполне объяснимым, если учитывать, что в качестве даты написания оды обычно указывают 27 г. до н.э.³³², т.е. как раз то время, когда должно было происходить одно из трех планируемых вторжений Августа на остров. Однако оно, как мы знаем, не умножило ряд славных побед императора, потому что бритты без борьбы согласились на выдвигаемые Римом условия. «τότε μὲν δὴ ταῦτα ὁ Αὐγούστος ἔπραξε, καὶ ἐξώρμησε μὲν ὡς καὶ ἐς τὴν Βρεττανίαν στρατεύσων, ἐς δὲ δὴ τὰς Γαλατίας ἐλθὼν ἐνταῦθα ἐνδιέτριψεν: ἐκεῖνοί τε γὰρ ἐπικηρυκεύσεσθαί οἱ ἐδόκουν, καὶ τὰ τούτων ἀκατάστατα ἔτι...» — «Это было то, что сделал Август, и также он собирался снарядить войско в Британию, но прийдя в Галатию, задержался там, поскольку те <бритты> же, как казалось договорились <решили договориться о мире с Августом>, а дела местных еще не были решены ...» (Dio LIII, XXII 5). Тем не менее, завоевание ожидалось в ближайшее время, хотя, в действительности, это произошло позднее и вовсе не при Августе.

Тем не менее, Гораций снова, уже в следующем 26-м году до н.э. пишет:

“serves iturum Caesarem in ultimos orbis Britannos...”

(«защити Цезаря, идущего к бриттам, обитающим на краю света» (Hor. I, 35, 29-30)).

Здесь повторяется уже упомянутый мотив отдаленности: бритты оказываются *ultimi*, «крайним» народом. Этот эпитет не просто является подходящим для обозначения земель, которые в этот момент все еще казались далекими и труднодоступными (не в последнюю очередь из-за отсутствия налаженной сети контактов), но и указывает на восприятие походов Августа. Покорение Британии ощущалось как не просто вероятное, но и неизбежное завершение всех возможных завоеваний на западе в целом. Следует отметить, что именно этот эпитет встречается по отношению к Британии и близлежащим

³³² Подробный комментарий к оде см: *Hubbard M. A Commentary on Horace: Odes Book III // Horace: Odes Book III / Ed. by Nisbet R. G. M., Hubbard M. Oxford, 2004. P. 79-96, конкретно к этим строкам P. 82-84.*

территориям не единственный раз. Античные авторы в целом довольно часто использовали его для обозначения предельных земель³³³.

Немногим ранее Катулл, например, несколько раз применяет слово *ultimus* по отношению к Британии. Первый пример из его текстов можно назвать одним из наиболее красноречивых. Упоминая самые отдаленные места, которые можно назвать краем империи в разных сторонах света, он пишет о «крайних бриттах», с которыми встречался Цезарь. В данном контексте речь шла о том, что, в какие бы дальние места не занесло самого Катулла, его верные друзья будут с ним вместе (в отличие от его любимой) — «*ultimosque Britannos*» (Cat. Carm. XI.11-12). Таким образом, остров становится синонимом предельного, крайне далекого места, и по всей видимости, это было его главной и легко узнаваемой характеристикой, не нуждавшейся в более развернутом литературном представлении.

Интересно использование того же эпитета в гневной инвективе против Мамурры, упоминающей и о злоупотреблениях властью Цезарем. Британия в этом произведении оказывается в руках полководца (*ultima Britannia* — Cat. Carm. XXIX, 4; «*ultima insula*» — Cat. Carm. XXIX, 12), и здесь безудержная алчность политиков специально подчеркивается тем, что она доходит до крайних границ мира. Опять-таки это свидетельствует о том, что представление о Британии как о крае света было очевидно для аудитории, к которой адресовался Катулл — но заметим, что здесь, как и у Тибулла и Горация, это предел связан с идеей его подчинения, пусть и в отрицательном смысле.

Среди наиболее известных примеров использования слова *ultimus* нельзя не упомянуть про описание античными авторами места, которое затем стало образным выражением для обозначения самого отдаленного острова мира,

³³³ Фордайс, например, называет этот эпитет шаблонным (*stock*) по отношению к Британии подробнее про эпитет см.: Stewart J. J. The geographic definition of *ultimus* from Julius Caesar to Domitian // Acta Classica: Proceedings of the Classical Association of South Africa. Classical Association of South Africa (CASA), 2000. Vol. 43. №. 1. P. 129–137.

расположенного как раз где-то около Британии. Речь идет о выражении *ultima Thule*, ставшем идиоматическим³³⁴.

Остров Фула в разные времена помещали в северные пределы мира и считали его абсолютным краем мира, а после завоевания Клавдия он мог даже подменять название *Britannia*³³⁵. Он располагался в шести днях пути от Британии, согласно указаниям греческого мореплавателя и географа Пифея, на которого ссылались античные авторы. («*quod fieri in insula Thyle Pytheas Massiliensis scribit, sex dierum navigatione in septentrionem a Britannia distante...*» — «Пифей из Массилии описал то, что происходит на острове Фула, который расположен в шести днях пути на корабле к северу от Британии» – Plin. H.N. II, 75). Характерно, что предел обитаемых земель продолжает ассоциироваться с Британией: она уже становится достаточно известной и достижимой, но край мира все равно располагается где-то около нее.

Схожий образ встречается и у Страбона, который сообщает, что край мира также расположен именно около Британии. ἡ πρὸς ἄρκτον πρόκειται τῆς Βρεττανικῆς πλησίον, ἀγρίων τελέως ἀνθρώπων καὶ κακῶς οἰκούντων διὰ ψῦχος, ὥστ' ἐνταῦθα νομίζω τὸ πέρας εἶναι θετέον. («[Иерну], которая расположена севернее Британии, место обитания диких народов, ставших таковыми из-за условий жизни, на мой взгляд следует считать пределом [мира]» — Strabo V, 5.8). Хотя он же ставит существование острова под сомнение в более ранних главах произведения, не в последнюю очередь из-за недоверия к сообщению Пифея: «ὁ τε γὰρ ἱστορῶν τὴν Θούλην Πυθέας ἀνὴρ ψευδίστατος ἐξήτασται, καὶ οἱ

³³⁴ Само выражение стало метафорой для обозначения некоего отдаленного места, до которого не добраться и за которым нет ничего. Образ стал настолько распространенным, что его часто можно встретить в массовой культуре, например, именно такое заглавие для своих сочинений выбирали Брюсов, Набоков и Лонгфелло, его же в качестве названия для альбомов и песен использовали многочисленные музыканты, а в 1980-х это стало название радиопрограммы. В начале XX века его же использовали для обозначения расистского националистического движения в Германии.

³³⁵ Подробнее этот феномен описал Вайсман (Вейсман) (*Wijzman H. J. W. Thule applied to Britain //Latomus. 1998. Т. 57. №. Fasc. 2. Р. 318–323*). Также об острове пишет Н.С. Широкова в книге о культуре кельтов: *Широкова Н.С. Культура кельтов и нордическая традиция. Санкт-Петербург: Ев, 2000. 352 с.*

τὴν Βρεττανικὴν καὶ Ἰέρνην ἰδόντες οὐδὲν περὶ τῆς Θούλης λέγουσιν, ἄλλας νήσους λέγοντες μικρὰς περὶ τὴν Βρεττανικὴν» — «Ведь разузнавший о Фуле Пифей считается лгуном, и те, кто видели Британию и Иерну, ничего не говорили о Фуле, но лишь о мелких островах вокруг Британии» (Strabo I, IV, 3). Такие сомнения, однако, не мешают воспринимать и Фулу, и Британию (а вместе с ними еще один остров — Иерну) как некие удаленные места, о которых есть смысл сообщить в «Географии». Таким образом, он не отрицает возможность того, что эти острова действительно находились на краю ойкумены, а потому упоминает их именно в этом контексте.

О Фуле пишет и Вергилий («*tibi serviat ultima Thule*» «пусть покорится тебе крайняя Фула» Verg. Georg. I, 30), причем вновь в контексте завоевания Августом именно Британии. Приведенной строке предшествует похвала императору, который, как уже говорилось, как раз планировал в это время покорение острова. Тем самым в данном случае произошла просто подмена названия, и Британия отождествляется с Фулой. Таким образом, к привычному образу «крайней» Британии прибавлялось еще одно место, которое могло служить обозначением либо действительно самого края мира, либо просто подменяло собой остров, упоминание которого прежде использовали в значении «края света».

Наконец, один из наиболее изящных примеров описания Британии как края мира принадлежит Марциалу. В одной из своих эпиграмм он жалуется на то, что хотя его стихи известны и в Британии, пользы от этого нет, поскольку это не приносит ему денег:

«*et nostros cantare Britannia versus.*

quid prodest? Nescit sacculus ista meus»

«и наши стихи поют в Британии.

А какой толк? Об этом не знает мой кошелечек»

(Mart. XI, 3)

Упоминание Британии в данном контексте подчеркивает яркий контраст между бедностью поэта и его повсеместной известности: если уж стихи

Марциала достигли этого острова, то они точно известны всему свету. Интересно, что в этом коротком пассаже, помимо идеи «края мира» (Марциалу даже не нужно использовать специальное определение, вроде *ultima*), Британии сопутствуют и другие ключевые мотивы, связанные с ней в литературной традиции. Это и представление о дикости и необразованности его варварского населения (которое, правда, парадоксальным образом оказывается способным читать по-латыни): даже самые что ни на есть варвары благодаря Марциалу проникаются духом римской культуры и римской поэзии. Наконец, как кажется, здесь ощущается и тема крайне бедности острова, о которой писал еще Цицерон: от бриттов вряд ли дождешься подкрепления признания поэта деньгами. Таким образом в этом коротком саркастическом фрагменте заключены чуть ли не все основные характеристики Британии, знакомые нам по литературной традиции.

Надо сказать, что применительно к Британии темы «края мира», с одной стороны, и дикости и нецивилизованности, с другой, сопрягаются и у других авторов. и у других римских авторов. Это можно встретить в текстах Цезаря или Тацита, где они пишут о дикости бриттов, которая воспринималась как норма для варваров в целом. Цезарь, например, писал об образе жизни, выявляя особенно странные с точки зрения римлян особенности: [Бритты] не занимаются земледелием, а живут на мясе и молоке «*frumenta non serunt, sed lacte et carne vivunt*», одеты в шкуры «*pellibusque sunt vestiti*», носят длинные волосы «*capillo promisso*», делят жен друг с другом «*uxores habent deni duoque inter se communes*» и т.д. (Caes. BG V, 14). В то время как Тацит говорил об их воинственном нраве, который выделял их даже среди других варваров: «*plus tamen ferociae Britannii praeferunt*» — «но в бриттах было больше свирепости...» (Tac. Arg. XI) Однако такие описания меняют свою географию с утверждением римской власти на большей части острова, поскольку, как мы уже говорили, в качестве дикарей постепенно начинают описывать только тех, кто проживал на не завоеванных территориях. Британия перестает восприниматься как совсем неизведанный край земли, но все равно на территории острова

остаются места, населенные варварами, о которых мало известно, и крайняя граница ойкумены все равно остается там, хотя и передвигается на север. Именно это перемещение и символизирует сооружение стен Адриана и Антонина.

Британия, благодаря своему положению, заняла особое место в античной литературе. Пока она не была еще захвачена римлянами, она являлась последним пределом, который можно завоевать. Победа и захват острова, которых ожидали, как это видно в текстах, например, Горация или Тибулла, должны были стать одним из наиболее важных свершений Рима. Это завоевание воспринималось как распространение римской власти до предела обитаемых земель, по крайней мере на западе и севере.

Однако, когда в середине I века завоевание произошло, крайнее положение острова осталось неотмеченным в текстах. Наиболее вероятно, что это связано с тем, как прошло завоевание. Основные темы рассказчиков о событиях связаны с противостоянием бриттов, восстанием Боудикки³³⁶ и затем уже со строительством стен Адриана и Антонина. Кроме того, остров так и остался завоеванным не полностью. Лишь его часть оставалась под властью римлян, причем такое положение дел сохранялось вплоть до завершения римского владычества и отхода легионов с острова в середине V века.

Британия долгое время воспринималась как край мира. При этом пик упоминаний, связанных с этим, относится именно к моменту предполагаемого завоевания. Прежде всего это характерно для поэзии, а не, скажем, для авторов исторических сочинений, которые, возможно, лучше представляли положение дел с экспансией Рима на острове и понимали, что подчинить себе «край света» на деле не так-то просто.

³³⁶ Спустя около 20 лет с момента завоевания Британии императором Клавдием, произошло восстание объединенных племен бриттов под предводительством Боудики, которое занимает большую часть повествования об этих временах в трудах Диона Кассия и Тацита. Подробнее о самой Боудикке, см., напр.: *Hingley R., Unwin C. Boudica: Iron Age Warrior Queen*. London, Bloomsbury Publishing, 2006. 292 p.

По мере реального продвижения римлян граница «края мира» сместилась, вместе с этим изменилась и прежняя политика, направленная на расширение границ империи. Ей на смену пришла политика контроля и обустройства существующих земель, что также послужило причиной для изменения тем при описании острова. Теперь говорится уже не столько о достижении «пределов мира», сколько о нравах и особенностях живущих там народов, и, как было и прежде, о противостоянии варварства и цивилизации. Но все равно Британия оставалась местом весьма отдаленным, и потому римские авторы (вроде того же Марциала) по-прежнему могли метафорически использовать ее для указания на предельную дальность распространения какого бы то ни было феномена или явления. Реальное освоение острова римлянами во многом лишило его прежнего статуса края мира, но в какой-то мере сооружение стен могло служить напоминанием об этом, обозначая хотя бы предел мира римского.

Появление осязаемого разграничения в провинции оказывало влияние на жизнь не только вблизи самих границ, изменяя характер перемещений и состав населения в приграничной зоне. Стены оказали существенное влияние на фиксацию территорий провинции, становясь символом римского владычества над островом. Они отделяли то, что не смогла завоевать армия, вместе с тем скрывая это из виду на идеологическом уровне.

Границы на севере Британии, и, в частности, стены, стали отражением образа провинции, сложившегося благодаря встраиванию ее в историко-культурный контекст империи. Прежде дикая и необузданная Британия постепенно становилась своей для Рима. И даже будучи прежде фактическим краем известного мира, она со временем перестала казаться таковой. Все это произошло не в последнюю очередь благодаря появлению фиксированной пограничной линии, причем в таком контексте нет большой разницы, о какой именно стене бы шла речь. Более того, ко II веку, времени создания и формирования четкой границы на острове, из литературы исчезают

упоминания о захвате края мира, и более важной темой становится противостояние свой-чужой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

II век для истории Римской Британии оказался насыщенным с точки зрения военно-политических событий. Это вписывалось в общую картину событий, происходивших по всей империи, но обладало отличительными особенностями, наиболее сильно проявившимися именно в том, как оказалась организована приграничная жизнь на севере острова.

В данной работе было рассмотрено устройство британских лимесов и контекста, в котором они существовали. Это позволило уточнить некоторые детали как существования самих границ, так и политики Рима, проводимой в отношении приграничных территорий и взаимодействия с местным населением в этих местах. Исследование было построено с привлечением информации из нескольких типов источников: археологических данных, эпиграфики и литературных текстов, которые также различаются внутри себя. Так, каждый из источников оказывается, с одной стороны, направлен на определенную цель: археология позволяет описывать устройство и функционирование изучаемых объектов, эпиграфика проливает свет на процессы строительства и бытовые или религиозные события, а также на вопросы взаимодействия этносов, литературные же — повествуют о восприятии границ и о роли римской идеологии в их создании.

Наиболее важные наблюдения в данной работе удалось сделать при комбинировании именно разнообразного круга источников. Говоря о взаимодействии на границах по эпиграфическим свидетельствам, мы сопровождаем выводы литературными или археологическими данными. Так, например, рассмотрев распределения поселений или места переходов в рамках границы, было выявлено, что строительство, казалось бы, римского защитного сооружения было осуществлено не только при участии местного населения, но и с учетом наличия переходов с римской на неримскую сторону, и к тому же не повлияло на распределение сельскохозяйственных поселений в приграничных областях (с обеих сторон).

В вопросе о взаимосвязях между центральной и местной властью, удалось выявить полноценное участие центра в жизни удаленных территорий империи. Так, фрагменты из «Жизнеописания Августов» показывают, что для истории стен важен именно образ императора — в них утверждается, что он сам построил стену, либо, что приказал построить. С одной стороны, это упоминание имеет символический характер, поскольку указывает на управленческую роль императора; очевидно, что само строительство и все процессы осуществлял не лично император, но его приближенные. Однако, с другой стороны, мы знаем о том, что в случае с Адриановым валом, император сам приезжал в провинцию, чтобы проконтролировать положение дел. И именно присутствие в данном случае (как образа императора на границе, так и его личное посещение) — это не только символика, но и реальные действия, которые подтверждают символическую и идеологическую важность объектов и места. Эти свидетельства античной традиции, дополненные материалом других источников, позволяют реконструировать контекст существования границ в Британии II века.

Наличие стен как части сооружений в случае Валов Адриана и Антонина, не отмеченное нигде более в империи, не повлияло существенно на практические функции, которые выполняли границы провинции в целом. Основные задачи по контролю над близлежащими территориями, а также над пересечением границы выполнялись в схожем формате (существовали пропускные пункты, гарнизоны были расквартированы в фортах, находившихся вдоль линии границ, иногда могли выполняться рейды вглубь незавоеванных территорий). Валы представляли собой схожие по устройству комплексы, во многом соответствующие по функционалу прочим приграничным укреплениям империи. Тем не менее отличия как от других границ, так и друг от друга, помогают уточнить детали, сопутствующие их возведению. Общие черты двух сооружений позволяют говорить о них в связке. Однако основная их отличительная особенность (наличие стен протяженностью ок. 117 км и ок. 63 км) указывает на то, как была устроена в

том числе идеологическая политика Рима в это время. Валы были выстроены от моря до моря, и тем самым создавали преграду, которая, отгораживая часть острова, четко фиксировала границы империи именно видимой линией, которую почти невозможно было перейти, оставшись незамеченным.

Изменение в расположении границ на севере острова в течение относительно небольшого временного периода было, на наш взгляд, в большой степени обусловлено идеологическими причинами. То, как в итоге выглядели британские границы, а также тот факт, что римляне смогли построить две лимесные системы от берега до берега с разницей во всего лишь двадцать лет от начала каждого из проектов, есть не что иное, как намеренная демонстрация силы, даже если изначально видимой она была именно в самих местах строительства. Возведение не просто укрепленных линий, но именно стен можно также воспринимать в качестве свидетельства серьезности намерений римлян. Подобный подход к устройению границ, кроме прочего, это стратегическое мышление. Строительство стен было не просто техническим достижением, но и политическим заявлением. Они служили напоминанием о власти Рима над этими территориями и предупреждением потенциальным врагам. Из античной историографии и археологических данных мы знаем, что переход был кратковременным, что было связано в большой степени с враждебностью северных общин, а также спешностью постройки второй границы (об этом свидетельствуют материалы (отсутствие каменной стены) и отсутствие системной защиты (исчезновение *vallum*). Таким образом можно выявить определенную неподготовленность границ с военной точки зрения. В дополнение к историографии эпиграфика косвенно подтверждает это отсутствием каких бы то ни было свидетельств об участии в постройке лимесов бриттскими племенами из-за пределов Валов. То есть делали это только те, кто и так был частью империи, что, например, было нормой в отношении Вала Адриана в сравнении.

В целом, говоря об идеологических причинах возведения и последующего изменения границ, следует отметить, что принятие решений о

строительстве стен и изменении границ в целом должно было быть согласовано или инициировано в Риме, то есть отражало то, как и какие решения принимал император и его ближайшее окружение. Так, император Адриан, вероятно, акцентировал внимание на необходимости личного контроля над положением дел в отдалённых провинциях, и более того, это не ограничивалось исключительно общим управлением из столицы, что подтверждается, в частности, фактом его визита в Британию. Антонин, хоть и не полностью следовал по стопам своего предшественника, все же не упускал из внимания ситуацию, сложившуюся в западной провинции (как, впрочем, и в других местах). И потому само по себе наличие лимесов можно назвать важным политическим решением, вне зависимости от того, было ли это продолжением политики предшественников по укреплению границ империи или утверждение новой идеи, которая появилась вопреки известной идее «*imperium sine fine*». Поскольку именно Рим решал, что есть этот самый *finis*. Ввиду того, что граница провинции была зафиксирована не в самой крайней северной точке, куда изначально пришли римляне в конце I века, например, обустроивая Гаск Ридж, созданием Валов римляне утверждали лимиты и делали это с размахом. Причем в большой степени это безграничное расширение было свойственно поэтическим источникам, в то время как историография более сухим языком говорила о разделении Рима и всего остального. И потому идеологическая причина создания границ кажется в большей степени преобладающей над прочими.

Важным фактором, повлиявшим на ситуацию, была именно военно-политическая ситуация на самом острове, поскольку из археологических свидетельств становится очевидным, что часть племен, проживавших на севере острова, не смирилась с властью Рима и продолжала оказывать сопротивление. Положение римлян на Севере и взаимодействие с местными сообществами оставалось острой темой вплоть до самого окончания римской власти на острове. Если в самом начале существования эти территории еще воспринимались как потенциальные цели захвата, то уже к началу II в. эта идея

стала невозможной, и стены позиционируют новую идеологическую цель разделения. В то же время не следует забывать о том, как на это повлияли события происходившие непосредственно в Риме, которому теперь уже не хватало сил для удержания всех подчиненных ранее территорий.

Вал Адриана и Вал Антонина, стали не столько местом разъединения и разделения, сколько местом соприкосновения культур, поскольку обеспечение жизни границы находилось не только в руках римской армии, но также местного гражданского населения, будь то торговцы, ремесленники или жены и дети воинов. Появление оформленных границ сказалось на том, как теперь осуществлялось перемещение по прежде незанятым территориям, но наличие стены, вала, как и прочих элементов, не выделяло эти границы от любых других. Более того, видимые различия двух границ влияли в основном на формат несения службы, то есть часть солдат должна была нести службу не только в форте или близ него, но и в других местах при стенах, например, милевых кастелях или башнях.

Символическая роль Адрианова и Антонинова валов оказывается при этом более значимой, поскольку стены становятся видимым воплощением власти Рима, который считает себя вправе изменять свои границы в том виде, в котором правитель посчитает нужным и возможным. Ввиду отсутствия большого количества свидетельств наиболее важными оказываются тексты из *Historia Augusta*, в которых особенно подчёркивается разделяющая роль стен в глазах римлян: они наиболее яркий символ того, где заканчивается «цивилизация» и начинается «дикость». Причем, подобное восприятие сохраняется чуть ли не до наших дней, поскольку территория близ стен соответствует современному административно-политическому разделению острова.

Символическая роль границ заключалась еще и в том, что сами границы начинают влиять на то, как их воспринимают и описывают в дальнейшем. Идея существования *страшных* пиктов в известном смысле ретроспективна: сам факт постановки границ в том числе стал влиять на то, что пикты,

оказавшись за стеной, в самих источниках стали отделены не просто границей, но стеной. К этому же ретроспективному восприятию можно отнести свидетельство Беды Досточтимого, указавшего, что стены, напротив, были средством защиты местных сообществ от Рима, который стремился всех вокруг подчинить, что указывало на важность самих границ для символического разделения, но теперь уже в обратную сторону.

Также создание пределов империи по воле императоров свидетельствовало о смене политических идей, которые касались концепции об «*imperium sine fine*». Установив четкую границу, Рим демонстрировал свои намерения относительно этой части мира. Появление границ на острове, и, в частности, именно стен, указывали на отказ от прежних идей по захвату всего мира. Британия, будучи землей «на краю известного мира» в представлениях времен античности изначально воспринималась как последний предел, который можно было захватить. Тем не менее, когда этот план по завоеванию не удался, Рим сам создал этот предел, воплощением которого стала стена, и этот предел мог быть изменен лишь Римом.

Однако, несмотря на идеи разграничения, границы же в большой степени работали как место распространения римской культуры и быта, поскольку армия, а вместе с ней и вся инфраструктура оказывалась в самых отдаленных частях империи. Солдаты строили форты, в них расквартировывались военные части, быт военных частей обеспечивали гражданские, причем по большей степени представители местных сообществ, среди которых были торговцы, ремесленники, рядом же иногда проживали женщины и дети, что делало жизнь на границе похожей на жизнь в городах за исключением характера службы военных.

Вместе с тем создание видимых и столь масштабных границ оказывало влияние в том числе на идентичность общин, находившихся в непосредственной близости от стен. Появлялась идея о существовании тех, кто находился внутри стены, на стене или за ней. Однако эта идея в большей степени была адаптирована в гораздо более поздние времена и проявилась в

виде сообщений об отделении стеной от противника, либо в контексте империалистических рассуждений о противостоянии цивилизации и варварства, когда первое находилось внутри стены, а второе за ней. Тем самым изучение границ Римской Британии в середине ее существования именно в статусе провинции позволяет лучше понять взаимодействие между империей и территориями, которые она делала своими, а также теми, которые она своими сделать не смогла.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Список сокращений

AE= L'Année Épigraphique, Paris (1888–)

RIB = Roman Inscriptions of Britain

RIC = Roman Imperial Coins

CIL= Corpus Inscriptiones Latinarum

RMD = Roman Military Diploma

TV = Tabulae Vindolandenses

I. ИСТОЧНИКИ

Эпиграфические памятники:

1. RMD IV: Roxan M.M., Holder P. Roman Military Diplomas 4 // Institute of Classical Studies, London, 2003. – 315 p.
2. RMD V: Holder P. Roman military diplomas V // Bulletin of the Institute of Classical Studies. Supplement. – 2006. – 326 p.
3. CIL XI: Inscriptiones Aemiliae, Etruriae, Umbriae Latinae. Ed. E. Bormann.
4. CIL XIII: Inscriptiones trium Galliarum et Germaniarum Latinae. Ed. O. Hirschfeld, C. Zangemeister
5. CIL XVI: Diplomata militaria. Post Th. Mommsen ed. H. Nesselhauf. 1936 (impr. iter. 1974). Supplementum: Ed. H. Nesselhauf. 1955 (impr. iter. 2001)
6. The Roman inscriptions of Britain Online URL: <http://romaninscriptionsofbritain.org/>
7. Description historique des monnaies frappées sous l'Empire Romain URL: <http://www.virtualcohen.com/home>

Нумизматика:

8. Roman Imperial Coins URL: <http://www.ancientcoins.ca/RIC/index.htm>

Сочинения античных авторов:

9. *Appian*. The Civil Wars / Ed. by L. Mendelssohn. Leipzig, Teubner, 1879.
10. *Caius Plinius Secundus*. Naturalis Historia. / Ed. by B.G. Teubner, 1878. URL: <https://archive.org/details/cplinisecundina05plingoog>
11. *Caius Suetonius Tranquillus*. De Vita Caesarum/ Ed. by Maximilian Ihm. Leipzig, Teubner. 1907.

12. Claudius Claudianus //Vol 2. Ed. by E. Capps, T.E. Page, W.H.D. Rouse. London: William Heinemann; New York: G.P. Putnam's Sons. 1922.
13. *Dio Cassius*. Dio's Roman History / With eng. trans. by E. Cary. London –New York: W. Heinemann Ltd., 1914–1927. 9 vols.
14. Holmes, T. Rice (Thomas Rice), 1855-1933, 1993, Holmes' commentary on Caesar's *De bello Gallico* / T. Rice Holmes, Oxford Text Archive.
1. II (7—12) 1877, t. III (13—17) 1898. – 563 p.
15. *Marcus Valerius Martialis*. Epigrammaton libri. URL: <http://www.thelatinlibrary.com/martial/mart14.shtml>
16. *Notitia Dignitatum* [Электронный ресурс]. URL: https://www.fh-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lspost05/Notitia/not_d000.html
17. *Publius Cornelius Tacitus*. Opera Minora. Henry Furneaux. – Clarendon Press, Oxford. – 1900.
18. *Publius Vergilius Maro*. Georgicon / J.B. Greenough (ed.), Boston, Ginn & Co., 1900. URL: [https://la.wikisource.org/wiki/Georgicon_\(Greenough\)/Liber_I](https://la.wikisource.org/wiki/Georgicon_(Greenough)/Liber_I)
19. Quintus Horatius Flaccus. Carmina URL: <http://www.thelatinlibrary.com/hor.html>
20. *Scriptores Historiae Augustae*. // Vol 1. Ed. by D. Magie. A. O'Brien-Moore. S.H. Ballou. London: William Heinemann; New York: G.P. Putnam's Sons. 1921.
21. Sextus Iulius Frontinus. Strategmata. URL: <http://www.thelatinlibrary.com/frontinus.html>
22. Strabonis Geographica, Rec. A. Meineke. Teubner, Lipsiae t. I (1—6) 1877, t.
23. *Tibullus*. Elegiae / Ed. by J. P. Postgate. Scriptorum classicorum bibliotheca Oxoniensis. 1915. URL: <https://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A2008.01.0507>
24. *Vegetius Renatus*. De Re Militari // Ed. by F., Goetz, N. & Lessing J. Rosenwald Collection. [Cologne Nicolaus Goetz] [Pdf] Retrieved from the Library of Congress, 1475. URL: <https://www.loc.gov/item/49036429/>
25. Velleius Paterculus, Compendium of Roman History, trans. F. W. Shipley; Loeb Classical Library 152. Harvard University Press, 1924.
26. *Πανσανίας*. Ἑλλάδος Περιήγησις URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/collection?collection=Perseus:collection:Greco-Roman>

II. ЛИТЕРАТУРА

1. Ахиев С. Н. Основные направления пропаганды гая Юлия Цезаря // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения*. 2016. Т. 16. № 1. С. 43-49.
2. Барышников А.Е. Camulodunum Colonia Victricensis: рождение и гибель провинциального центра // *Античный мир и археология*. — 2011. — Вып. 15. — С. 148–159.
3. Барышников А. Е. Римская Британия и проблема романизации: кризис традиционной концепции и дискуссия о новых подходах в современном английском антиковедении // *Вестник Нижегородского университета им. НИ Лобачевского*. 2012. №. 6-3. С. 200–211.
4. Барышников А. Е. Империя наносит ответный удар? «Археологические диалоги» и очередной виток дискуссии о романизации // *Вестник Нижегородского университета им. НИ Лобачевского*. 2015. №. 1. С. 17–24.
5. Барышников А.Е. Изучение городов римской Британии в новейшей британской историографии // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2016. №2. С. 128–144.
6. Барышников А. Е. Империя и "трения": Поиски новых подходов к осмыслению римского империализма / А. Е. Барышников, П. П. Шкаренков // *Новый исторический вестник*. 2023. № 4(78). С. 6-19.
7. Барышников А. Е. Римская Британия. Rosebud Publishing, 2023. 516 с.
8. Данилов Е. С. Римский limes: приграничное наблюдение // *Вестник Ярославского государственного университета им. ПГ Демидова. Серия Гуманитарные науки*. 2009. №. 2. С. 5–9.
9. Демьяненко А. Н., Дятлова Л. А., Украинский В. Н. Фернан Бродель и становление геоисторического метода в исследовании

экономического пространства // Пространственная экономика. 2013. №. 3. С. 162–177.

10. Клейменова А. В. Проблема эффективности функционирования римских транспортных коммуникаций в Британии I-II вв. н. э. // *Via in tempore*. История. Политология. 2014. Т. 31. №. 15 (186). С. 31–35.

11. Клейменова А. В. Некоторые аспекты отечественной историографии римской Британии // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. Вып. 6 (1). С. 238–242.

12. Кнабе Г. С. Корнелий Тацит. Время. Жизнь. Книги. М.: Наука, 1981. 208 с.

1. Колобов А. В. Далматийский лимес как один из прототипов военно-стратегических систем римской империи // Проблемы истории, филологии, культуры. 2006. №. 16–1. С. 35–40.

2. Ле Боэк Я. Римская армия эпохи Ранней Империи. / Пер. с франц. П. Челинцева. М.: РОССПЭН, 2001. 399 с.

3. Маркелов А. Ю. Римский сенат в период принципата Августа (30 г. до н.э.–14 г. н.э.): дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2018. 346 с.

4. Малюгин О. И. Административное деление позднеримской Британии и проблема провинции *Valentia* в англо-американской историографии. Ярославль, 2012. С. 210–221.

5. Махлаюк А. В. Глобализация по-римски // Древний Восток и Античный мир: Труды кафедры истории древнего мира МГУ. Вып. 9. Москва, 2018. С. 430–443.

6. Махлаюк А. В. Пространство римского мира в “*Res gestae divi Augusti*” // Вестник древней истории. 2019. Т. 79, № 3. С. 653–677.

7. Межеричкий Я. Ю. *Colonia Claudia Ara Agrippinensis*/Кёльн — центр римской провинции Нижняя Германия // Античный мир и археология. 2011. Вып. 15. С. 100–147.

8. *Межеричский Я.Ю.* «Восстановленная республика» императора Августа М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 992 с.
9. *Миролюбов И. А.* Визуализация идеологии императорской власти в Древнем риме средствами изобразительного искусства: к постановке проблемы // Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей, Москва, 28 февраля 2019 года / Автор-составитель Е.А. Воронцова; ответственный редактор А.Г. Голиков. Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2019. С. 560–569.
10. *Перфилова Т.Б.* К вопросу о контактах местного населения римской Британии с народами римской Империи в области религии // Проблемы истории, государства и идеологии античности и раннего средневековья. Барнаул: Издательство Алтайского университета, 1988. С. 55–65.
11. *Подосинов А. В.* Imperium Romanum “sine fine” и orbis terrarum на Певтингеровой карте мира // Вестник древней истории. 2024. Т. 84, № 2. С. 371–385.
12. *Подосинов А. В.* Alter orbis terrarum: "другие миры" в античной географии // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2020. № 24–1. С. 607–631.
13. *Савин Н.А.* Германо-Ретийский лимес и Рейнская армия Рима. СПб: Алетейя, 2019. 770 с.
14. *Садовская М. С.* IX Испанский легион в Британии // Из истории античного общества. Горький, 1979. С. 65–85.
15. *Садовская М.С.* Восточные культы Римской Британии // Из истории античного общества. Горький, 1983. С. 72–83.
16. *Садовская М. С.* Культ императора в римской Британии // Страны Средиземноморья в античную и средневековую эпохи. Горький, 1985. С. 69–95.

17. *Садовская М.С.* Дислокация и этнический состав римских войск на территории вала Адриана в Британии (по данным эпиграфики) // Из истории античного общества. Горький, 1975. С. 98–115;
18. *Садовская М.С.* Романизация провинции Британия (I–II вв. н.э.) // Московский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина. Ученые записки: из истории Древнего Рима. М., 1960. С. 61–79.
19. *Садовская М.С.* Тиберий Клавдий Когидубн (К вопросу о романизации Британии в I в. н.э.) // Из истории античного общества. Горький, 1986. С. 71–83.
20. *Трухина. Н.Н.* Политика и политики «золотого века» римской Республики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. 183 с.
21. *Чернышов Ю. Г.* К вопросу о содержании «государственной идеологии» в Римской империи // Античное общество–IV: Власть и общество в античности. Материалы международной конференции антиковедов, проводившейся. 2001. С. 5–7.
22. *Шадрина В. Ю.* Идеологическая политика императора Траяна: ее сущность, особенности и значение: дисс. ... канд. ист. наук. – Владимир, 2005. 197 с.
23. *Широкова Н. С.* Культура кельтов и нордическая традиция. Санкт-Петербург: Ев, 2000. 352 с.
24. *Широкова Н. С.* "Жизнеописание Гнея Юлия Агриколы" Тацита как исторический и биографический источник // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 2013. № 12. С. 436–447.
25. *Широкова Н. С.* Императорский культ в римской Британии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 1(43). С. 37–58.
26. *Щетинин М. Н.* Провинциальная политика раннего принципата: дис. ... канд. ист. наук.: 07.00.03 / Щетинин Михаил Николаевич — Великий Новгород., 2001. 316 с.

27. *Allason-Jones L.* The small finds // Scottish Archaeological Internet Reports. 2022. T. 98. P. 89-109.
28. *Allason-Jones L.* Women and the Roman army in Britain // Goldsworthy and Haynes, 1999. P. 41–51.
29. *Allason-Jones L.* Women in Roman Britain // A companion to women in the Ancient world. Oxford: Blackwell Publishing, 2012. P. 467–77.
30. *Allason-Jones L., van Driel-Murray C., Greene E.M.* Roman women in Lowland Scotland // The Antonine Wall: Papers in Honour of Professor Lawrence Keppie / Ed. by Breeze, D.J. Hanson, W.S. Archaeopress. Oxford, 2020. P. 346–365.
31. *Allen D. I.* The Belgic Dynasties of Britain and their Coins // Archaeologia. 1944. T. 90. P. 1–46.
32. *Ando C.* Imperial ideology and provincial loyalty in the Roman Empire. Univ of California Press, 2013. T. 6. 512 p.
33. *Bacas J.L., Kavanagh W.* Border Encounters: Asymmetry and Proximity at Europe's Frontiers. New York, Oxford: Berghahn Books, 2013. 302 p.
34. *Bailey G. B. Cannel, J., Hodgson, I., Croom, A. T., Smith, C., Webster, P. V., Webster. G.* Excavation at Kinneil fortlet on the Antonine Wall, 1980–1 // Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland / Ed. by G.B. Bailey et al. 1997. T. 126. P. 303-346.
35. *Baradez J.* Fossatum Africae: Recherches aériennes sur l'organisation des confins sahariens à l'époque romaine. Paris: Arts et Metiers graphiques, 1949. 370 p.
36. *Barnes T.D.* The Sources of the Historia Augusta. Brussels: Latomus, 1978. 450 p.
37. *Berger F.* Roman coins beyond the northern frontiers: some recent considerations // Coin finds and Coin use in the Roman World / Ed. by King C.E., Wigg D.G. Berlin, 1996. P. 55–61.

38. *Bidwell P.* The external supply of pottery and cereals to Antonine Scotland // *The Antonine Wall: Papers in Honour of Professor Lawrence Keppie* / Ed. by Breeze, D.J. Hanson, W.S. Archaeopress. Oxford, 2020. P. 265–286.
39. *Bidwell P.T.* Did Hadrian's Wall have a Wall-walk? // *Understanding Hadrian's Wall* / Ed. by P.T. Bidwell. Kendal: The Arbeia Society, 2008. P. 129–143.
40. *Bidwell P.T.* Hadrian's Wall at Wallsend. *Arbeia Society Roman Archaeological Studies 1*. Arbeia Society, South Shields, 2018. 262 p.
41. *Bidwell P.T.* The systems of obstacles on Hadrian's Wall: their extent, date and purpose' // *Arbeia Journal*. 2005. T. 8. P. 53–76.
42. *Bidwell P.T., Holbrook N.* Hadrian's Wall bridges. *English Heritage*, 1989. 168 p.
43. *Birley A. R.* Hadrian's wall: An illustrated guide. London, 1963. – 58 p.
44. *Birley A. R.* The Roman Government of Britain. OUP Oxford, 2005. 560 p.
45. *Birley A.R.* Antoninus Pius' Guard Prefect Marcus Gavius Maximus with an Appendix on new evidence for the Fasti of Britain under Antoninus // *The Antonine Wall: Papers in Honour of Professor Lawrence Keppie* / Ed. by Breeze, D.J. Hanson, W.S. Archaeopress. Oxford, 2020. P. 313–331.
46. *Birley A.R.* Hadrian: The Restless Emperor. London: Routledge, 1997. 424 p.
47. *Birley E.* Research on Hadrian's Wall. Kendal, 1961. 319 p.
48. *Birley E.* The Roman Army. Papers 1929–1986. Amsterdam, 1988. P. 13–20.
49. *Birley R.* Vindolanda: extraordinary records of daily life on the northern frontier. Vindolanda Trust, 2005. 112 p.

50. *Bishop M. C.* Handbook to Roman legionary fortresses. Pen and Sword, 2013. 256 p.
51. *Bishop M. C., Dore J. N., Allason-Jones L.* Corbridge: excavations of the Roman fort and town, 1947–80. Historic Buildings & Monuments Commission for England, 1989. 323 p.
52. *Bowersock G. W.* Limes arabicus // Harvard Studies in Classical Philology. 1976. T. 80. P. 219–229.
53. *Bowman A. K., Thomas J. D.* The Vindolanda writing tablets and their significance: an interim report // Historia: zeitschrift für alte geschichte. – 1975. №. H. 3. S. 463–478.
54. *Bowman A., Thomas J. D.* The Vindolanda Tablets. London, British Museum Press, 1994. 157 p.
55. *Braund D.* Rome and the Friendly King (Routledge Revivals): The Character of Client Kingship. Routledge, 2014. 234 p.
56. *Breeze D. J.* Did Hadrian design Hadrian's Wall? // Archaeologia Aeliana. 2009. T. 46. №. 5th series. P. 87–103.
57. *Breeze D. J.* Excavations at the Roman fortlet on the Antonine Wall at Watling Lodge, 1972-4 // Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland. 1975. T. 105. P. 166–175.
58. *Breeze D. J.* Hadrian's wall: A history of archaeological thought. Kendal: Cumberland and Westmorland Antiquarian and Archaeological Society, 2014. 194 p.
59. *Breeze D. J.* The Antonine Wall. Edinburgh: Historic Scotland, 2015. 210 p.
60. *Breeze D. J.* The Antonine Wall. Edinburgh: John Donald, 2006. 224 p.
61. *Breeze D. J.* The Frontiers of Imperial Rome. Barnsley, UK: Pen & Sword, 2011. 272 p.
62. *Breeze D. J.* The marking-out of Hadrian's Wall // Archaeologia Aeliana. 2014. T. 4. P. 319–26.

63. *Breeze D. J.* The Northern Frontiers of Roman Britain/ London, 1982. 188 p.
64. *Breeze D. J.* The placing of the forts on Hadrian's Wall // *Archaeologia Aeliana*. 2017. T. 46. №. 5th series. P. 21–39.
65. *Breeze D. J.* The Vallum of Hadrian's Wall // *Archaeologia Aeliana*. 2015. T. 44. P. 1–29.
66. *Breeze D. J.* The value of studying Roman frontiers [Электронный ресурс] // *Theoretical Roman Archaeology Journal*. 2018. T. 1. №. 1. URL: <https://traj.openlibhums.org/article/id/3995/>
67. *Breeze D. J., Dobson B.* Hadrian's Wall. Penguin UK, 2000. 357 p.
68. *Breeze D. J., Hanson W. S.* The Antonine Wall: the current state of knowledge // *The Antonine Wall: Papers in Honour of Professor Lawrence Keppie/* Ed. by D.J. Breeze, W.S Hanson. Archaeopress. Oxford, 2020. P. 9–36.
69. *Breeze D. J., Jilek S., Thiel A.* Frontiers of the Roman Empire. Historic Scotland, 2005. 72 p.
70. *Breeze D.J.* Frontiers of the Roman Empire: The Antonine Wall – A World Heritage Site. Oxford: Archaeopress, 2022. 76 p.
71. *Breeze D.J., Dobson B.* The development of the mural frontier in Britain from Hadrian to Caracalla // *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland*. 1973. T. 102. P. 109–121.
72. *Breeze D.J., Hodgson N.* Pre Hadrianic forts and frontiers in Britain // *Limes XX: XX Congreso internacional de estudios sobre la frontera romana*. – Consejo Superior de Investigaciones Científicas, Instituto Histórico Hoffmeyer, Instituto de Arqueología de Merida, 2009. T. 13. P. 85–90.
73. *Bremmer J. N., Horsfall N. M.* Roman myth and mythography // *Bulletin Supplement* (University of London. Institute of Classical Studies). 1987. P. iii-120.

74. *Bruce J.C.* The Wallet Book of the Roman Wall [Электронный pecыпc] // London and Newcastle upon Tyne, 1983. 268 p. URL: <https://archive.org/details/TheWalletBookOfTheRomanWall/page/n5/mode/2up>
75. *Buck, T., Greene, E. M., Meyer, A., Barlow, V., Graham, E.* The Body in the Ditch: Alternative Funerary Practices on the Northern Frontier of the Roman Empire? // *Britannia*. 2019. T. 50. P. 1–22.
76. *Bursche A.* Function of Roman coins in Barbaricum of Later Antiquity. An anthropological essay // *Roman Coins outside the Empire, Proceedings of the ESF/SCH Exploratory Workshop* / Ed. by A. Bursche, R. Ciołek, R. Wolters, R. Radziwiłł Palace, Nieborów (Poland). 2005. P. 3–6.
77. *Campbell D.B.* Roman Auxiliary Forts 27 BC-AD 378. Oxford: Osprey Publishing, 2009. 64 p.
78. *Caruana I. D.* Carlisle: excavation of a section of the annexe ditch of the first Flavian fort, 1990 // *Britannia*. 1992. T. 23. P. 45–109.
79. *Champion T.* Britain before the Romans. The Oxford Handbook of Roman Britain, Oxford. 2016. P. 150–178.
80. *Cheesman C. E. A.* Tincomarus Commi filius // *Britannia*. 1998. T. 29. P. 309–315.
81. *Cherry D.* Frontier and society in roman north Africa. Oxford University Press, 1998. 308 p.
82. *Christiansen P. G., Christiansen D.* Claudian: The Last Great Pagan Poet // *L'Antiquité Classique*. 2009. № 78. P. 133–44.
83. *Clarke K.* An island nation: re-reading Tacitus' *Agricola* // *The Journal of Roman Studies*. 2001. T. 91. P. 94–112.
84. *Collingwood R. G.* The Roman Frontier in Britain // *Antiquity*. 1927. T. 1. №. 1. P. 15–30.
85. *Collins R., McIntosh F.* Life in the Limes: Studies of the people and objects of the Roman frontiers. Oxbow Books, 2014. 264 p.

86. *Connolly P.* The Roman Fort. Oxford University Press, USA, 1997. 32 p.
87. *Cottam E., De Jersey P., Rudd C., Sills J.* Ancient British Coins. Aylsham: Chris Rudd, 2010. 252 p.
88. *Creighton J.* Coins and power in Late Iron Age Britain. Cambridge, 2000. 251 p.
89. *Creighton J. et al.* The Iron Age-Roman transition // Britons and Romans / Ed. by James and Millett. York: Council for British Archaeology, 2001. Vol. 118. P. 4–11.
90. *Crow J. G.* A review of current research on the turrets and curtain of Hadrian's Wall // Britannia. 1991. T. 22. P. 51–63.
91. *Cunliffe B.* Iron Age communities in Britain: an account of England, Scotland and Wales from the seventh century BC until the Roman conquest. Routledge, 2004. 752 p.
92. *Daniels C. M.* Africa // The Roman World. / Ed. by Wachter. J. London: Routledge & Kegan Paul, 1987. P. 223–265.
93. *Daniels C. M.* Excavations at Wallsend and the fourth-century barracks on Hadrian's Wall // Roman Frontier Studies / Ed. by W.S. Hanson, L.J.F. Keppie. Oxford, 1979. T. 71. P. 73–93.
94. *Davies M. H.* Dominated by unenclosed settlements? The Later Iron Age in eastern Scotland north of the Forth // The Later Iron Age in Britain and Beyond / Ed. by Haselgrove & Moore Oxbow Books, 2006. P. 266–85.
95. *Dobat E.* Comparison of the Gask “system” in Perthshire (Scotland) and the Taunus-Wetterau frontier in Hessen (Germany). unpubl MPhil thesis, University of Glasgow (United Kingdom), 2004.
96. *Dobat E.* The Gask ‘system’ in Perthshire: the first artificial frontier line in the Roman empire? // First Contact: Rome and Northern Britain / Ed. by Breeze D.J., Thoas L., Hall D. Tayside and Fife Archaeological Committee, 2009. P. 39–48.

97. *Driessen M.* Monumentality for Roman Nijmegen // Limes XIX. Proceedings of the XIXth International Congress of Roman Frontier Studies, Pécs Hungary, 2003 / Ed. by Zs. Visy. Pécs: University of Pécs, 2005. P. 315–319.
98. *Drogula F. K.* Commanders and command in the Roman Republic and Early Empire. UNC Press Books, 2015. – 421 p.
99. *Dunbavin P.* Picts and Ancient Britons: an exploration of pictish origins // P. Dunbavin. Third Millennium Publishing, 1998. 144 p.
100. *Dyson S. L.* The Creation of the Roman Frontier. Princeton University press, 2014. 338 p.
101. *Eckardt H.* Objects and Identities: Roman Britain and the North-Western Provinces. Oxford University Press, USA, 2014. 214 p.
102. *Eckardt, H., Müldner, G., Speed, G.* The Late Roman Field Army in Northern Britain? Mobility, Material Culture and Multi-Isotope Analysis at Scorton (N Yorks.) // *Britannia*. 2015. T. 46. P. 191–223.
103. *Ernout A., Meillet A.* Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. 4e édition. Paris, 2001. 427 p.
104. *Everitt A.* Hadrian and the Triumph of Rome. New York, 2009. 448 p.
105. *Ferris I.* Enemies of Rome: Barbarians through Roman Eyes. Sutton Pub Ltd., 2004. 304 p.
106. *Fieber, K. D., Mills, J. P., Peppas, M. V., Haynes, I., Turner, S., Turner, A., Douglas, M., Bryan, P. G.* Cultural Heritage Through Time: A Case Study at Hadrian's Wall, United Kingdom // *International Archives of Photogrammetry, Remote Sensing and Spatial Information Sciences*, 2017. XLII-2/W3. P. 297–302.
107. *Fishwick D.* The Imperial Cult in Roman Britain // *Phoenix*, 1961. T. 15. №. 3. P. 159–173.

108. *Fishwick D.* The Imperial NVMEN in Roman Britain / The Imperial Cult in the Latin West, Volume 2 Studies in the Ruler Cult of the Western Provinces of the Roman Empire-Part 2.1. Brill, 1990. P. 397–422.
109. *François H.* The Mirror of Herodotus / пер. Janet Lloyd. Berkeley: University of California Press, 1988. 411 p.
110. *Freeman P.W.M.* «Romanisation» and Roman Material Culture // Journal of Roman Archaeology. 1993. Vol. 6. P. 438–445.
111. *Frere Sh.S.* Britannia: a History of Roman Britain. 3d ed. L.–N.Y.: Routledge & Kegan Paul, 1987. 487 p.
112. *Garbsch J.* Der spätrömische Donau-Illyr-Rhein-Limes. Gentner-Verlag, 1970. 18 s.
113. *Garcia M. J.* Barriers along the US borders: key authorities and requirements [электронный ресурс]. CRS report for Member and committees of Congress. 2016. URL: <https://sgp.fas.org/crs/homesec/R43975.pdf>
114. *Gardner A.* An archaeology of identity: soldiers and society in late Roman Britain. Routledge, 2016. 312 p.
115. *Gechter M.* Die Anfänge des Niedergermanischen Limes // Bonner Jahrbücher des Rheinischen Landesmuseums in Bonn und des Rheinischen Amtes für Bodendenkmalpflege im Landschaftsverband Rheinland und des Vereins von Altertumsfreunden im Rheinlande. 1979. T. 179. S. 1–129.
116. *Gillam J. P.* Possible changes in plan in the course of the construction of the Antonine Wall // Scottish Archaeological Forum. 1975. T. 7. P. 51–56.
117. *Goodchild R. G., Richmond I. A.* Fossatum Africae // The Journal of Roman Studies. Vol. 40 (1–2). 1950. P. 162–165.
118. *Graafstal E. P.* What Happened in the Summer of AD 122? Hadrian on the British Frontier—Archaeology, Epigraphy and Historical Agency // Britannia. 2018. T. 49. P. 79–111.

119. *Graafstal E. P* Wing-walls and waterworks. On the planning and purpose of the Antonine Wall // *The Antonine Wall: Papers in Honour of Professor Lawrence Keppie* / Ed. by Breeze, D.J. Hanson, W.S. Archaeopress. Oxford, 2020. – Pp. 142–185.
120. *Graafstal E. P, Breeze, D. J., Jones R. H., Symonds M. F. A., Oltean I. A.* Sacred cows in the landscape: rethinking the planning of the Antonine Wall // *Understanding Roman Frontiers* / Ed. by D.J. Breeze, R.H. Jones and Ioana A. Oltean. John Donald, 2015. P. 54–69.
121. *Graafstal E. P.* Hadrian's haste: a priority programme for the Wall // *Archaeologia Aeliana*. 2012. T. 41. №. 5th series. P. 123–184.
122. *Graafstal E. P.* The original plan for Hadrian's Wall: a new purpose for Pons Aelius? // *Archaeological Journal*. 2021. T. 178 (1). P. 107–145.
123. *Graf D. F.* The via militaris and the limes Arabicus. OXBOW MONOGRAPH. 1997. P. 123–134.
124. *Graham F.* The Roman Wall: Comprehensive History and Guide. Frank Graham. 1979. 287 p.
125. *Grainge G.* The Roman Invasions of Britain. Stroud: Tempus, 2005. 212 p.
126. *Gudea N.* Der Limes der Provinz Pannonia Inferior (106-294 n. Chr.) // *Jahrbuch des Römisch-germanischen Zentralmuseums Mainz*. 2013. T. 60. №. 2. S. 459–658.
127. *Hammond N.* The Limes Tripolitanus: a Roman Road in North Africa // *Journal of the British Archaeological Association*. 1967. T. 30. №. 1. P. 1–18.
128. *Hanson W. S.* The design of the Antonine Wall // *Britannia*. 2020. T. 51. P. 203–223.
129. *Hanson W. S.* The nature and function of Roman frontiers revisited // *Life in the Limes: Studies of the people and objects of the Roman frontiers* / Ed. by Collins R., McIntosh F. Oxbow books, 2014. P. 4–10.

130. *Hanson W. S., Breeze D. J.* The Antonine Wall: the current state of knowledge // The Antonine Wall: Papers in Honour of Professor Lawrence Keppie / Ed. by Breeze D.J., Hanson, W.S. Archaeopress. Oxford, 2020. P. 9–36.
131. *Hanson W. S., Campbell D. B.* The Brigantes: from clientage to conquest // *Britannia*. 1986. T. 17. P. 73–89.
132. *Hanson W. S., Campbell D. B.* The Brigantes: from clientage to conquest // *Britannia*. 1986. T. 17. P. 73–89.
133. *Hanson W. S., Daniels C. M., Dore J. N., Gillam J. P.* The Agricolan supply-base at Red House, Corbridge // *Archaeologia Aeliana*. 1979. T. 5. №. 7. P. 1–97.
134. *Hanson W. S., Maxwell G. S.* Rome's north west frontier: the Antonine Wall. Edinburgh University Press, 1983. – 247 p.
135. *Hanson W. S., Oltean I. A.* The ‘Valu lui Traian’: a Roman frontier rehabilitated // *Journal of Roman Archaeology*. 2012. T. 25. P. 297–318.
136. *Hanson W.S.* Agricola and the Conquest of the North. Batsford Studies in Archaeology and Ancient History. Batsford, London, 1987. 210 p.
137. *Hanson W.S.* Elginhaugh: A Flavian Fort and its Annexe. Society for the Promotion of Roman Studies: London, UK, 2007. 676 p.
138. *Haskett J. P.* Hadrian's wall: Romanization on rome's northern frontier. Boise State University Theses and Dissertations, 2009. 93 p.
139. *Hassall M.* Britain in the Notitia // Aspects of the Notitia Dignitatum, BAR SS 15 / Ed. by Goodburn and P. Bartholomew. Oxford, 1976. P. 103–117.
140. *Haverfield F.* The Romanization of Roman Britain. Oxford: Oxford University Press, 1915. 112 p.
141. *Haynes I.* Blood of the Provinces. Oxford university Press, 2016. 448 p.

142. *Haynes I.* Identity and Military Community in Roman Britain // The Oxford Handbook of Roman Britain / Ed. By Millett M., Revell L., Moore A. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 448–465.
143. *Haynes I. P.* The Romanisation of Religion in the Auxilia of the Roman Imperial Army from Augustus to Septimus Severus // *Britannia*. 1993. T. 24. P. 141–157.
144. *Hekster O. J.* Trophy kings and Roman power: A Roman perspective on client kingdoms // *Kingdoms and Principalities in the Roman Near East* / Ed. by T. Kaizer, M. Facella. Stuttgart Steiner Verlag, 2010. P. 45–55.
145. *Heller A.* The Religious Legitimation of War in the Reign of Antoninus Pius // *The Religious Aspects of War in the Ancient Near East, Greece, and Rome* / Ed by. Ulanowski K. Leiden/Boston, 2016. P. 358–375.
146. *Henig M.* Religion in Roman Britain. London: Routledge, 1984. 264 p.
147. *Hill P. R.* The construction of Hadrian's Wall: дис. Durham University, 2003.
148. *Hill P. R., Dobson B.* The design of Hadrian's Wall and its implications // *Archaeologia Aeliana*. 1992. T. 20. P. 27–52.
149. *Hill P.R.* The construction of Hadrian's Wall. Stroud, 2006. 176 p.
150. *Hind J. G. F.* Caledonia and its occupation under the Flavians // *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland*. 1984. T. 113. P. 373–378.
151. *Hind J. G. F.* The 'Genounian' Part of Britain // *Britannia*. 1977. Vol. 8. P. 229–34.
152. *Hind J. G. F.* The vallum, the turf wall and the Brigantes // *Northern History*. 1989. T. 25. №. 1. P. 1-17.
153. *Hingley R.* Britannia, origin myths and the British Empire // *Theoretical Roman Archaeology Journal*. 1995. №. 1994. P. 11–23.

154. *Hingley R.* Hadrian's Wall: A Life. Oxford, 2012. 394 p.
155. *Hingley R.* Rural settlement in Northern Britain // A Companion to Roman Britain / Ed. by M. Todd. Oxford 2004. P. 327–348.
- 156.
157. *Hingley R.* Society in Scotland from 700 BC to AD 200 // Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland. 1993. T. 122. P. 7–53.
158. *Hingley R.* The most ancient boundary between England and Scotland': genealogies of the Roman Walls // Classical Receptions Journal. – 2010. – T. 2. – №. 1. – P. 25–43.
159. *Hingley R.* The most ancient boundary between England and Scotland: genealogies of the Roman Wall(s) // Classical reception journal. 2020. Vol. 2 (1). P. 25–43.
160. *Hingley R., Unwin C.* Boudica: Iron Age Warrior Queen. London, Bloomsbury Publishing, 2006. 292 p.
161. *Hingley R.* Conquering the Ocean. The Roman Invasion of Britain. Oxford: Oxford University Press, 2022. 312 p.
162. *Hodgson N.* Hadrian's Wall: Archaeology and history at the limit of Rome's empire. The Crowood Press, 2017. 224 p.
163. *Hodgson N.* The Stanegate: a frontier rehabilitated / N. Hodgson // Britannia. – 2000. T. 31. P. 11–22.
164. *Hodgson N.* Why was the Antonine Wall made of turf rather than stone? // The Antonine Wall: Papers in Honour of Professor Lawrence Keppie / Ed. by Breeze D.J., Hanson, W.S. Archaeopress. Oxford, 2020. P. 300–313.
165. *Hoffmann B.* The roman invasion of Britain: Archaeology versus history. Pen and Sword, 2013. 241 p.
166. *Holder P. A.* Studies in the Auxilia of the Roman Army from Augustus to Trajan. The University of Manchester (United Kingdom), 1980. 372 p.
167. *Holder P.* Auxiliary deployment in the reign of Hadrian // Bulletin of the Institute of Classical Studies. Supplement. 2003. P. 101–145.

168. *Holmes N.* Two denarius hoards from Birnie, Moray // *British Numismatic Journal*. 2006. T. 76. P. 1–44.
169. *Hooley J., Breeze D. J.* The building of Hadrian's Wall: a reconsideration // *Archaeologia Aeliana Series 4*. Vol 46. 1968. P. 97–114.
170. *Hubbard M.* A Commentary on Horace: Odes Book III // Ed. by R. G. M. Nisbet, M. Hubbard Oxford, 2004. 420 p.
171. *Hunter F.* Celtic art in roman Britain // *Rethinking Celtic Art* / Ed. by D. Garrow, C. Gosden, J.D. Hill. Oxbow books, 2008. P. 129–45.
172. *Hunter F.* Silver for the Barbarians: Interpreting Denarii Hoards in North Britain and Beyond // *Roman Finds: Context and Theory: Proceedings of a Conference Held at the University of Durham* / Ed. by R. Hingley, S. Willis. Oxbow Books Limited, 2007. P. 214–227.
173. *Hunter F.* The lure of silver: denarius hoards and relations across the frontier // *Understanding Roman Frontiers* / Ed. by Breeze D.J, Jones R.H., Oalton I.A. Edinburgh, 2015. P. 251–269.
174. *Irby-Massie G.* Military Religion in Roman Britain. Brill, 2018. 391 p.
175. *Isaac B.* Empire and ideology in the Graeco-Roman world: Selected papers. Cambridge University Press, 2017. 372 p.
176. *Ivleva T.* Peasants into soldiers: recruitment and military mobility in the early Roman Empire // *Migration and mobility in the early Roman Empire*. Brill, 2016. P. 158–175.
177. *Ivleva T.A.* Britons abroad: the mobility of Britons and the circulation of British-made objects in the Roman Empire / Dissertation, Leiden University 2012. 454 p.
178. *Jarrett M. G.* Non-legionary troops in Roman Britain: part one, the units // *Britannia*. 1994. Vol. 25. P. 35–77.
179. *Jensen E.* Barbarians in the Greek and Roman. Hackett Publishing, USA, 2018. 312 p.

180. *Johns C.* Romano-British precious-metal hoards: some comments on Martin Millett's paper' // TRAC 94: Proceedings of the Fourth Annual Theoretical Roman Archaeology Conference, held at the Department of Archaeology, University of Durham, 19th and 20th March. Oxford: Oxbow, 1994. P. 107–117.
181. *Johns C.* The classification and interpretation of Romano-British treasures // *Britannia*. 1996. T. 27. P. 1–16.
182. *Johnson A.* Römische Kastelle Des 1. Und 2. Jahrhunderts N. Chr. in Britannien Und in Den Germanischen Provinzen Des Römerreiches. Kulturgeschichte Der Antiken Welt. Mainz am Rhein von Zabern. 1987. 370 s.
183. *Johnson S.* Hadrian's Wall. Batsford, Sterling Publishing Company, 2003. 128 p.
184. *Jones B., Mattingly D.* An Atlas of Roman Britain. Oxbow Books, 1990. 342 p.
185. *Jones M. J.* Roman Forts of the 1st and 2nd Centuries AD in Britain and the German Provinces // *The Antiquaries Journal*. 1985. T. 65. №. 1. P. 175–176.
186. *Jones M. J.* Roman Lincoln: Conquest, colony and capital. Tempus, Stroud, 2002. 160 p.
187. *Kemkes M.* The Limes / The Oxford Handbook of the Archaeology of Roman Germany // Ed. by James S., Krmnicek S. Oxford University Press, 2020. P. 166–200.
188. *Kendal R.* Transport Logistics Associated with the Building of Hadrian's Wall // *Britannia*. Vol. 27. 1996. P. 129–152.
189. *Keppie L. F. J.* The building of the Antonine Wall: archaeological and epigraphic evidence // *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland*. 1975. T. 105. P. 151–165.
190. *Keppie L. J. F.* Legions and veterans: Roman army papers 1971-2000. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2000. T. 12. 339 p.

191. *Keppie L. J. F., Main, L., Henderson, A. A. R.* Some rescue excavation on the line of the Antonine Wall, 1973-6 // *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland*. 1978. Vol. 107. P. 61–80.
192. *Keppie L.* Legiones II Augusta, VI Victrix, IX Hispana, XX Valeria Victrix // *Les légions de Rome sous le Haut-Empire*. 2000. T. 1. P. 25–37.
193. *Keresztes P.* The Emperor Antoninus Pius and the Christians // *The Journal of Ecclesiastical History*. 1973. № 22(01). P. 1–18.
194. *Kilbride-Jones H. E.* The excavation of a native settlement at Milking Gap, High Shield, Northumberland // *Archaeologia Aeliana*. 1938. Vol. 15. P. 303–350.
195. *King D. L., Case C. J., Roosa J. L.* The comprehensive taxation system existing during the Roman Empire // *Journal of Business and Accounting*. 2019. T. 12. №. 1. P. 64–78.
196. *Kipling R.* Puck of Pook's Hill. London: Macmillan and co. 1906. 277 p. URL: <https://www.gutenberg.org/files/26027/26027-h/26027-h.html>
197. *Lewis J.* Visibility of the Gask Ridge road from simulated Watchtowers: A Monte Carlo testing approach // *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2020. Vol. 33. P. 102482 (17 p.).
198. *Linck R., Fassbinder J. W. E.* Proving a Roman technical masterstroke: GIS-based viewshed and intervisibility analysis of the Bavarian part of the Rhaetian Limes // *Archaeological and Anthropological Sciences*. 2022. Vol. 14. №. 1. P. 25.
199. *Lind L.* Roman denarii found in Sweden. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, distributor, 1979. 148 p.
200. *Macdonald. G.* The Roman Wall in Scotland. Oxford: Oxford University Press, 1934. 492 p.
201. *Macinnes L.* The impact of the Antonine Wall on Iron Age society / L. Macinnes // *The Antonine Wall: Papers in Honour of Professor*

Lawrence Keppie / Ed. by Breeze D.J., Hanson, W.S. Archaeopress. Oxford, 2020. P. 47–60.

202. *Maltby R. P.* Book Three of the Corpus Tibullianum: Introduction, Text, Translation and Commentary. Cambridge Scholars Publishing, 2021. 711 p.

203. *Mann J. C.* Hadrian's Wall West of the Irthing: The Role of VI Victrix // *Britannia*. 1990. Vol 21. P. 289–292.

204. *Mann J. C.* The construction of the Antonine Wall // *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland*. 1987. Vol. 116. P. 191–193.

205. *Mann J. C.* The frontiers of the Principate // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*; Teil 2. Principat; 1: Teil 2. Principat: [Politische Geschichte (Allgemeines)]. Walter de Gruyter, 1974. P. 508–533.

206. *Mann J. C.* The settlement of veterans discharged from auxiliary units stationed in Britain // *Britannia*. 2002. Vol. 33. P. 183–188.

207. *Mann J. C.* The settlement of veterans in the Roman Empire / J.C. Mann: дис. University of London, 1956. 374 p.

208. *Mann J. C., Breeze D. J.* Ptolemy, Tacitus and the tribes of north Britain // *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland*. 1988. T. 117. P. 85–91.

209. *Mann J. C., Roxan M.* Legionary Recruitment and Veteran Settlement During the Principate. London: Institute of Archaeology, 1983. 196 p.

210. *Marriott I.* The authorship of the *Historia Augusta*: two computer studies // *The Journal of Roman Studies*. 1979. Vol. 69. P. 65–77.

211. *Mattingly D.* An imperial possession: Britain in the Roman Empire, 54 BC-AD 409. Penguin UK, 2007. 640 p.

212. *Mattingly D.* Imperialism, Power, and Identity: Experiencing the Roman Empire. Princeton: Princeton University Press, 2014. 366 p.

213. *Mattingly D.* Vulgar and weak Romanization, or time for a paradigm shift? // *Journal of Roman Archaeology*. 2002. Vol. 15. P. 536–541.

214. *Maxwell G. S.* Two inscribed Roman stones and architectural fragments from Scotland // *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland*. 1984. Vol. 113. P. 379–390.
215. *McCarthy M. R.* Luguvalium (Carlisle) a civitas capital on the northern frontier / *The Archaeology of Roman Towns: Studies in Honour of John S Wachter* // Ed. by Wilson P. Oxford, 2003. P. 144–145.
216. *McCarthy M. R., Padley T. G., Henig M.* Excavations and finds from the Lanes, Carlisle // *Britannia*. 1982. T. 13. P. 79–89
217. *McCloy A., Midgley A.* *Discovering Roman Britain*. New Holland Publishers, 2008. 160 p.
218. *Meyer A.* Where did all the veterans go? Veterans on the Antonine Wall // *The Antonine Wall: Papers in Honour of Professor Lawrence Keppie* / Ed. by Breeze, D.J. Hanson, W.S. Archaeopress. Oxford, 2020. P. 366 – 376.
219. *Millar F.* The emperor, the senate and the provinces // *The Journal of Roman Studies*. 1966. Vol. 56. №. 1–2. P. 156–166.
220. *Millett M.* *The Romanization of Britain. An Essay in Archaeological Interpretation*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 272 p.
221. *Millett M.* Treasure: interpreting Roman hoards // *Theoretical Roman Archaeology Journal*. 1995. P. 99–106.
222. *Orrenius P. M.* Illegal immigration and enforcement along the US-Mexico border: An overview // *Economic and Financial Review-Federal Reserve Bank of Dallas*. 2001. №. 1. P. 2–11.
223. *Peirano I.* *The rhetoric of the Roman fake: Latin pseudepigrapha in context*. Cambridge University Press, 2012. 311 p.
224. *Perowne S.* *Hadrian*. London: Hodder and Stoughton, 1960. 192 p.

225. *Pitts, M., Versluys M.J.* Globalisation and the Roman World: world history, connectivity, and material culture. Cambridge University press, 2015. 296 p.
226. *Poulter J.* Surveying Roman Military Landscapes Across Northern Britain: The Planning of Roman Dere Street, Hadrian's Wall and the Vallum, and the Antonine Wall in Scotland // BAR Publishing, 2009. 141 p.
227. *Richardson J.* Roman Provincial Administration: 227 BC to AD 117. Bristol Classical Press, 2001. 88 P.
228. *Richmond I. A.* Excavations at the Roman fort of Newstead, 1947 // Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland. 1952. T. 84. P. 1–38.
229. *Richmond I. A.* Queen Cartimandua // The Journal of Roman Studies. – 1954. Vol. 44. №. 1–2. P. 43–52.
230. *Richmond I. A.* The Relation of the Fort at Newstead to Scottish History, AD 80-180 // Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland. 1924. T. 58. P. 309–321.
231. *Rivet A. L. F., Jackson K.* The British section of the Antonine Itinerary // Britannia. 1970. Vol. 1. P. 34–82.
232. *Rivet A. L. F., Smiths C.* The Place-names of Roman Britain // Princeton University Press. 1979. 526 p.
233. *Robertson A.S.* Roman 'Signal Stations' on the Gask Ridge // Transactions of the Perthshire Society of Natural Science, (Special Issue). 1974. P. 14–29.
234. *Robertson A.S.* The Antonine Wall. Glasgow Archaeological Society, 1960. 92 p.
235. *Robertson A.S.* The Romans in North Britain: The Coin Evidence // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt; Teil 2. Principat; 3: Teil 2. Principat: [Politische Geschichte (Provinzen und Randvölker: Allgemeines; Britannien, Hispanien, Gallien)] / Ed. by Temporini I. Walter De Gruyter, 1975. P. 364–426.

236. *Rodwell W.* Milestones, Civic territories and the Antonine // *Britannia*. Vol. 6. 1975. P. 76–101
237. *Roxan M. M.* Observations on the reasons for changes in formula in diplomas circa AD 140 // *Eck and Wolff*. 1986. P. 265–92.
238. *Salway P.* A History of Roman Britain. Oxford University Press, 2001. 608 p.
239. *Schönberger H.* Die römischen Truppenlager der frühen und mittleren Kaiserzeit zwischen Nordsee und Inn // *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission*. Berlin, 1985. Vol. 66. S. 321–497
240. *Schoonhoven H.* The 'Panegyricus Messallae': Date and Relation with Catalepton 9 // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt (ANRW) = Rise and decline of the Roman world / Ed. by Temporini H. et al.* Vol. 30. Pt. 3. 1983. P. 1681–1707.
241. *Shotter D. C. A.* Petillius Cerialis in northern Britain // *Northern History*. 2000. Vol. 36. №. 2. P. 189–198.
242. *Shotter D.* Roman Britain. London, Routledge, 2004. 160 p.
243. *Shotter D.* Romans and Britons in North-West England. University of Lancaster, 2004. 216 p.
244. *Shotton E.* Roman Britain in the Northeast: The Excavation and Interpretation of Arbeia, South Shields / *дисс. Syracuse Univ.*, 2016. 94 p.
245. *Sibbald R.* Historical inquiries concerning the Roman monuments in the north part of Britain called Scotland. Edinburgh, 1707. 52 p.
246. *Sieteski S.* Recontextualizing Military Structures along the Stanegate and Hadrian's Wall Utilizing Aerial Photography and GIS Mapping // *Thesis (Ph.D.) Bryn Mawr College*, 2017. 177 p.
247. *Smith A. et. Al.* The Rural Settlement of Roman England: Settlement Morphology and Regional Diversity: Establishing A New Model. The Rural Settlement of Roman England: From Regional Perspectives To

National Synthesis [электронный ресурс] // York: Archaeology Data Service, 2015 (2018). [URL: <https://doi.org/10.5284/1030449>]

248. *Smith W., Charles A.* A new classical dictionary of Greek and Roman biography, mythology, and geography partly based upon the Dictionary of Greek and Roman biography and mythology. New York: Harper & Bros. Tables, 1851. 1039 p.

249. *Southern P.* Roman Britain. Amberley Publishing, Stroud, Gloucestershire, 2013. 432 p.

250. *Southern P.* The numeri of the Roman imperial army // *Britannia*. 1989. Vol. 20. P. 81–140.

251. *Spaul J.E.H.* Ala2: The Auxiliary Cavalry Units of the Pre-Diocletianic Imperial Army. Andover, 1994. 327 p.

252. *Speidel M.P.* Emperor Hadrian's Speeches to the African Army – a New Text. Mainz: Verlag das Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2006. 106 p.

253. *Speidel M.P.* Pannonian troops in the Moorish War of Antoninus Pius / *Akten des XI Internationalen Limeskongresses* // Ed. by Fitz J. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1977. P. 129–35.

254. *Speller E.* Following Hadrian: a second-century journey through the Roman empire. Oxford University Press, 2003. 328 p.

255. *Stanier T.* The Brigantes and the Ninth Legion // *Phoenix*. 1965. T. 19. №. 4. P. 305–313.

256. *Stevens C. E.* The «Bellum Gallicum» as a work of propaganda // *Latomus*. 1952. T. 11. №. Fasc. 1. P. 3–18.

257. *Stevens C.E.* The Building of Hadrian's Wall // *CWAAS*, 1963. 141 p.

258. *Stewart J. J.* The geographic definition of ultimus from Julius Caesar to Domitian // *Acta Classica: Proceedings of the Classical Association of South Africa*. Classical Association of South Africa (CASA), 2000. Vol. 43. №. 1. P. 129–137.

259. *Stewart P. C. N.* Inventing Britain: the Roman creation and adaptation of an image // *Britannia*. 1995. Vol. 26. P. 1–10.
260. *Stover J. A., Kestemont M.* The authorship of the *historia augusta*: two new computational studies // *Bulletin of the Institute of Classical Studies*. 2016. Vol. 59. №. 2. P. 140–157.
261. *Stover J.* New light on the *Historia Augusta* // *The Journal of Roman Studies*. 2020. Vol. 110. P. 167–198.
262. *Suharoschi D. A., Dumitrache I., Curcă R. G.* The Limes Germanicus trade and the Roman army // *Experiencing the frontier and the frontier of experience: Barbarian perspectives and Roman strategies to deal with new threats*. Archaeopress, Oxford. 2020. P. 56–66.
263. *Swift J.* *The Works of the Rev. Jonathan Swift, DD, Dean of St. Patrick's, Dublin.* / Ed. by J. Johnson, J. Nichols, R. Baldwin, Otridge and Son, J. Sewell, F. and C. Rivington, T. Payne, R. Faulder, G. and J. Robinson, R. Lea, J. Nunn, W. Cuthell, T. Egerton, [and 12 others], 1801. T. 9.
264. *Swinbank B., Spaul J. E H.* The spacing of the forts on Hadrian's Wall // *Archaeologia Aeliana Series 4*. Vol 29. 1951. P. 221–238.
265. *Syme R.* *Emperors and Biography: studies in the Historia Augusta*. Oxford: The Clarendon Press, 1971. 280 p.
266. *Syme R.* *Historia Augusta papers*. Oxford, Clarendon, Oxford University Press, 1983. 244 p.
267. *Symonds M.* *Protecting the Roman Empire: fortlets, frontiers, and the quest for post-conquest security*. Cambridge University Press, 2017. 252 p.
268. *Symonds M., Mason D.* *Frontiers of knowledge: a research framework for Hadrian's Wall*. Durham: Durham County Council. 2009. 311 p.
269. *Taylor J.* *An atlas of Roman rural settlement in England*. Council for British Archaeology (GB), 2007. №. 151. 134 p.

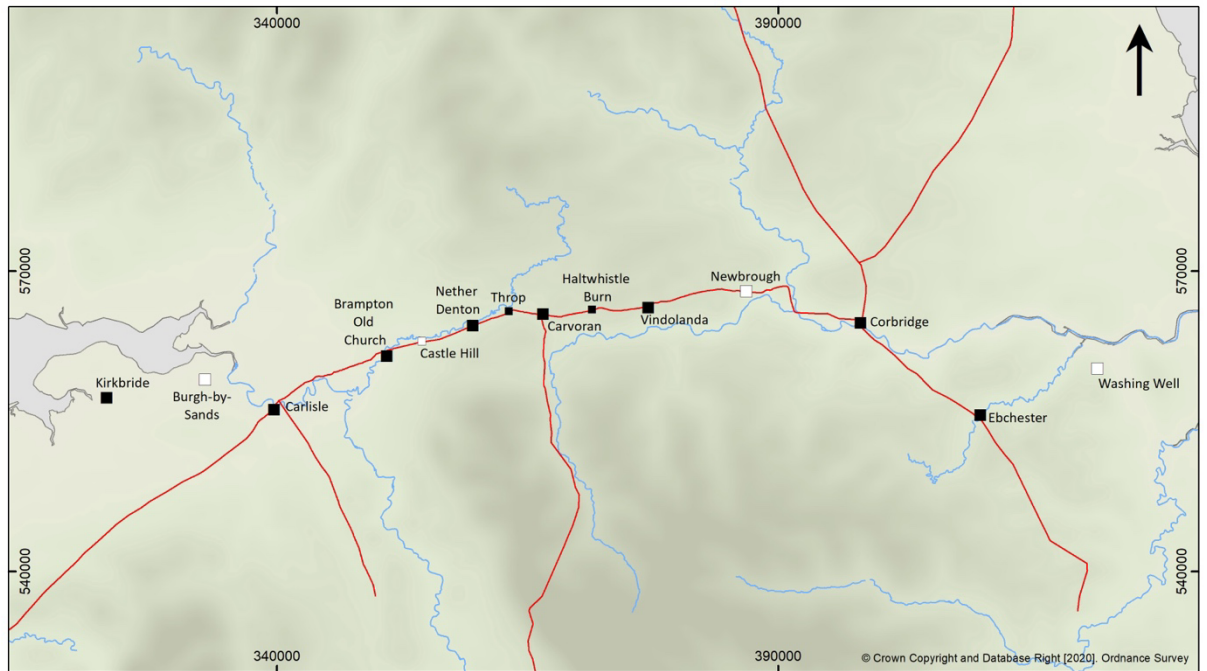
270. *Todd M.* The Falkirk hoard of denarii: trade or subsidy? // *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland*. 1987. T. 115. P. 229–232.
271. *van der Vleuten, E., & Feys, T.* Borders and Frontiers in Global and Transnational History Introduction // *Journal of Modern European History / Zeitschrift Für Moderne Europäische Geschichte / Revue d'histoire Européenne Contemporaine*. 2016. Vol.14 (1). P. 29–34.
272. *Van Dinter M.* The Roman Limes in the Netherlands: how a delta landscape determined the location of the military structures // *Netherlands Journal of Geosciences*. 2013. T. 92. №. 1. P. 11–32.
273. *Visy Z.* The Roman Limes and the Danube // *Der Donauraum*. 2012. T. 52. №. 2. P. 323–330.
274. *Watson W. J.* The history of the Celtic place-names of Scotland. Irish University Press. 1926. 584 p.
275. *Webster J.* Interpretatio: Roman word power and the Celtic gods // *Britannia*. 1995. T. 26. P. 153–161.
276. *Webster G.* The Roman Invasion of Britain. L.-N.Y.: Routledge, 1993. 244 p.
277. *Welfare H.* A Roman camp, quarries, and the Vallum at Shield-on-the-Wall (Newbrough) // *Archaeologia Aeliana* 5th series. 2013. T. 42. P. 81–99.
278. *Wells C. M.* Review of The Roman Imperial Army of the First and Second Centuries AD // *The American Journal of Philology*. Vol.102. №4. 1981. P. 465–69.
279. *Whittaker C. R.* Frontiers of the Roman empire a social and economic study // *Ancient society and history*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1994. 341 p.
280. *Wijsman H. J. W.* Thule applied to Britain // *Latomus*. 1998. T. 57. №. Fasc. 2. P. 318–323.

281. *Williams W.* Antoninus Pius and the Control of Provincial Embassies // *Historia: Zeitschrift Für Alte Geschichte*. 1967. Vol. 16. № 4. P. 470–483.
282. *Woolliscroft D. J.* Roman Military Signalling. Stroud, Tempus, 2001. 191 p.
283. *Woolliscroft D. J.* Roman Military Signalling. Tempus, 2001. 128 p.
284. *Woolliscroft D. J.* Signalling and the design of the Gask Ridge system // *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland*. 1994. T. 123. P. 291–313.
285. *Woolliscroft D. J.* The Roman Frontier on the Gask Ridge: Perth and Kinross: An interim report on the Roman Gask Project 1995-2000. BAR Publishing, 2002.
286. *Woolliscroft D. J., Hoffmann B.* Zum Signalsystem und Aufbau des Wetterau-Limes // *Fundberichte aus Baden-Württemberg*. 1991. Vol. 16. S. 531–543.
287. *Woolliscroft D.J. Hoffmann B.* The First Frontier. Rome in the North of Scotland. Stroud, U.K.: Tempus, 2006. – 272 p.
288. *Wright R. P.* Roman Britain in 1942 // *The Journal of Roman Studies*. 1943. T. 33. №. 1–2. P. 71–81.
289. *Crummy N.* Bears and Coins: The Iconography of Protection in Late Roman Infant Burials // *Britannia*. 2010. R. 41. P. 37– 93.

ПРИЛОЖЕНИЯ

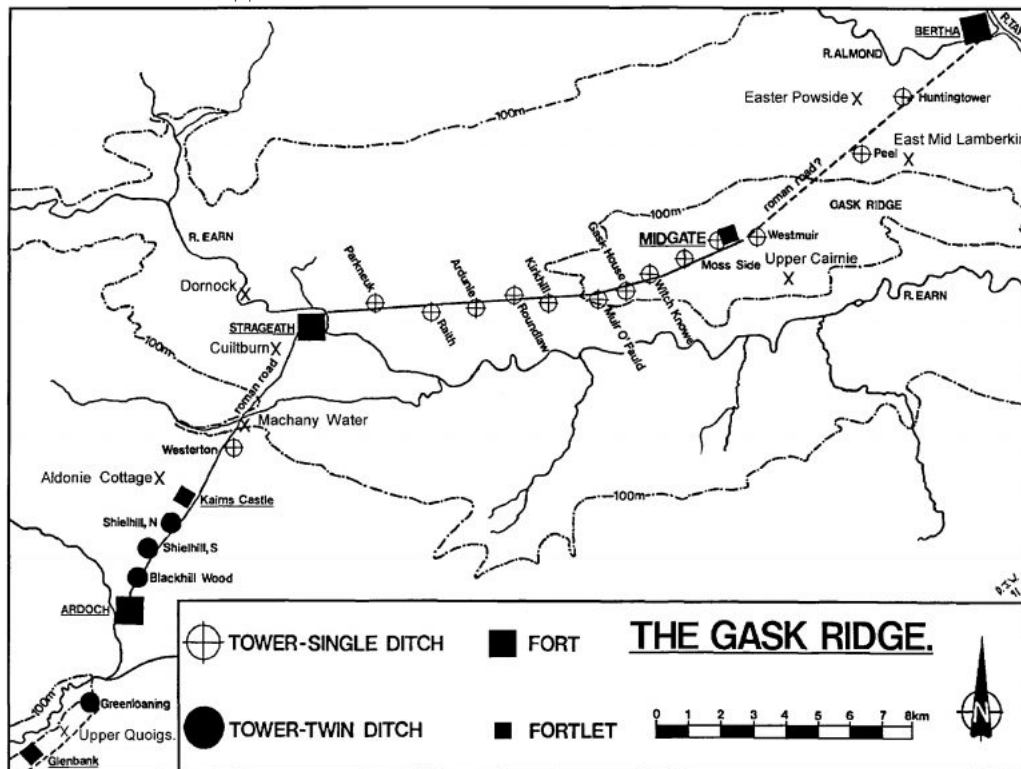
Приложение 1. Карты

Система Стейнгейт

Garland, Nicky. 2020. "Stanegate System, Showing Fort and Fortlets Connected by the Road V1 - Colour, Labels". Newcastle University. doi:10.25405/data.ncl.11908137.v1.

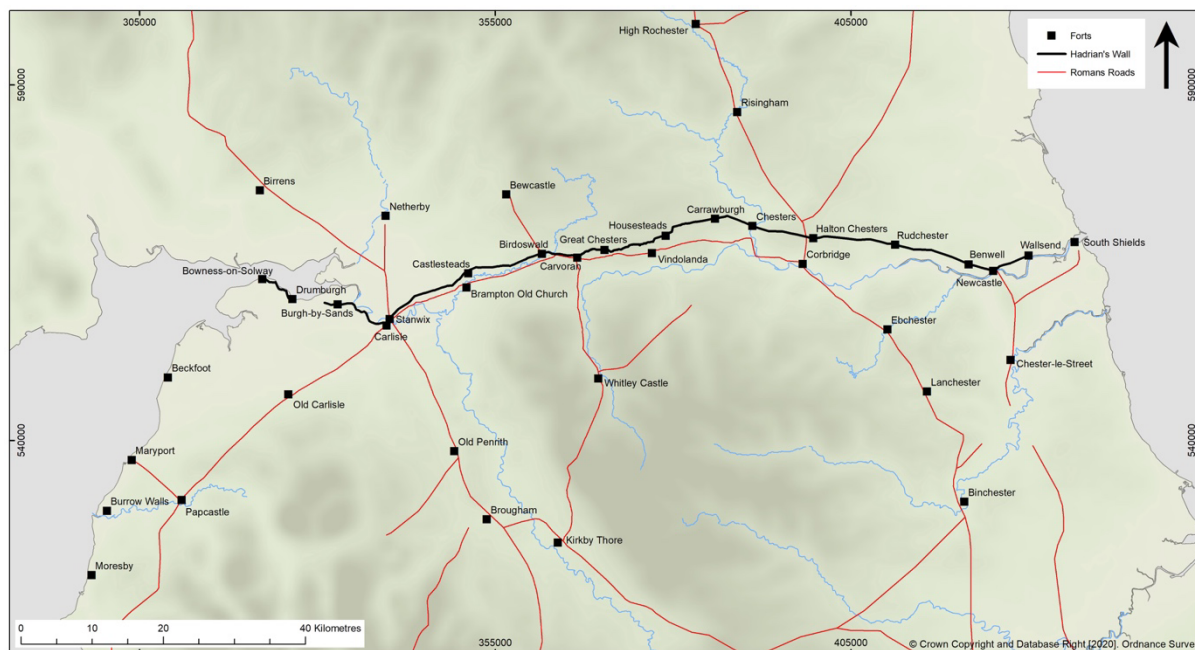
Система Гаск Ридж

The Gask Ridge © David Woolliscroft

Вал Адриана

Фронтальный комплекс Вала Адриана с указанием основных фортов и системы дорог, в цвете.

Garland, N. (2020). Hadrian's Wall frontier, showing major forts and road system v.2 - colour, labels (Version 1). Newcastle University. <https://doi.org/10.25405/data.ncl.11908083.v1>

Вал Антонина

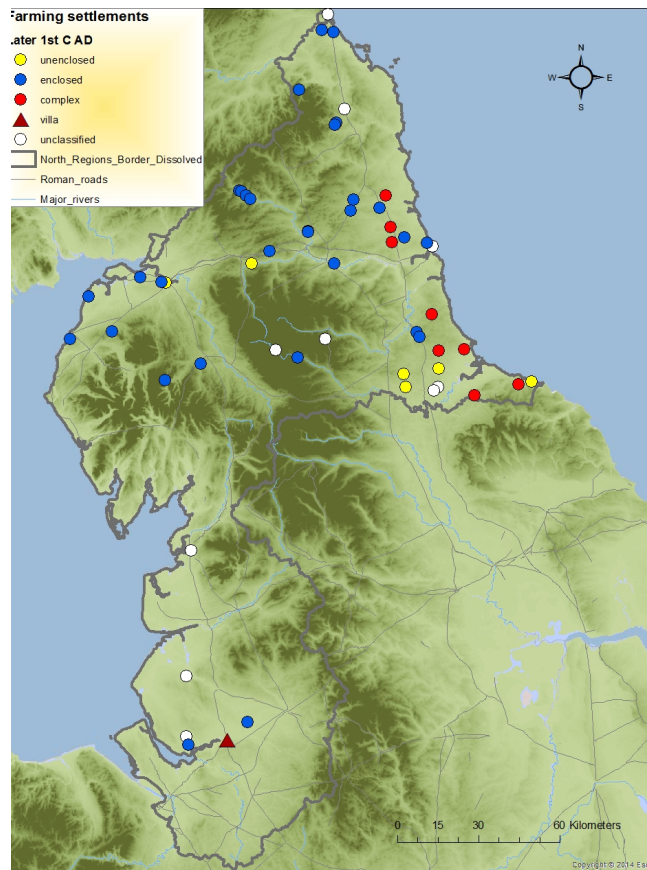
Фронтальный комплекс Вала Адриана с указанием основных фортов, в цвете.

© David Breeze, courtesy of HES

Сельскохозяйственные поселения в период с I по III века:

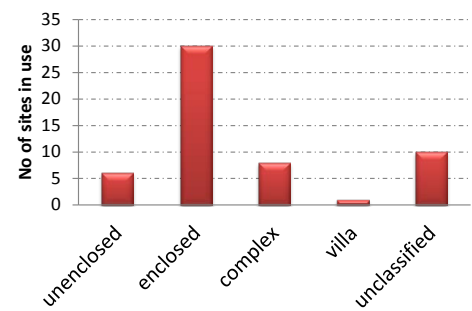
Сельскохозяйственные поселения в период с I

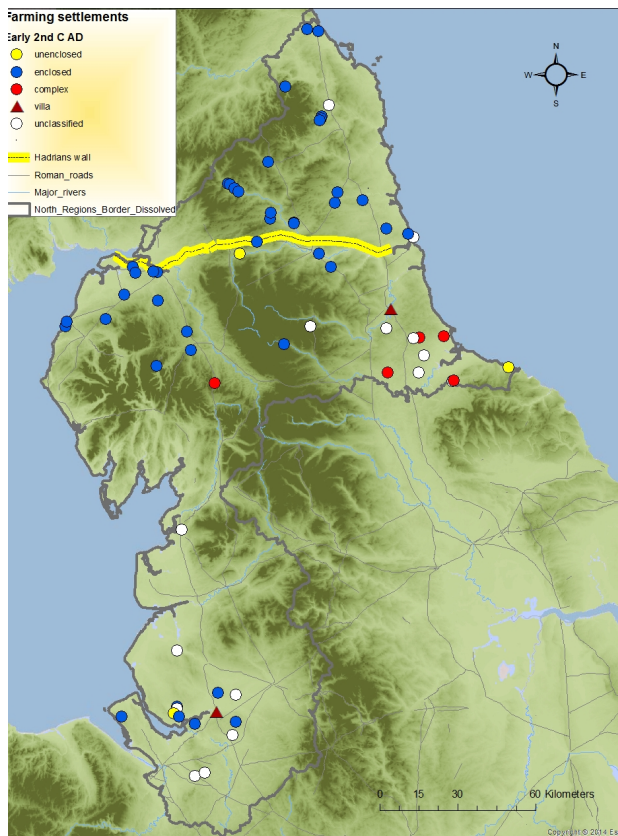
Chronology maps

Later 1st Century AD

55 settlements

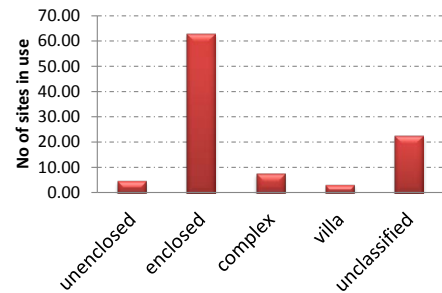
- 10 settlements 'abandoned'
- 11 'new' settlements
- 3 shifts in settlement form

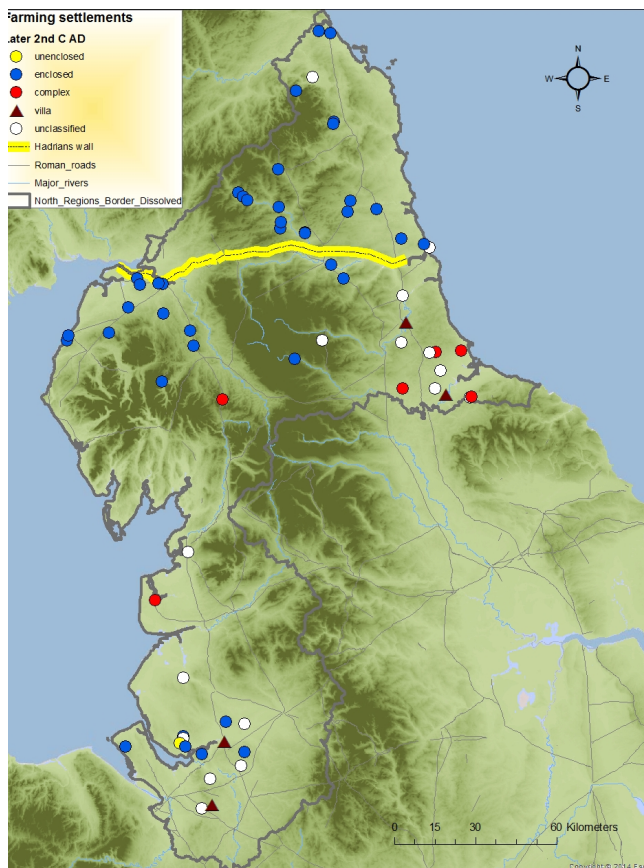
Chronology maps

Early 2nd Century AD

67 settlements

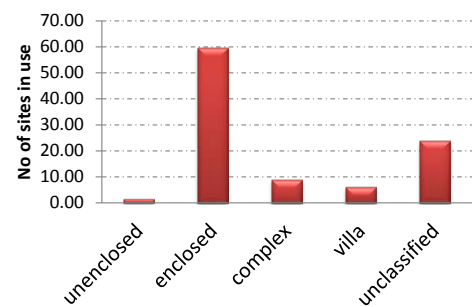
- 14 settlements 'abandoned'
- 26 'new' settlements
- 3 shifts in settlement form

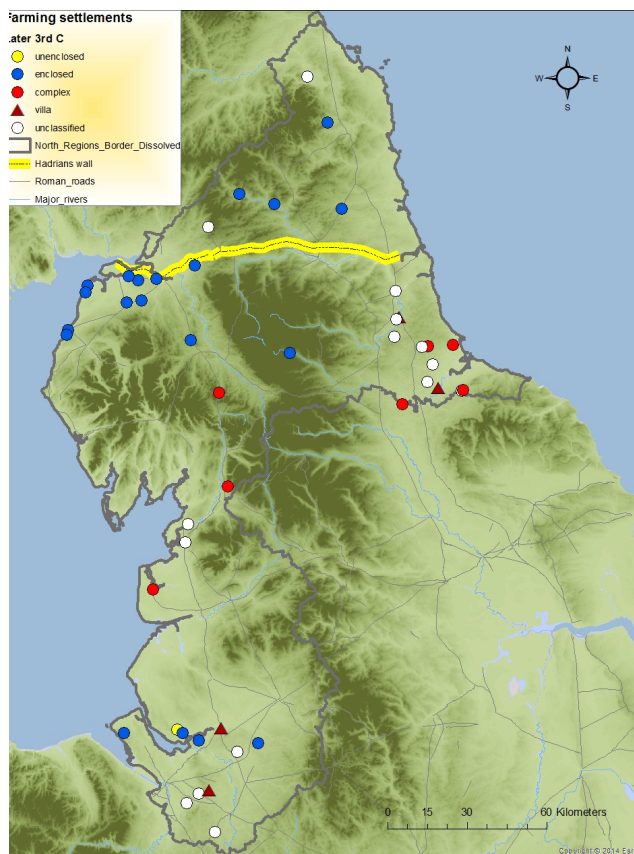
Chronology maps

Later 2nd Century AD

67 settlements

- 8 settlements 'abandoned'
- 7 'new' settlements
- 1 shift in settlement form

Chronology maps

3rd Century AD

40 settlements

- 42 settlements 'abandoned'
- 15 'new' settlements
- 0 shifts in settlement form

Алекс Смит (2015) Хронологические карты – Проект «Римские сельскохозяйственные поселения»

Приложение 2. Иконография

RIC 577a, 577b = BMCRE 1175

RIC 934, URL: [Режим доступа:
https://www.britishmuseum.org/collection/object/C_1859-0601-17]

Приложение 3. Таблицы

Таблица 1. Форты вдоль Вала Адриана

Название форта	Размер (в га)	Расквартированные подразделения за все время существования лимеса
Arbeia (South Shields)	-	Ala I Pannoniorum
Segedunum (Wallsend)	1, 6	Cohors II Neviorum cR (?); cohors IV Lingonum;
Condercum (Benwell)	2	Точные свидетельства отсутствуют
Vindobala (Rudchester)	1, 8	cobors prima Frixagorum (Frisiavonum?)
Hunnum (Halton Chesters)	1, 7	Ala Sabiniana
Cilurnum (Chesters)	2,3	ala Augusta; ala II Asturum
B(P)rocolita (Carrowburgh)	1,6	cohors I Batavorum equitata
Vercovicium (Housesteads)	2	Cohors I Tungrorum (milliaria)
Aesica (Great Chesters)	1,35	cobors VI Nerviorum; Cohors II Asturum
Magnis (Carvoran)	1,4	cobors I Hamiorum; cohors II Delmatarum
Banna (Birdoswald)	2,15	cohors I Tungrorum milliaria peditata; cohors I Aelia Dacorum
Camboglanna (Castlesteads)	1,5	cobors IV Gallorum equitata (?); cohors II Tungrorum equitata (?)
Uxelodunum (Stanwix)	3,7	ala Petriana (milliaria) bis torquate cR
Aballava (Burgh-by-Sands)	2,0	cobors I Nervana Gernanorum; numerus Maurorum Aurelianorum

Coggabata (Drumburgh)	0,8	Точные свидетельства отсутствуют
Mais (Bowness)	2,8	Точные свидетельства отсутствуют
Bribra (Beckfoot),	1,0	cohors II Pannoniorum
Alauna (Maryport)	2,3	cohors I Hispanorum milliaria equitata; cohors I Delmatarum equitata; cohors I Baetasiorum cR
Gebrosentum (Moresby)	1,4	cohors II Lingonum equitata; cohors II Thracum equitatas
Vindolanda		Cohors II Neviorum cR (?); Cohors IV Gallorum civitata (?);

Информация приведена по работам Д. Бриза и Б. Добсона.

Таблица 2. Форты вдоль Вала Антонина

Название форта	Размер (в га)	Расквартированные подразделения за все время существования лимеса
Кэрриден (Carriden)	1.76	Точные свидетельства отсутствуют
Инверэйвон (Inveravon)*	-	Точные свидетельства отсутствуют
Мамриллс (Mumrills)	2.9	Ala I Tungrorum; cohors II Thracum
Фэлкирк (Falkirk)	-	Точные свидетельства отсутствуют
Роф Касл (Rough Castle)	0,6	Cohors VI Nerviorum
Каслкэри (Castlecary)	1,56	Cohors I Tungrorum milliaria peditata; cohors I Vardullorum milliaria peditata
Уэстервуд (Westerwood)	0,96	Предположительно подразделение Legio VI
Крой Хилл (Croy Hill)	0,8	Предположительно подразделение Legio VI
Бар Хилл (Bar Hill)	1,4	Cohors I Baetasiorum cR; cohors I Hamoniorum quingenaria peditata
Оушендэйви (Auchendavy)	1,2	Предположительно подразделение Legio II
Киркентиллох (Kirkintilloch)	1,3	Точные свидетельства отсутствуют

Кэддер (Cadder)	1,1	Точные свидетельства отсутствуют
Бэлмайлди (Balmuilty)	1.72	Точные свидетельства отсутствуют
Бирсден (Bearsden)	1,2	Точные свидетельства отсутствуют
Каслхилл (Castlehill)	1.41	Cohors IV Gallorum quingenaria equitata
Данточер (Duntocher)	0,26	Свидетельства отсутствуют
Олд Килпатрик (Old Kilpatrick)	1,88	Cohors I Baetasiorum cR

Информация приведена по работам Д. Бриза и эпиграфическим данным
 *не всегда входит в состав фортов